

ОТСТУПНИК

Крах устоев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ремиз

Ремиз. .

Отступник: Крах устоев

«Автор»

2026

. Р.

Отступник: Крах устоев / Р. . — «Автор», 2026

Его звали Ноар. Он был гвардейцем. Падал с небес и выжил. Он всегда знал, кто враг, а кто друг. Знал приказ и чётко его выполнял. Но судьба имела на него другие планы — и однажды он встретил тех, кого должен был убить. Он не убил.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	10
Глава 2.	13
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	56
Глава 9	62
Глава 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ремиз. .

Отступник: Крах устоев

Пролог.

Пятеро всадников парили над белыми ватными облаками, над густыми зелёными лесами и тонкими синими нитями рек. Сверху мир казался умиротворённым, совсем нетронутым. Они выглядели беспечными ангелами. Но всадники не отвлекались на это небесное спокойствие. Их взгляды были прикованы вниз.

Один из всадников подал жест рукой и выкрикнул: — За корону!

Вся пятёрка рванула вниз.

Грифоны сложили свои огромные пернатые крылья и начали разрезать небесную гладь. Встречный ветер ударил в лица, ватные облака разорвались в клочья. А потом мир внизу распахнулся, встречая всей своей кровавой наготой.

Поле битвы. Тысячи воинов сражались не строем — это скорее походило на разбросанную мозаику. Столбы чёрного дыма от горящих повозок поднимались вверх, и даже сквозь рёв ветра в ушах до всадников уже долетал отдалённый визг стали и захлёбывающийся вой раненых.

Перед самой землёй грифоны вновь расправили свои крылья, обдав сражающихся внизу своей тенью. Всадники обнажили мечи. Пролетая над полем боя, почувствовали резкий запах крови и гари. Они не отвлекались на весь происходящий ужас. Чётко зная свою цель.

Строй держался клином. Ведущий — тот, кто подал знак, — летел впереди. На их наплечниках виднелся герб с белой головой грифона на синем фоне — знак короны.

Спокойный, целеустремлённый взгляд всадников вызывал ужас. Вокруг них бушевал хаос. Горящие повозки, опрокинутые знамёна, люди, молящие о помощи. А они — будто стрела в полёте. Глаза пятёрки словно не замечали этого. У них была задача, и ничего, кроме неё, для них не существовало.

Один из всадников боковым зрением уловил движение. Словно стрела, к нему неслась небольшая тёмная комета, рассекая воздух без звука, без свиста, — лишь тёмный след развевался за ней. Тёмная стрела — заклинание магов, выпущенное подобно стреле из арбалета, но, в отличие от стали, оно не просто пробивало плоть. Оно разрывало её изнутри. Маги редко вступали в бой — их берегли для особых случаев.

Всадник дёрнул поводья, уводя грифона в бок, но было поздно. Тёмная стрела попала грифону в брюхо, разорвав его, как грифон разрывал облака. Огромные крылья, только что рассекавшие небо, обмякли. Зверь вскрикнул и ударился об землю. Всадник кубарем, вместе с грифоном, покатился по полю боя.

Все всадники на мгновение обеспокоенно оглянулись в сторону выбывшего из строя напарника. Один из них промолвил: — Ноар!

Но ведущий — тот, что летел впереди, — даже не обернулся. Он слышал звук падения, визг зверя. Он знал, что, скорее всего, потерял бойца. Но его взгляд остался прежним: спокойным и устремлённым вперёд. Задача не изменилась. Скорбеть будут потом.

Мир завертелся. Ноару перебило дыхание, в ушах зазвенело, всё вокруг поплыло. Грязь и кровь испачкали доспехи. С беспечного неба он напрямик попал в ад. Звон железа доносился отовсюду. Железные доспехи встречали удары оружия. Где-то после звона стали, разносился звук рвущейся живой плоти. В воздухе стоял запах крови и железа, страха и беспомощности, гнева и ярости. Это и есть тот самый запах войны.

Ноар ничего этого не слышал и не видел. Лишь лёгкий звон доносился в его ушах. Он будто душой остался в том беспечном небе, хотя тело было погружено прямиком в бойню.

Встав на четвереньки, он попробовал нащупать свой меч, который выпустил во время падения. Но резкий удар по голове опрокинул его на спину, приведя в чувство.

И мир вокруг него закричал.

Он увидел и услышал всё, что происходит вокруг. Звон железа ударил по ушам. Крики и ржание коней заставили содрогнуться. А запах гари и крови ударил в нос так сильно, что снова перебило дыхание. Всё это смешалось в единый лик войны.

Над Ноаром стоял враг. Они смотрели друг другу в глаза. Лица обоих были запачканы кровью и грязью. Ноар обратил внимание на лицо врага. Молодое лицо, на вид не старше двадцати — открытое, мягкое, с крупными чертами, будто вылепленное из теста заботливыми руками матери. Он явно должен был по утрам разносить бидоны с молоком, а не таскать мечи. На его лице не было ни ярости, ни гнева, ни даже желания убить. На лице виднелись лишь усталость и безысходность. На груди его доспеха, залитого грязью и чужой кровью, темнел герб — чёрное поле и белая оскаленная голова оборотня. Герб врага. Герб тех, с кем они начали делить эту землю.

Противник выдохнул и, будто из последних сил, поднял свой меч над головой Ноара. Но всадник уже не был контужен. Когда меч словно застыл в воздухе, Ноар схватил противника за ноги и дёрнул на себя. Скользящая грязь сделала своё дело — враг проскользил по ней, как по маслу, и рухнул на спину, выронив меч. Ноар вскочил на него и сел сверху, левой рукой пытаясь вытянуть запасной кинжал на своей ноге. Но враг схватил его за левую руку своими двумя и начал держать. Он вцепился в неё, словно утопающий в своего спасителя.

Ноар ещё раз взглянул в его глаза. В глазах врага плескался животный страх. Он своим взглядом словно молил о пощаде. Капли слёз начали собираться в уголках глаз и стекать вдоль грязных молодых щёк. Молодой противник заговорил: — Стой, стой, я прошу тебя, стой...

Ноар собрал все силы, сжал правую руку в кулак и нанёс сильнейший удар по лицу врага. Железная перчатка, как камень, впечаталась в молодое лицо. Из губ и носа потекли красные ручейки — словно нити. Послышался хруст зубов, похожий на сухое потрескивание веток. Молодой противник ослабил хватку, и Ноар сразу же начал повторять удар за ударом. Противник отпустил его левую руку, дав ему возможность бить обеими. Ноар просто уничтожал молодое лицо парня, быстро превратив его в месиво из грязи, крови и осколков костей.

И снова тишина. Ноар на секунду замер над телом парня, глядя перед собой в кровавое месиво. Уже было не узнать то доброе лицо молочника, которое так бережно лепила его мать, будто тесто. Никаких долгих душевных терзаний — лишь короткий выдох и осознание того, что противник убит наверняка.

Не успев подняться, Ноар услышал приближающиеся шаги. Он левой рукой выдернул запасной кинжал и начал вставать, но топор противника уже стремился в его голову. Ноар успел подставить правую руку. Топор вонзился в предплечье, окованное доспехами, — словно в прочное дерево. Ноар стиснул зубы, а по холодной кольчуге на правой руке потекла тёплая кровь. Он сделал выпад на левое колено и кинжалом проткнул пах противника.

Противник закричал и выронил топор. Ноар выдернул кинжал, но не успел нанести второй удар — сзади раздалось: — Берегись!

Обернувшись, он увидел бегущего противника с булавой. В лице врага были злость и испуг, он что-то кричал, но в суматохе боя слов было не разобрать. Ноар уложил кинжал вдоль ладони, а потом прицельно швырнул его во врага. Кинжал вошёл в шею, перебив артерию. Противник упал на колени, схватился за воткнувшийся кинжал, выдернул его из раны — и алая кровь забила пульсирующим фонтаном.

Союзник, который крикнул «Берегись!», кивнул головой и тут же вступил в следующую схватку. Ни слова. Ни имени. На войне не всегда есть время на слова и объятия.

Не успев толком отдышаться, Ноар заметил, как на него движется огромный силуэт.

Из дыма вышел вар. На голову выше человека. Серая кожа, покрытая старыми шрамами. Красные глаза смотрели без злобы — спокойно, как у того, кто уже знает, чем кончится бой. На лбу — рог. Короткий, толстый, заточенный кверху.

Секира в его руках была размером с человеческий торс. Тёмное лезвие, щербатое, в засохшей крови.

Таких, как он, когда-то изгнали с земель короны. Теперь они вернулись. Забрать своё.

Вар не кричал. Не ускорялся. Он просто шёл. И земля под ним проседала, как под весом камня.

Вар рванул вперёд и, замахнувшись секирой, нанёс удар сверху вниз. Ноар еле успел отпрыгнуть в сторону, приземлившись на руки. Секира врубилась в землю, подняв фонтан из грязи и чих-то внутренностей. Существо выдернуло секиру без особых усилий и собрался атаковать снова. Но рёв зверя заставил его обернуться. Из пыли на двух лапах выскочил раненый грифон. Изредка взмахивая крыльями, он придавал себе устойчивости. На доспехах виднелись стрелы, а на крыльях — рубленые раны, из которых стекала кровь по белым-белым перьям. Его брюхо было разорвано, кишки тянулись по земле, а сам он злобно ревел. Грифон накинудся на вара, вцепился клювом ему в руку и повалил его на землю.

Ноар вскрикнул: — Храбрец!

Это было прозвище грифона.

Ноар вскочил, подобрал чей-то обломанный меч правой рукой. Сжимая рукоять, он почувствовал, как горит раненое предплечье. Он увидел незащищённое доспехами место на рёбрах вара и нанёс туда удар, вогнав поломанный меч по самую рукоять. Схватил рукоять второй рукой и со всей силы провернул лезвие, насколько хватило сил. Послышался хруст рёбер. Из раны хлынула практически чёрная кровь. Она имела другой запах по сравнению с человеческой — будто отдавала ржавым железом и сырой землёй. Вар заорал. Грифон опрокинул его на землю, вцепившись птичьими когтями в лицо и начав вырывать с него куски. Ключья кожи отрывались от лица вара с частицами плоти. Он орал, но не сдавался. Это был ор не боли, а злости. Вар, словно меч, вонзил свою руку в рану грифона на брюхе и начал вырывать куски плоти. Это было похоже на то, как голодный бедняк дорвался до роскошного застолья и гребёт с него всё, что может.

Храбрец заревел, встал на задние лапы, расправил крылья и начал отходить назад. Ноар не стал терять момента и попытался выдернуть поломанный меч. Но существо схватило болтающиеся кишки грифона с земли, опрокинул за шеей Ноара и дёрнул к себе, схватив его за шлем, рванул в сторону — и Ноар рухнул рядом. Ноар скинул шлем, залез на вара и что есть сил начал наносить удары кулаками по голове.

Лицо вара было изуродовано. Куски кожи с мясом свисали с него, одна глазница уже опустела. Местами виднелись тёмно-серые кости.

Ноар не прекращал бить. Он вкладывался в каждый удар настолько, что доспехи на руках не выдержали — начали трескаться и сыпаться. Вар схватил Ноара за руки и своим взглядом упёрся ему в глаза. Глаза Ноара были залиты гневом. Они уже не были похожи на человеческие. Но даже такой взгляд не устрасил вара. Выставив ногу, он опрокинул Ноара через себя и кинулся к грифону, подбирая по пути свою секиру. Замахнувшись что есть мочи, он нанёс грифону удар в шею. Но даже несмотря на всю его мощь, он не смог срубить шею, прикрытую бронёй. Надавив на секиру, он свалил грифона на землю, достал лезвие и воткнул ногу в образовавшуюся на шее рану. Нога провалилась, словно он наступил в обычную грязь. Храбрец заревел ещё сильнее.

Ноар к этому моменту подскочил к вару и со спины сбил его с ног влетел всем корпусом. Ноар и существо упали на землю. Вар начал подниматься, подбирая секиру, но Ноар вскочил быстрее и сильнее ударом с колена сбил его снова, подхватив лежащую рядом цепь. Только

он хотел снова накинуться на вара, как сбоку выскочил ещё один противник, нанося рубящий удар мечом. Ноар не стал уворачиваться — он заблокировал удар левым плечом.

И в этот момент в атакующего врага прилетела стрела.

Она пробила шлем и вошла в голову чуть ниже уха. Пробила кожу, мышцы, кость. Наконечник остановился где-то посреди глотки. Неприятель выронил меч, сделал два нетвёрдых шага и замер. Открыл рот и захрипел, а изо рта потекла тёмная кровь. Он простоял так пару секунд и свалился.

К этому моменту вар накинулся снова. Ноар от неожиданности выронил цепь, и они сцепились в рукопашном бою. Каждый удар сотрясал тело, будто гром. В один из моментов вар согнулся и молниеносно попробовал насадить Ноара на рог, но тот смог нырнуть под руку, подхватить железную цепь с земли и обкинуть ее вокруг шеи вара, подбить ноги и что есть мочи начать душить.

Ноар упёрся коленом в спину вара и потянул цепь на себя. Железные звенья впились в серую кожу вара, сминая её, как грубую ткань. По серой коже потекла тёмная кровь. Мышцы Ноара забились, натянулись до предела — ещё чуть-чуть, и порвались бы сухожилия. Он рычал сквозь стиснутые зубы, но не ослаблял хватки ни на миг.

Вар хрипел. Он пытался поддеть цепь пальцами, но звенья уже впились глубоко в его плоть, передавив гортань. Тогда вар начал подниматься. Но Ноар дёрнул изо всех сил, вкладывая в рывок весь вес своего тела. Послышался резкий хруст. Под давлением колена у вара поломались позвонки. Вар перестал упираться ногами. Ноар продолжил душить дальше. Цепь натянулась так, что звенья начали поскрипывать — ещё немного, и металл не выдержит. Но раньше не выдержало горло вара. Ноар почувствовал, как что-то внутри, под цепью, смялось, уступило. Хрип оборвался.

Ноар не отпускал ещё долго. Он держал цепь обеими руками, пока дыхание не выровнялось, пока тело вара не обмякло окончательно. И только тогда разжал пальцы. Цепь со звоном упала в грязь, и через несколько секунд вар завалился изуродованным лицом рядом с ней. Ноар отшатнулся, упал на спину и уставился в небо, тяжело дыша.

Они лежали рядом. Цепь, которой Ноар душил вара, валялась между ними, вся в чёрной крови. Дождь ещё не начался, но небо уже темнело, обещая скорый ливень. Земля под ними медленно пропитывалась кровью — красной, чёрной, смешивая их в одну. Земле всё равно, кто свой, а кто враг.

Ноар повернул голову вбок. Его взор упал на умирающего грифона. Грифон лежал на разорванном животе. Белые перья были все в крови и грязи. По всему телу — следы от ударов мечей и наконечники стрел. За ним тянулось кровавое покрывало с кишками, с кусками плоти. Видимо, грифон пытался ползти к Ноару, чтобы ещё раз ему помочь во время битвы с варой.

Грифон поднял голову и увидел тело вара. Затем Храбрец кинул взор на Ноара, и их замученные взгляды встретились. Умирающие глаза грифона заиграли новыми красками, в них появилось чувство выполненного долга.

Ноар прошептал: — Храбрец, ты сделал всё!

И тише.

— За корону!

Измученный, раненый грифон приподнялся, кивнул Ноару и положил свою когда-то белоснежную голову на грязную землю, закрыв глаза.

Начался дождь. Капли забарабанили по наплечнику, по лицу, по грязи вокруг. Холодная вода смывала кровь и пот — впервые с момента падения Ноара можно было узнать по лицу. Он снова ничего не слышал — в этот раз абсолютно ничего, даже звона. Сейчас он чувствовал настоящее умиротворение.

Небо над полем боя медленно очищалось от дыма. И там, высоко, среди туч, проступила голубая сфера — бледная, размытая, как далёкий фонарь в тумане. Она висела там всегда, но становилась ярче именно в такую погоду.

Дождь стучал по наплечнику. Грязь медленно сползла с герба, обнажив синее поле и белую голову грифона.

Ноар закрыл глаза.

Глава 1.

Цепь волочилась по земле, издавая тихий скрежет. Три месяца назад этот звук резал ему уши. Теперь Ноар перестал его замечать. Три месяца он считал дни по сменам надзирателей. Девяносто раз он просыпался в этой темноте, девяносто раз закрывал в ней глаза.

Колонну из четверых узников завели в небольшую камеру. Внутри стояла почти полная темнота, лишь слабый свет факела за дверью просачивался сквозь щели, разгоняя сумерки, как последний луч надежды. Пахло мочой, прелостью и старым железом. С потолка без конца капала вода. Капля за каплей — размеренно, как удары сердца.

Ноар почти ничего не помнил. После боя его бессознательное тело нашли мародёры. Как бы это ни звучало, но они спасли ему жизнь. Воины королевства Грай казнили бы на месте столь элитного воина королевства Ирдан. Но у мародёров совсем другой интерес. Отличные доспехи можно было дорого продать, несмотря на повреждения, как и самого воина.

Лёгкий луч света падал на лицо Ноара. Густая длинная тёмно-коричневая борода закрыла волевой подбородок и старые шрамы. На губах застыла лёгкая улыбка, но шрам на правой стороне перерезал губу, и улыбка казалась жутковатой, будто приклеенной. Редкий цвет его глаз был замечен даже в этом сумраке: голубые, но сверху радужка левого глаза была тёмно-коричневая. Словно природе не хватило голубой краски. Ещё один шрам — широкий, грубый — тянулся от середины лба до середины левой щеки. Левый глаз он не задел. Лезвие прошло в пальце от него. Повезло.

— Роан, у нас получится?

Старик произнёс это, хромя подходя ближе к Ноару. Ноар специально представился чужим именем. Здесь на землях Грая, не помешала бы лишняя предосторожность. Старик был невысокого роста, худощавый. Всё лицо изрезали глубокие морщины — годы, проведённые здесь, сказались на нём сполна. Седая борода спускалась почти до солнечного сплетения. Голова — полностью лысая, будто он сам её выбривал.

— Завтра узнаем, старичок, — ответил Ноар.

— Даже если не получится — что с того? Я лучше сдохну в попытках выбраться, чем сгнию в этих подземельях и буду похож на старичка, — сказал Гарви.

Гарви был среднего телосложения. До того как попасть в подземелья, он явно имел небольшой лишний вес, а теперь от него остались только широкие плечи и память о сытой жизни. Он работал кузнецом в одной из деревень, пока в дороге на него не напали разбойники и не продали в шахты на территории Грая.

Говорил Гарви, не глядя на остальных. Смотрел в стену, будто видел там что-то своё.

Из-за двери слышались шаги.

— Я смотрю, кому-то сильно весело? — спросил надзиратель.

Все трое улыбнулись. Все, кроме старика. Тот стоял с лёгким возмущением и недоумением на лице — он и правда считал, что выглядит довольно неплохо. Когда-то он работал в старой библиотеке считая себя интеллигентом, пока не проиграл всё имущество и не влез в долги к гоблинам. Те, недолго думая, продали его в подземелье на каторги. С тех пор минуло много лет, но привычка следить за собой — насколько это возможно осталась.

Шаги отдалились.

— Ушёл, пёс старый, — промолвил старичок.

— Уж явно моложе тебя, — ответил Гарви.

Марк начал хохотать, закрывая рот ладонью.

Они никогда не говорили о прошлом. Никто не спрашивал - никто не отвечал. Но побег менял всё. Это было похоже на исповедь перед смертью.

— Слушай, Марк, хорошо тебе живётся. Надо всем смеяться, несмотря на то что мы в таком дерьме. В принципе, вся жизнь — одно сплошное дерьмо. Просто у кого-то более твёрдое, а у кого-то жидкое. У кого-то оно пахнет чуть лучше, а у кого-то хуже, — промолвил Гарви.

— А как же короли? Богатые торговцы? Принцессы? — спросил старичок.

Гарви посмотрел на него долгим, усталым взглядом. Таким смотрят не на взрослого собеседника, а на ребёнка, который ещё верит в сказки.

— Да вот так! Думаешь, они всем довольны? Королям не хватает власти. Они трясутся за неё, не могут спать, боясь её потерять. Богатые торговцы? Им всегда мало денег, они готовы за них удавиться. Они никогда не будут счастливы! А что принцессы? Их выдают замуж не по любви, а по королевской выгоде. Ты считаешь, это прекрасно? Вся жизнь — сплошное дерьмо, — ответил Гарви.

— Лучше, наверное, переживать о недостатке власти, денег и влияния, чем о вшах, — сказал Марк и неуверенно прихлопнул одного из вшей, бегущего по нему. — Я рано лишился родителей и оказался на улице. Мне с самого детства пришлось воровать. Пришлось приспособиться. Ночевать на помойках с облезлыми крысами, доедать еду с дворовыми собаками. Лучше бы я переживал о недостатке власти или денег.

Марк замолчал и провёл ладонью по шее, будто проверяя, на месте ли голова.

Гарви выслушал, тяжело вздохнул и сказал:— Видишь — это ещё тот факт, что люди делятся на две прослойки: слабую и сильную. Ты — сильная.— У меня была своя кузница. Всегда обильный стол на ужин. Любимая жена-красавица и крепыш-сынишка. А что с того? Мне было мало, я всё равно хотел больше. Я этого не ценил, пока не погрузился в это дерьмо. — Гарви сел поудобнее, вытянув ноги. — Но знаешь что? Когда я выберусь, я буду ценить всё, что у меня есть. Но недолго. Через время я позабуду вот это всё и снова перестану ценить то, что имею.

Старичок помолчал, потерял край своей бороды.

— А я вот в библиотеке работал, — произнёс он задумчиво. — Там, знаешь ли, тоже дерьма хватало. Но хотя бы пахло книгами.

Он снова замолчал. Потом добавил тише:

— Вы всё старичок да старичок. А у меня имя есть. Орвин. Может, назовёте когда. Хоть раз.

Ноар на мгновение задержал на нём взгляд, но промолчал. Он не любил имена. Имена привязывали.

Никто не ответил. Но Гарви отвёл взгляд. Запомнил.

— А ты чего молчишь, Роан? — Гарви повернулся к Ноару. — Мы тут все рассказываем, у кого какое дерьмо было, а ты сидишь как каменный. Кем был? Откуда родом? За столько времени о тебе ничего не знаем.

Ноар не сразу ответил. Он смотрел на капли воды, стекающие по стене.

Он знал, что ему не поверят. Но правда была опаснее любой лжи.

— Пастухом, — сказал он наконец. — Овец пас.

Ноар медленно перевёл взгляд с капель на Гарви.

Гарви хмыкнул. Старичок поджал губы. Никто не поверил. Но никто не стал переспрашивать.

Во время диалога Марк был немногословен. Впервые за все вечера, проведённые здесь. Его обеспокоенный взгляд смотрел в землю. Он очень боялся завтрашнего дня.

Марк сидел, поджав ноги к груди. Рыжие волосы прилипли к мокрому лбу. Он не плакал — только часто сглатывал, и кадык дёргался, как у птицы. Руки его лежали на коленях ладонями вверх — и пальцы подрагивали. Те самые пальцы, что вскрывали замки лучше, чем у любого каторжника.

Старичок продолжал о чём-то спорить с Гарви, но Ноар их уже не слушал. Он сидел с закрытыми глазами, слушая своеобразную тишину. Стук капель со стен. Скрип дверей где-то в глубине коридора. Даже голоса Гарви и старика не могли ему помешать. Они стали просто частью фона — как вода, как камень. Ноар умел вслушиваться в тишину и расслабляться даже здесь. Этому его научили задолго до подземелья.

Перед внутренним взором Ноара всплыл алтарь Святой Аитии. Высокий круглый зал, стены которого были высечены из светлого гранита. Свет падал сквозь витражи, окрашивая пол в синий и красный. В середине зала возвышалась статуя Аитии — высокая, стройная, с крыльями за спиной. Она держала меч двумя руками, подняв его над головой. Вокруг неё застыл десяток каменных статуй — её верных воинов, Валькирий.

У подножия статуи, на широком каменном возвышении, рядами лежали тёмно-фиолетовые береты. Каждый - ровно, аккуратно. Береты живых гвардейцев. Свой Ноар оставил там же, в день присяги. И с тех пор не прикасался к нему.

Один из магов королевства в мантии, раскинув руки, стоял спиной к десятку воинов. Он просил благословения перед битвой для своих братьев. Он что-то тихо шептал, и вокруг алтаря, словно одуванчики в небе, вскружились золотистые светлячки.

Дюжина воинов словно ожила. Их дыхание стало полным. Плечи воспряли, а взгляд стал яснее. Тяжеленные доспехи словно уже ничего не весили. Но был один, кто вовсе не изменился.

Ноар не чувствовал ничего.

Ноар стоял среди братьев, но был дальше всех.

Ни тогда, ни сейчас. Только холод камня под спиной и мерный стук капель. И понимание, что из этой ямы он выберется или умрёт в бою. Но не останется здесь гнить.

Глава 2.

Ноар открыл глаза, услышав храп стражи. Он сразу отличил его от храпа старичка, хоть тот по громкости ничуть не уступал охране.

«Время, проведённое в подземелье, не забрало мой чуткий сон», — подумал Ноар.

В подземелье не было времени суток. Единственный способ понять, что день сменился, — смена охраны. Утро — это скудный приём пищи. Ночь — храп стражи за дверью.

Ноар заметил, что Марк не спал. Тот всё так же тревожно сидел, уставившись в землю. Ноар понимал: такое состояние перед побегом — это провал. Вопрос только в том, чей именно. Провал всей четвёрки? Или оплошность Марка заберёт кого-то одного? Двоих? Трёх?

Ноар кинул отмычку Марку и, кивнув, дал сигнал начинать. Марк принялся за кандалы. Ноар разбудил Гарви. Тот проснулся, слегка потянулся, взял деревянную миску, стоявшую у стены под каплями, и сделал пару глотков. Затем Ноар разбудил старичка. Тот тревожно встрепнулся и начал что-то бормотать спросонья.

Марк освободил свои руки и ноги и дальше перешёл к остальным.

Он был худощавый, низкорослый, трусливый парнишка с рыжими волосами, которые даже в этой тьме светились, как тусклый огонёк. Лицо в веснушках, на щеках ямочки. Но когда он взламывал кандалы, на лице появлялась радость, будто он участвовал в игре. В своём деле Марк был профессионалом. Украсть незаметно. Открыть то, что хорошо закрыто. Здесь ему не было равных. Кандалы с себя четвёрка полностью не скинула, чтобы не вызывать подозрений, а оставила их висеть, как декор. Одно неловкое движение и они зазвенят.

Отмычку для побега раздобыл старичок. Он провёл здесь не один год, что само по себе было удивительно. Молодых, крепких мужчин подземелье ломало за полгода. А этот не просто выжил — он, казалось, даже привык. Сросся с темнотой, с сыростью, с бесконечным стуком капель. И на побег подписался не от отчаяния, а скорее, из любопытства. Он согласился не сразу — помолчал, пожёвывая край седого уса, а потом кивнул: давай, мол, развлечёмся.

Старичок знал подземелье не хуже стражи. Все ходы, все тупики, все скрипучие двери. Он должен был выступить проводником для всей четвёрки. Без него не было бы никакого плана.

Шахты, в которых они находились, были самыми крупными на территории Грая. Целое подземелье, выгрызенное в скальной породе за десятилетия. Огромные тёмные туннели, уходящие вглубь на сотни шагов. Свои печи. Свои кузницы. Сотни замученных узников, которых привозили сюда раз в неделю целыми партиями. В одной из таких кузниц и работал иногда Гарви.

Старичок просчитал, что именно сегодня Гарви должны отправить на помощь к другим кузнецам — в ту самую кузницу, где хранился взрывчатый порошок для подрыва породы. Стража знала о нём и охраняла тщательно. Но Гарви работал там уже не первую смену и знал, где лежит запас. Его задача была простой: бросить мешок в печь. А дальше — огонь, грохот, обвал. В хаосе стража забудет о заключённых. В хаосе можно будет уйти.

Гоблины были невысокого роста — около метра. Некрупного телосложения, но с очень крупным животом, который они любили набивать всякой всячиной. Ели всё подряд: от вкусной человеческой выпечки до человеческих сердец, считавшихся у них деликатесом. Ещё одна отличительная черта — длинный узкий нос, расширявшийся на конце, где были ноздри. Кожа — бледно-бледно бежевая, как у тех, кто редко видит солнце. Гоблины всячески избегали прямых столкновений с противником. Они предпочитали тихо перерезать горло ночью. Занимались в основном торговлей и азартными играми.

Колонну построили быстро. Надзиратели ходили вдоль строя, пересчитывая заключённых. Кандалы, висевшие на четвёрке как декор, не звякнули ни разу. Ноар следил за каждым шагом.

На развилке Гарви отделили. Он ушёл с другими кузнецами в свою сторону, даже не оглянувшись. Ноар, старичок и Марк двинулись в другую — вниз.

Гарви тем временем уже шагал по знакомому коридору к кузнице. Толкнул тяжёлую дверь. Замер на пороге.

— Сука, — произнёс он.

Вещества, которое доставляли гоблины, на месте не было. Ни бочек, ни мешков. Голый пол. Гарви огляделся — может, переставили? Может, за другой дверью? Это означало, что его часть плана только что умерла. Что делать дальше, он не знал.

Чем глубже спускались остальные, тем тяжелее становился воздух. Факелы на стенах попадались всё реже. Туннель сужался, сворачивал, уходил вправо и резко вниз.

Старичок начал нервничать.

Ноар заметил это сразу. Старик шагал как обычно, слегка прихрамывая. Но он больше не оглядывал из любопытства стены туннеля, которые почти ничем не отличались друг от друга, и видел он их уже сотни раз.

— Что такое? — тихо спросил Ноар.

— Роан, эту часть шахты нельзя трогать.

— Почему? — поинтересовался Ноар.

— Заткнитесь, — бросил один из надзирателей.

— Роан, ты веришь в легенды? — вопросом на вопрос ответил старичок.

— Что за легенда? — боязливо спросил Марк.

— Говорят, где-то в этой части шахты спит земляной дракон. Хоть это всего лишь легенда, но эту часть шахты никто никогда не трогал.

Резкий удар кулака пришёлся старику в челюсть. Он рухнул и головой ударился о каменную стену, ободрав лысую голову. Старик застонал и схватился за голову обеими руками.

Надзиратель открыл рот — то ли чтобы закричать, то ли чтобы выругаться. Его взгляд упал на руки старичка. Оков не было. Они слетели во время падения.

«Медлить нельзя», — подумал Ноар.

Резкий толчок сотряс весь туннель. Сверху чаще закапала вода, ручейки по стенам побежали быстрее. Поднялась пыль. А следом через секунду, может, две — пришёл звук. Глухой, далёкий, но такой силы, что его не услышали, а почувствовали. Он прошёл сквозь камень, сквозь кости. Низкий гул, от которого зачесались барабанные перепонки. Резкий порыв ветра заглушил почти все и без того редко горящие факелы. В туннелях стало ещё темнее. Темнота сковала подземелье.

Надзиратель, уже открывший рот, чтобы закричать, запнулся. Его взгляд метнулся в глубину туннеля — туда, откуда пришёл толчок. Остальные надзиратели тоже замерли, вжимая головы в плечи.

Заключённые загомонили. Кто-то упал на колени. Кто-то прижался к стене. Пыль сгустилась, стала плотной, как туман.

У Марка от страха забегали глаза. Колени затряслись. Дыхание стало чаще.

— Подрыв, — прошептал старичок, всё ещё лёжа у стены.

Из глубины туннеля, из-за облаков пыли, раздался другой звук. Не взрыв, не обвал. Это был рёв. Рёв, будто сама буря заговорила. Сама вечность проснулась. Рёв пробирал до самых костей.

Надзиратели, спотыкаясь, ломанулись в сторону выхода. Один из них завалился на землю. По нему тут же побежали остальные, кто-то споткнулся о лежащего и рухнул сверху, лязгнув доспехами. Узники тоже не стали медлить. Они рванули наверх, но в толкучке, с око-

вами на руках и ногах, бороться за место было почти невозможно. Кто-то падал, кто-то полз по чужим спинам. Крики смешались с лязгом цепей и топотом ног.

Ноар подхватил старичка под руку и взглядом начал искать Марка. В почти крошечной темноте, среди мечущихся тел и теней, рыжие волосы парнишки не светились. Их просто не было видно.

Ноар дальше пытался разглядеть рыжие волосы, но в давке и темноте всё смешалось. Марк исчез.

Ноар нащупал углубление в стене, и они со старичком прижались к нему, пережидая давку. Почувствовался тёплый поток — он хорошо ощущался, ведь в подземелье было зябко и влажно. Но это тепло не вызывало комфорта. От него пошли мурашки. Дальше, внизу, раздались вопли и крики. Вдруг вся толкучка остановилась и замерла. Послышалось чьё-то дыхание. Из крошечной темноты показались два жёлтых глаза. Они были не человеческие — людской взор не может перенести столько гнева. Глаза исчезли. Огненный вал резко бросился к толпе. Толкучка началась снова. Огонь волной прошёлся по узникам и стражникам, обдав их с ног до головы.

Углубление в стене спасло их от адского огня. Ноар прижал старичка к камню, а сам начал отпихивать от себя горящие тела. Они бились об стены, падали, вставали и снова падали. Стоял душераздирающий крик. Надзиратели хватались за узников, узники за надзирателей, и вместе падали, скатываясь вниз.

Поток пламени прекратился. Ноар осторожно взглянул вниз и увидел голову дракона. Горящие тела надзирателей и узников освещали её — бешеные глаза смотрели в туннель, из ноздрей и пасти вырывался горячий пар. Дракон был тёмно-коричневого цвета. Он открыл пасть, и показались огромные острые ряды зубов — словно сотни лезвий. Дракон оглядел происходящее и отступил обратно во тьму. На пути к нему ещё догорали тела. Со всего подземелья неслись крики.

Вдруг ногу Ноара схватила чья-то рука. Обгоревшая, в волдырях, местами обугленная до кости. Ноар резко выдернул ногу и посмотрел вниз.

Снизу лежал Марк.

Его волосы больше не напоминали огонёк. Они стали похожи на серебристо-белый пепел, который разлетится от малейшего дуновения. Тело обгорело, одежда истлела и прилипла к коже. Марк смотрел на Ноара — и в этом взгляде была мольба. Рука всё ещё тянулась к нему, как к ангелу.

Ноар посмотрел на старичка. Орвин смотрел вверх. Марка он не заметил.

Он подхватил старика под руку, подобрал валявшийся рядом меч стражника и сказал: — Пошли. Нам нужно найти Гарви.

Он переступил через руку Марка и двинулся со старичком наверх. Возможно, где-то глубоко, под слоем усталости и грязи, что-то кольнуло. Ноар задавил это чувство, как делал всегда. Не время.

Ноар подхватил факел, зажёл его об горящее тело стражника.

— Старичок, куда нам дальше? — спросил Ноар.

Орвин остановился. Начал что-то бормотать про себя. Ноар встряхнул его за плечо: — Соберись! Это наш единственный шанс выбраться!

— Где Марк? — спросил старичок.

— Погиб! — жёстко ответил Ноар. — Нам нужно двигаться дальше.

Старичок схватился за голову и опустил на колени. — Я не хочу... Я не хочу... Я не так себе это представлял...

Снизу снова раздался рёв дракона. Жалобные крики его жертв разорвали тишину.

Орвин заговорил снова:

— Что меня ждёт на воле? Я всё проиграл. Азартные игры. Гоблины. У меня был огромный долг. Однажды они явились с наёмниками, разграбили весь дом. А я стоял и смотрел. Я ничего не мог сделать. Да и что бы я сделал?..

Он замолчал. По щекам потекли слёзы.

— Жена моя была не такая. Она бросилась их останавливать. Кричала: «Что вы хотите от честного человека?» Она не знала о моём влечении к игре. Один из гоблинов достал нож и перерезал ей сухожилие на ноге. Она закричала, упала на пол. А они хохотали. Как над шуткой.

Орвин сглотнул.

— А я? Я упал на колени. Молил о пощаде. Они только громче смеялись. Жена попыталась подняться, опереться на табуретку. Гоблин выбил табуретку у неё из-под руки, она рухнула лицом в пол. Они заливались хохотом. Наёмники к тому моменту вышли из комнаты. Даже они, видимо, не хотели на это смотреть.

— А гоблины продолжали глумиться. Один сказал: «Для публичного дома старовата. А вот сердечко, думаю, будет аппетитным». Они снова заготовали. Жена рыдала, просила меня: «Орви, сделай что-нибудь». А что я мог? Я всего лишь старик. Библиотекарь. Проигравший всё.

Он замолчал. Плечи затряслись.

— Потом один из них взял раскалённую сковороду и со всей силы ударил её по голове. Глухой звук раздался на весь дом. Она завопила. Гоблин прокомментировал: «Видимо, пусто». Они опять засмеялись. Дальше он задрал ей платье, поднёс горящую сковороду и сказал: «Сейчас плохая тётушка получит по попе». И начал бить. Раскалённый металл прилипал к коже и с влажным треском отрывался обратно. Она орала от боли и беспомощности. Пока её больное сердце не выдержало и не остановилось. А в углу, за старинным комодом, заставленным книгами, в темноте смотрели два детских глаза. Моя дочь всё видела. Я не подошёл к ней. Не закрыл ей глаза. Просто стоял.

Ноар схватил старичка за бороду и приподнял. Он посмотрел Орвину в глаза. В них плескалась жалость — к себе, к жене, ко всему.

— Слушай. Там, наверху, где-то Гарви. Он нуждается в тебе. Как я. Как и твоя жена нуждалась в тебе. — Ноар не успел договорить.

Глаза старичка изменились. Взгляд стал твёрдым, уверенным. Он поднялся, отбил руку Ноара от своей бороды и сказал:

— Её звали Аранта.

Орвин коснулся стены — провёл по камню ладонью, узнавая каждый выступ, каждую трещину. Он шёл, будто вырос в этих туннелях. Узники бежали кто куда, стражники — врасыпную. Стража рангом выше пыталась собрать паникующих, выстроить хоть какую-то линию обороны, но ничего не выходило. Люди бежали, как крысы с тонущего корабля.

А Ноар двигался за старичком. Для них этой суеты словно не существовало.

Даже самое старое, больное, замученное временем дерево может пережить самый сильный ураган. Если у него есть сильная опора.

— Роан! Старичок! — послышался голос Гарви.

Гарви стоял у входа в кузницу с кузнечным молотом в руках. Рядом с ним был ещё один парень — молодой, на вид лет двадцать. Крепкого телосложения, не исхудавший. Видно, попал сюда недавно, но всё время шурился будто искал здесь солнце.

— Не лучшее время для знакомства, но как есть. Это Дрон. Недавно попал сюда по несчастливой случайности, и по счастливой случайности ему выпал шанс отсюда выбраться, — сказал Гарви.

Дрон протянул руку Ноару. Ноар пожал её и подумал: «Крепкое рукопожатие. Пригодится».

Дрон протянул руку старичку, но Орвин её не пожал.

— Нужно двигаться дальше. Познакомимся, когда выберемся.

Они двинулись к выходу, но почти сразу увидели бегущую стражу — обратно, в глубь подземелья. Сверху доносились крики и рёв дракона.

— Где Марк? — спросил Гарви.

— Погиб, — сухо ответил Ноар.

Гарви опустил взгляд. Новость явно его расстроила, но времени на скорбь не было. Гарви лишь сильнее сжал молот.

Впереди показались огромные ворота. Стража поспешно закрывала их. Тяжёлые створки уже сходились, лязгая железом.

— Нельзя дать им закрыть! — крикнул Ноар, перехватывая меч удобнее.

В этот миг в ворота влетел огромный камень. Стражников, пытавшихся закрыть створки, разбросало в стороны. А в следующий миг из темноты появились огромные лапы с когтями, каждый размером с человеческую руку. Они вцепились в створки и вырвали их наружу вместе с петлями. В проёме показалась голова дракона.

— К стене! — скомандовал Ноар.

Вся четвёрка прижалась к камню. Огненный вал снова пронёсся по туннелю. Стража, не успевшая укрыться, исчезла в пламени — на секунду в огне проступили очертания доспехов, а потом не стало и их. Резкий запах гари повис в воздухе.

Как только пламя схлынуло, четвёрка рванула к выходу.

Свежий воздух ударил в лицо, закружил головы. Ноар поднял глаза к небу. Погода была морозящая, небо — хмурое, солнце не светило. Но даже те слабые лучи, что пробивались сквозь тучи, оказались ослепляющими после месяцев, проведённых в подземелье.

Гарви упал на колени. Посмотрел на небо и по его щекам потекли слёзы. Он не вытирал их.

Орвин даже не обратил внимания на поток воздуха, ударивший в лицо. Он хотел доказать себе, что он не слабая прослойка.

Дрон не мог ощутить всей глубины их чувств — он пробыл под землёй не так долго. Но даже за это короткое время он успел забыть, каким бывает настоящий свет.

Дракон снова взлетел и сел на стену. Камень треснул, стена просела и рухнула под его весом. Дракон заревел, оттолкнулся от неё, доломав остатки кладки, и накиннулся на башню, с которой только что летели стрелы.

— Бежим туда, — скомандовал Ноар.

Вся четвёрка рванула к образовавшемуся пролому. Они бежали вчетвером. Остальные узники либо сгорели, либо остались под землёй в мнимой безопасности. Стража заметила убегающих и открыла огонь. Стрелы с визгом вонзались в землю рядом. Одна из стрел вошла в грязь в шаге от Гарви, другая чиркнула по плечу Дрона, но лишь распорол ткань. Четвёрка бежала, не останавливаясь.

Они бежали молча, не оглядываясь. Никто не говорил о Марке. Никто не говорил о драконе. Они просто бежали.

Навстречу им неуверенно выбежали двое стражников. Оба взяли мечи обеими руками и встали в линию, приготовившись встречать беглецов.

«Как мне этого не хватало», — подумал Ноар.

Он ускорился, обогнав остальных метров на десять, и побежал прямо на противника. Один из стражников замахнулся и начал наносить удар. Ноар резко упал на колени и проскользил по грязи — меч рассёк воздух над его головой. В отполированном лезвии на мгновение мелькнуло его собственное лицо. В скольжении Ноар нанёс рубящий удар в колено стражника. Кровь и клочья одежды разлетелись в стороны. Стражник рухнул на колено.

Второй замер.

Ноар резко поднялся и вонзил меч в живот застывшего стражника. Тот выдохнул, выпучил глаза. Из рта хлынула тёмная кровь. Ноар упёрся ногой в тело и потянул меч на себя. Тело обмякло и рухнуло.

Первый стражник ещё стоял на раненом колене. Он не успел опомниться, как Гарви со всей силы обрушил кузнечный молот ему на голову. Звук ломающихся костей разнёсся в воздухе. Шлем не слетел, а принял форму удара и вмялся в череп.

— Ты мне скажи, где такие пастухи обитают, — крикнул Гарви Ноару, переводя дух. — Я буду обходить это место стороной.

Только четвёрка собралась бежать дальше, как одна из стрел попала Гарви в ногу. Наконецник пробил кожу, мышцы и упёрся в кость. Гарви рухнул на землю и выкрикнул:

— Сука, почему я? Ладно Марк — воришка, который выбрал остаться с двумя руками и загрёб сюда. Ладно старый пень, который проиграл всё в азартные игры и был продан гоблинами сюда. Но почему я? Я просто оказался не в том месте, не в то время. У меня дома жена и дети!

Старичок замер. Его лицо стало бледным, словно у покойника. Он снова вспомнил своё прошлое. Гарви не знал всей его истории. Не знал про Аранту.

Дрон и Ноар подхватили Гарви под руки и потащили. Орвин постоял ещё пару секунд — и бросился за ними.

Дракон всё так же бушевал. Перелетал с башни на башню, обдавая всё вокруг пламенем. Вокруг горели постройки, земля, тела. В воздухе стоял тяжёлый запах горелой плоти. Несмотря на пасмурную погоду, вокруг стояло пекло — воздух дрожал от жара, обжигал лёгкие при каждом вдохе.

Они добрались до разрушенной стены. Стражи уже не было. Они укрылась в подземном туннеле, проходившем вдоль укреплений. Беглецы начали карабкаться через завал. Из груды камней торчало тело стражника, всё перебитое, грязное, хрипящее. Он ещё дышал, но уже не мог пошевелиться. Ноар и Дрон помогали Гарви взбираться по обломкам. Орвин справлялся сам. Дракон поднялся в небо и улетел, оставив за собой разбросанные языки пламени.

Прямое попадание. Стрела вонзилась Дрону в спину, пробив лопатку навывлет. Он согнулся, словно от сильного толчка, и рухнул на колени. Постоял так пару секунд, ловя ртом воздух, и начал заваливаться на бок.

Орвин оказался рядом раньше, чем тот упал. Подхватил Дрона под мышки, с натугой поднял, закинул его руку себе на плечи. «Держись, парень. Пока иду я — идёшь и ты». Дрон не ответил, только заскрипел зубами и прижал свободную руку к груди.

Ноар тем временем тащил Гарви. Тот хромал, ругался сквозь зубы, но не останавливался. Ноар перехватил его удобнее, почти взял на себя. «До реки дойдём. Там решишь, что дальше», — бросил он. Гарви лишь сплюнул.

Они двинулись дальше — Ноар с Гарви, Орвин с Дроном. Старик шатался под чужой тяжестью, но упрямо переставлял ноги. Дрон висел на нём, как мешок, иногда спотыкался, но не падал. Дракон в небе заревел снова, но погони уже не было видно.

Добравшись до верха руин, они не стали задерживаться. Спустились, поднимая тучи пепла. За стеной их встретило высокое поле. Некогда засеянное рожью, теперь оно было усеяно очагами пламени, которые жадно разрастались, пожирая сухие колосья.

Они шагнули в горящее поле вместе. Ветер раздувал пламя всё дальше, перебрасывая его с одного участка на другой, но они целеустремлённо двигались вперёд. Перед ними вырастала огромная зелёная стена леса, отделённая от поля бегущей рекой.

Сзади послышался лай.

— Ещё собак нам здесь не хватало, — процедил Гарви.

— Это не просто собаки, — отозвался Орвин, не оборачиваясь. — Это Снейки. Порода такая. Крупные, как волки. Две головы. Короткая чёрная шерсть. Их вывели не для охоты —

для убийства. Разрывать жертву. Любимая порода Хайков. Я слышал, что несколько Хайков подрались сюда охотниками за головами. Выслеживают беглецов, которые сумели выбраться за пределы шахт. И убивают.

Хайки представляли собой расу охотников. Они походили на крупных кошек, вставших на задние лапы. Передние лапы напоминали человеческие руки — благодаря этому Хайки ловко управлялись с оружием. Кошачья голова давала им острый слух и отличное зрение, особенно ночью. Днём они видели хуже. Ростом Хайки были невысоки — в среднем около ста шестидесяти сантиметров, — но кошачьи лапы делали их поразительно ловкими. Они отлично лазали по деревьям.

Группа добралась до реки сквозь горящее поле. С порывами ветра слетали горящие коло-сы, обжигая тела беглецов. Лай собак усиливался — они были уже совсем рядом.

Ноар опустил Гарви на землю. Рядом, упершись ладонями в колени, тяжело дышал Орвин.

— Дела у нас не очень, — сказал Ноар.

Гарви скорчился от боли. Осмотрел свою ногу. Стрела всё ещё торчала из бедра. Кровь сочилась, окрасив штанину в тёмно-красный. Ноар взялся за древко.

— Придётся потерпеть.

— А всё это время я что, по-твоему, делаю? — оскалился Гарви.

Ноар осмотрел рану. Стрела зашла глубоко, но кость, кажется, не задета. Он выдернул её одним резким движением. Гарви взвыл, ударил кулаком по земле, но сознание не потерял. Из раны хлынула кровь — алая, живая. Ноар зажал её обрывком ткани, оторванным от рубахи, и туго перевязал.

Орвин стоял на коленях, уперевшись руками в землю, пытаясь отдышаться. Он поднял голову, посмотрел на реку, потом на остальных.

Дрон лежал у самой кромки воды, на боку. Он дышал тяжело, с хрипом, но глаза были открыты. Смотрел на тёмную воду, и губы его шевелились, будто он молился про себя.

— Я не хочу умирать в свои двадцать, — вдруг произнёс он. Голос был слабый, но отчётливый. — Моя мать не справится без меня.

Он попытался приподняться, опереться на локоть, но рука подломилась, и он снова упал на мокрую траву. Однако взгляд не отвёл. Смотрел на Ноара, на Орвина, на Гарви — на всех, кто ещё мог решать.

— Стрелу достанем на том берегу. Сейчас нет времени. Терпи, — сказал Ноар.

Орвин перевёл взгляд на Дрона. Потом снова на Ноара. И в этот миг стало ясно: он уже всё решил.

Он взял окровавленную стрелу и медленно поднялся.

— Я останусь. Я их задержу. Я всё равно не осилю реку. Я не умею плавать. И я очень устал.

Он говорил спокойно. Без страха, без надрыва. Покрутил стрелу в пальцах и на мгновение замер — в окровавленном наконечнике мелькнуло его собственное отражение. Старое, измученное лицо. Лицо человека, который наконец всё решил.

Ноар посмотрел на него. Орвин выдержал взгляд.

— И спасибо тебе, Роан, что помог мне во всём разобраться и найти в себе силы. Хотя и под старость лет, и перед смертью, — крикнул старичок.

— Чем ближе к смерти, тем честнее люди, — ответил Ноар.

— Спасибо тебе, Орвин, — промолвил Гарви. Он помнил. Он не забыл.

Орвин посмотрел на Ноара с Гарви, и по его щекам, смешиваясь с потом, потекли слёзы. Но он улыбался. А затем развернулся и ушёл в горящее поле.

Ноар знал, что надолго старик псов не задержит. Гарви не сможет от них уйти. Да и псы — это не самая большая проблема, которая придёт с наступлением темноты.

Ноар перевёл взгляд на реку. Потом на Дрона. Тот всё ещё лежал у кромки воды, часто дыша.

— Гарви, плавать умеешь?

— Да.

— Тогда спускайся в реку. Течение унесёт тебя вниз. Плыви что есть сил, как можно дальше. Я возьму Дрона. Если он выдержит — хорошо. Если нет — останется здесь.

Гарви встретился с ним взглядом, полным усталой благодарности, молча кивнул и начал спускаться к воде.

Ноар подошёл к Дрону, рывком поднял его, закинул его руку себе на шею.

— Плывём, — сказал он. — Держись за меня. Или утони.

Дрон ничего не ответил, только вцепился в Ноара.

Они вошли в воду. Течение подхватило, как чужая холодная ладонь. Дрон висел на Ноаре, тонул, но держался. Ноар не смотрел назад. Он знал, что там сейчас происходит. Но он не мог на это отвлекаться. Ему нужно было вернуться домой.

Орвин шёл сквозь горящее поле, сжимая в руке окровавленную стрелу. Он больше не боялся. Два пса неслись на него, и их разъярённые глаза горели в дыму. Первый Снейк в прыжке вцепился ему в руку обеими головами. Массивные челюсти сомкнулись на худом предплечье и с влажным хрустом перемололи кости, словно сухую ветку. Пёс рванул, замотал головой, и ряды острых зубов разорвали кожу, мышцы, сухожилия. Ошмёток руки отлетел в сторону, окропив землю тёмной кровью. Старик завалился на спину.

Второй пёс тут же впился обеими челюстями в его ногу. Кость оказалась прочнее, и зверь начал рвать конечность, мотая её из стороны в сторону. Одна из пастей оторвала кусок плоти — с челюсти свисал лоскут бедра с тонкими голубыми венами. Старик орал.

Первый пёс, уже освободившийся, набросился на голову. Клыки пробили череп. Кость треснула, и вторая голова, вцепившись в горло, с мерзким чавкающим звуком вырвала кадык и принялась разрывать ключицу. Крики стихли. Псы продолжали рвать безжизненное тело на куски, жадно заглатывая тёплые фрагменты, пока от старика не осталось лишь изорванное в клочья тряпье.

Глава 3

Солнце садилось. Тёмные руки тьмы обхватывали лес. Ноар знал: ночью Хайки видят ещё лучше, чем днём. Но его это не пугало. Убежать от них не получится. Они всё равно его догонят, но это случится уже в кромешной темноте, когда их зрение обострится ещё сильнее. Они почувствуют себя в своей стихии и примут его за уставшую дичь.

— Стой, — прохрипел Дрон. — Я больше не могу. Ноар скинул с себя руку Дрона, и тот завалился на землю. — Я больше не могу, давай передохнем. Только не бросай меня. Я должен вернуться домой, моя мать без меня не справится. Она одна и больна.

Дрон лежал, скрючившись, как брошенный пёс. Глаза его лихорадочно блеснули, он ловил ртом воздух, а из раны на спине выходила тёмная кровь. Он всё ещё цеплялся за жизнь: слабо, безнадежно. Ноар знал: таких не вытаскивают. Слишком глубоко. Слишком поздно. Не при таких обстоятельствах. Дрон не дойдёт. Но его смерть даст Ноару возможность.

Он поднялся. Никаких слов. Никаких обещаний. Только лес, темнота и далёкий лай. Дрон ещё что-то прошептал, но Ноар уже не слушал. Он шёл вперёд, оставляя за спиной живого человека, который скоро погибнет.

— Стой! — попытался крикнуть Дрон. Он начал подниматься. Встал и начал толкать своё тело от одного дерева к другому. — Не бросай меня, моя мать без меня не справится, мне нужно домой! Роан!

Силуэт Ноара растворился в лесу. Дрон ещё звал его, но голос слабел. Потом в лесу стало тихо. Ноар шёл, и лес говорил с ним: хрустом веток, шорохом иголок, далёким уханьем совы. Он слушал его так, как когда-то учил отец.

Хоть Ноар и рос в городе, но его отец был опытный охотник и следопыт, часто брал сына с собой в лес. Брал не ради свежего воздуха и красивых пейзажей, а ради того, чтобы обучить. Учил читать следы: здесь прошёл олень, а здесь — вепрь, а вот следы гиргены. Нужно быть аккуратнее, так как они очень коварны. Учил растворяться в тишине — не просто затаить дыхание, замолчать, а стать частью леса. Услышать молчание деревьев, переговоры птиц, как ветер качает траву.

Лес укроет и расскажет всё тому, кто умеет слушать. Зрение в лесу отходит на второй план. Кто слышит — тот всё видит.

Ноар учился. Впитывал каждое движение, каждый жест отца. Он мог выследить зверя по едва примятой траве. Мог пролежать в лёжке часами, не издав ни звука. Но когда приходило время совершить выстрел — не мог. Не мог убить животное. Отец огорчился, но не давил.

«Придёт время — справишься», — говорил отец.

Время пришло. Но не в лесу. На войне.

Лес полностью погрузился во тьму. Пасмурная погода этому способствовала. В такой кромешной темноте даже Хайки практически ничего не видели. Для их зрения нужен был хотя бы минимальный лунный свет. Но сквозь этот плотный участок леса не пробивался ни один лунный лучик. Ни один луч с синей сферы, зависшей в небе.

Хайки замерли. Их уши дрогнули, уловив шорох в кустах. Мгновение и они уже действовали как единый организм.

— Обхожу, — прошептал первый и скользнул вправо, почти сливаясь с темнотой. Его чёрная шерсть, помеченная редкими белыми пятнами, делала его похожим на призрак. Он двигался, низко припав к земле, держа в лапах взведённый арбалет. Голый торс был покрыт старыми шрамами, а единственным его снаряжением был колчан со стрелами, плотно прижатый к спине ремнём — чтобы не издавать ни звука. На поясе в кожаных ножнах, висел длинный нож, готовый скользнуть в руку в любой момент.

Второй остался на месте. Он ухмыльнулся, и в этой тьме блеснули его клыки. Тёмно-серая шерсть, едва видневшаяся из-под чёрной одежды, делала его едва заметным. В каждой руке он держал по боевому топору. Он не прятался. Он ждал, когда дичь сама бросится в его сторону.

Они действовали умело. Слаженно. Они привыкли быть охотниками, а не добычей. Только они не знали, что в этот раз в темноте их ожидает не серая мышка, а бурый волк.

Ноар ждал. С момента побега он впервые был настолько спокоен. Несмотря на то, что за ним охотились прирождённые убийцы, которым талант был дан самой природой.

Первый Хайк аккуратно приблизился к кустам и резким движением левой лапы раздвинул ветки, держа правую наготове, чтобы выстрелить из арбалета. В кустах суеился серый колючий ёжик, который, не обращая внимания на зависшую вокруг накалённую обстановку, занимался своими делами. Хайк ухмыльнулся и повернулся к товарищу.

Справа послышались тяжёлые хрипы. Между деревьями, цепляясь за кору, медленно продвигался Дрон. Он почти не переставлял ног, просто толкал себя от ствола к стволу, оставляя на мху тёмный след. Губы его шевелились, и с каждым выдохом срывалось одно и то же: — Мама... мама...

Второй Хайк, тот, что был без арбалета, уже стоял у него за спиной. Двигался он беззвучно, как тень. Дрон не успел обернуться. Заточенный край топора вошёл сбоку, под челюсть, и рванул поперёк горла. Крови было много, но крика не вышло, а только булькающий хрип. Дрон осел, завалился на бок и затих.

Хайк с арбалетом всё ещё стоял у кустов, глядя на мёртвого Дрона. Он не сразу понял, что происходит. А когда понял уже было поздно.

Тёмный силуэт уже поднимался из-под мха. Меч в руке Ноара не блестел в темноте. Он был измазан грязью и мхом, так как учил отец: сталь не должна выдавать себя до удара. Клинок вошёл под левую лопатку второго Хайка — того самого, что только что перерезал горло Дрону. Лезвие прошило кожу, мышцы, скользнуло между рёбер и вышло из груди с влажным чавкающим звуком. Хайк даже не вскрикнул, а только захрипел, выронил топоры и рухнул лицом в мох.

Оставшийся Хайк опустил арбалет. Он был ошеломлён. Такого исхода он не мог даже представить. Арбалет выпал из его ослабевших лап на землю, и он достал нож. Шок резко сменился гневом. Хайк открыл пасть и зашипел, принимая боевую стойку.

Ноар уверенно поставил ногу на убитого Хайка и не спеша вытянул меч. Он посмотрел на Дрона. Тот лежал тихо. Никаких слов. Никакой вины. Только расчёт. И один враг, который ещё дышал. Ноар отставил правую ногу назад, левую — вперёд, взял меч в правую руку, наискось выставил перед собой и сказал:

— Теперь будет честно. Только ты и я.

Хайк бросился первым. Молниеносно сократив дистанцию, он рывком кинулся под ноги к Ноару. Нож метил в бедро. Ноар развернул корпус и увернулся, лезвие лишь чиркнуло по ноге, разрезав кожу. Побежал тонкий ручеек крови.

Ноар не успел даже замахнуться.

«Быстрый», — пронеслось в голове.

Хайк затормозил когтями об землю. Когти впились в траву и дёрн, оставив глубокие следы. Он развернулся не сразу. Глаза его залились гневом, зрачки сузились в щёлки.

— Это был мой младший брат, — прошипел Хайк.

Ноар понял: перед ним уже не прирождённый охотник, а мстящий убийца. Это меняло всё.

— Брат? — переспросил Ноар. — Значит, я помогу вам встретиться. Семьи не должны разлучаться.

Хайк резко развернулся и снова бросился на него. В его движениях уже не было той осторожности, того прирождённого таланта. Ноар не стал ждать. Он рывком кинулся вперёд, нанося рубящий удар. Хайк благодаря своим лапам ловко увернулся, отпрыгнул на ствол дерева, оттолкнулся от ствола и оказался за спиной у Ноара. Нож целил в шею. Ноар начал уходить с линии атаки, и клинок, предназначенный в горло, вошёл в трапецию. Нож погрузился по самую рукоять — пронзил упругие мышцы, словно воздух.

Хайк проворачивал нож в ране, заставляя Ноара сжимать зубы от боли.

— Его звали Рэг, — прошипел Хайк. — Мы делили одну крышу, одну еду, одну добычу. Я учил его держать нож, когда он ещё боялся крови. По вечерам он рассказывал дурацкие шутки, от которых у меня шерсть дыбом вставала. А ты... ты даже не посмотрел ему в глаза, когда убивал.

Левой лапой он начал пытаться разодрать Ноару лицо, но тот ухватился за его руку и резким движением бросил противника через себя. Хайк перелетел через широкие плечи Ноара, подцепив во время полёта когтями его левое ухо. Когти впились, словно бритвы, и потянули кожу за собой, оторвав её. Хайк ударился о землю, как мешок. Глухой звук разнёсся по лесу.

Ноар стиснул зубы и вонзил меч в плечо Хайка. Клинок пробил плечевую кость, прошёл лопатку и вошёл глубоко в землю. Хайк злобно зарычал и ухватился зубами за ногу Ноара. Острые, как бритва, клыки вонзились в голеностоп. Ноар согнулся, ухватился за голову Хайка и двумя большими пальцами начал выдавливать ему глаза. Глазные яблоки поддались, словно пузыри. Ногти погрузились в роговицу. Ноар почувствовал, как пальцы уходят всё глубже. Хайк от боли сжал челюсти сильнее. Послышался сухой, резкий хруст — голеностоп треснул.

Ноар надавил ещё сильнее и почувствовал, как пальцы резко провалились вглубь, в холодную влагу и мягкость. Он выдернул пальцы, покрытые желеобразной липкой жижей вперемешку с кровью и частицами радужки. Хайк второй лапой вцепился в ногу Ноара и протаскивал когти вниз. Кожа рвалась вместе с тканью, оставляя кровавые борозды. Вырвать ногу из пасти не получалось.

Тогда Ноар начал наносить удары кулаками по слепой голове Хайка. Он бил с такой силой, что уже не чувствовал шерсть на его голове. Удары приходились, словно в камень. Хайк не отпускал. Ноар схватился за нож, оставшийся в трапеции, и выдернул его. Из раны обильно хлынула кровь, сразу залив всё туловище. Кровавая рубаха прилипла к телу.

Одним резким движением Ноар перерезал Хайку горло. Раздался сочный, тугой звук рвущейся плоти. Фонтан красной крови хлынул на зелёный мох. Хайк перестал дышать. Тело обмякло. После смерти хватка челюстей ослабла, но не разжалась. Тогда Ноар вставил свои руки в пасть Хайка и раздвинул челюсти, освобождая ногу.

Ноар опёрся спиной о дерево. Выдохнул и съехал вниз. Попробовал оторвать кусок одежды, чтобы перебинтовать рану, но силы полностью покинули его. Рана кровоточила меньше. Казалось, даже кровь на его теле устала. Изнуряющий бой, месяцы в подземельях, а теперь снова бой уже на поверхности. У него больше не было сил.

Ноар поднял голову, оглянулся.

Тёмный хвойный лес. Всё залито кровью, и он, израненный, сидит у дерева. Вдруг что-то привлекло его внимание — какое-то движение раздалось со стороны. Ноар присмотрелся и увидел ёжика. Тот беззаботно шёл по своим делам, но вся эта картина перегородила ему путь. Огромный участок земли со мхом был покрыт кровью. Лежали два трупа Хайков. Один — с открытыми глазами, и на его лице застыла сама неожиданность, будто он просто замер. Второй — с выколотыми глазами и перерезанным горлом, и на его лице застыл животный гнев. Чуть поодаль, у кустов, темнело тело Дрона: скрюченное, затихшее, с разорванным горлом. Ёжик фыркнул, словно с долей возмущения, развернулся и пошёл в обход.

Ноар тяжело, криво улыбнулся. Поднял голову вверх и сказал:

— Ну что? Справился?

И его глаза закрылись.

Глава 4

Под ногами хрустел снег. Дорога вела к небольшой каменной крепости, затерянной среди огромных чёрных гор. Снег местами укрывал и сами горы, и крепость — её стены, сложенные из чёрного камня, казались частью скал, будто простояли здесь тысячи лет.

Большие входные ворота были открыты. Ноар прошёл во двор и первым делом заметил вольеры — невысокие по пояс ограждения. В них беззаботно возились грифоны. В воздухе стоял запах сена и зерна.

Дальше в глубине двора, находился крытый вольер. Оттуда раздался громкий, тонкий писк — он пронзил слух. Ноар подошёл ближе. На сене лежала грифониха. Её взгляд был уставшим — взгляд матери, измотанной заботами. Из-за её туловища показались с десятков маленьких голов. Грифонята заметили Ноара и любопытно двинулись ему навстречу. Размером они были со щенков крупной породы собак. Шаги их были неуверенные — они только начинали познавать этот мир. Но, не дойдя до человека, заторопились обратно, под защиту материнского бока.

Кроме одного.

Маленький белоснежный грифон остался стоять. Его перья ещё напоминали пух. Огромные глаза залились удивлением. Он постоял так несколько секунд, а затем неуверенно начал подниматься на две задние лапы. Расправил крылья, пытаясь придать себе устойчивости, вытянул голову и злостно попытался зареветь. Но вышел лишь тонкий птенчий писк.

Ноар заулыбался. Грифонёнок потерял равновесие и завалился на бок, уставившись на Ноара.

— По-моему, ты ему понравился, — раздался сзади приятный тонкий женский голос.

Ноар в ответ лишь пожал плечами.

— Будешь Храбрецом, — промолвил он, глядя на белоснежного грифонёнка. Ноар уже тогда знал: однажды белые перья окажутся в грязи и крови. Таков путь воина. И грифона.

Языки пламени поднимались вверх, издавая треск и шорох — словно перешёптывались между собой, пробудив Ноара.

Возле костра сидел незнакомец, окутанный в плащ. Длинной палкой он лениво ворошил угли. Свет огня ложился на его лицо — узкое, вытянутое, с аккуратными чёрными густыми усами, концы которых были лихо закручены в полукольца. Острая бородка тонко сочеталась с подкрученными усами. Лицо было молодым — на вид чуть меньше двадцати пяти лет.

— Проснулся? — спросил незнакомец, не поднимая глаз от костра.

Ноар чувствовал слабость и боль. Силы покинули его полностью. Он попробовал подняться, но резкая боль, словно невидимая рука, опрокинула его обратно на спину. Со стороны раздалось лошадиное фырканье. Ноар повернул голову и заметил стоявшего рядом жеребца — крепкого, коричневого, в старом потертом снаряжении.

— Это Сэр. Моя любимая лошадь. Если бы не он, мы бы тебя оттуда не вытащили, — сказал незнакомец. — Еле прошли через тот густой участок леса.

Вдали раздались шаги. Кто-то приближался к костру. Из темноты выступил силуэт, закутанный в мантию. В руке он держал убитого зайца. Лица было совсем не видно, а сам силуэт напоминал женщину — плавные движения, ростом выше среднего. Подойдя ближе, фигура скинула капюшон.

Показалось женское лицо с бледной, почти белой кожей. В свете костра её кожа напоминала саму смерть — холодную, отстранённую, неживую. Ноар перевёл взгляд на уши. Длинные, тонкие, они не закруглены на концах, а вытянуты и заострены. Бледнокожий эльф. Эльф ночи. Она не просто вошла в свет костра — она словно вытекла из темноты. Ни звука шагов, ни шороха одежды. Только тень, ставшая плотью.

В глазах Ноара заиграло беспокойство. Он снова попытался резко подняться, но тело не слушалось. Опершись на здоровую руку, он быстро обвёл взглядом пространство вокруг — искал оружие.

— Успокойся, — сказал незнакомец, бросив короткий взгляд на эльфийку. — Она тебя не тронет. Ну, по крайней мере, в данный момент.

Он усмехнулся своей шутке.

Эльфийка подошла к костру, бросила тушку зайца и уселась рядом. Достала тонкий нож и принялась свежевать — движения были плавными, отработанными. Она не смотрела на Ноара. Казалось, он ей совершенно неинтересен.

Ноар напротив, не отводил взгляда. Не от восхищения — от холодной настороженности. Эльфы ночи не встречаются случайным путникам в лесу. Они вообще редко кому встречаются. И те, кто их видел, редко об этом рассказывал.

— Если будешь на неё так тарашиться, то за свои прошлые слова я уже не отвечаю, — с ухмылкой произнёс незнакомец.

Ноар продолжил смотреть.

— Как тебя зовут? — спросил незнакомец.

Молчание.

— Слушай, мы могли бы оставить тебя умирать прямо там. В принципе, Северина так и хотела. Но я тебя перевёз, погрузил на Сэра и...

Маг осёкся. Он вдруг понял: Ноар не заговорит, пока эльфийка держит нож. Даже если этот нож всего лишь свежует зайца.

Северина, не поднимая глаз от туши, едва заметно усмехнулась. Её явно забавляло это молчание.

— Ладно, — вздохнул маг. — Меня зовут Лариан. Но все зовут меня Лари. Я маг-странник. А это Северина. Она — эльф ночи. И если ты сейчас же не прекратишь сверлить её взглядом, я не ручаюсь, что она не передумает насчёт твоего спасения. И тогда под её лезвием вместо зайца окажешься ты.

Ноар наконец отвёл взгляд от эльфийки и посмотрел на мага.

«Гарви. Точно, Гарви», — пронеслось в голове.

Он перевёл взгляд в небо. Тёмное покрывало было усеяно звёздами. В небе горели две сферы. Одна — ярко-оранжевая, как солнце. Она была отчётливо видна и заполнена огнём, но лучи света до земли будто не доходили. Вторая светилась коричневым. Её оттенок напоминал землю.

Ноар тихо спросил:

— Вы не встречали ещё кого-нибудь неподалёку от того места, где был я?

Лари переглянулся с Севериной. Эльфийка на секунду подняла глаза от туши, но ничего не сказала и вернулась к работе.

— Нет, — ответил маг. — Только ты, двое мёртвых хайков и ещё один парень. Молодой. Уже не жилец был, когда мы подошли. Я его не трогал.

Ноар перевёл взгляд на костёр. Дрон звал его. Просил не бросать. Но он и так был мёртв — просто ещё дышал. Ноар дал ему умереть не зря. Благодаря этому он убил хайков. И выжил, — подумал Ноар, переводя взгляд на небо.

Лари перехватил его взгляд и усмехнулся.

— Две сферы сразу, — произнёс он задумчиво. — Огненная и земляная. Давно не видел их такими яркими. Особенно земляную — она обычно тусклая, как старая монета. А теперь горит, будто её изнутри подсветили.

Он повернулся к Ноару.

— Ты ведь знаешь, что это такое? Сферы. Их четыре: Огонь, Вода, Земля и Ветер. Они висят в небе с самого сотворения мира, и по ним ориентируются все — от моряков до охотни-

ков. Но для некоторых магов они не просто ориентиры. Маги сфер — это, к примеру, я. Мы черпаем из них силу. Каждая сфера питает свою стихию. И когда что-то нарушает равновесие — например, пробуждается земляной дракон, — сферы откликаются. Земляная горит ярче, потому что земляной дракон — порождение земли. А огненная — потому что он извергает пламя.

Северина насадила зайца на вертел и разместила над костром.

— Как тебя зовут? — поинтересовался Лари.

Ноар не ответил. Он перевёл взгляд с эльфийки на мага, и в его глазах читалось не просто любопытство — оценка.

— Маги сфер обучаются в академии магии Нордколии, — произнёс он негромко. — Из людей туда принимают только из двух мест: королевства Ирдан и королевства Союза. После окончания обучения маги направляются обратно — служить своим коронам. Тех, кто пытается сбежать от службы, находят и в итоге жестко наказывают. Высшие маги не любят, когда появляются отступники. Ты — мишень.

Лари усмехнулся, но промолчал.

— Твоя спутница — эльф ночи, — продолжил Ноар. — Их избегают даже в Тёмных землях. А ваш союз — это вообще нечто. Маг-отступник и эльф ночи. Что вы делаете вместе?

Лари открыл было рот, но Ноар не дал ему ответить.

— Я всю жизнь слышал, что эльфы ночи — воплощение зла. Что они хотят воскресить Омара, демона крови, и ввергнуть мир в вечную тьму. Нас учили убивать их при первой же возможности. А теперь один из них сидит у костра и готовит мне еду.

Северина резко поднялась. Её лицо осталось бесстрастным, но в движении чувствовалась оскорбление.

— Я говорила тебе, что это плохая идея, — бросила она Лари, даже не взглянув на Ноара.

Она накинула капюшон и растворилась в темноте. Шаги стихли почти мгновенно — эльфы ночи умеют ходить бесшумно.

Лари вздохнул, подошёл к костру и присел со стороны зайца.

— Ну вот. Ты её обидел, — сказал он почти буднично, поворачивая вертел.

Лари повернулся к Ноару.

— Слушай, ты пролежал тут двое суток. Сэр тащил тебя в укромное местечко. Я отдал на тебя свои целебные мази. А Северина обрабатывала тебе раны, поила тебя, перебинтовывала. Ты должен иметь хоть минимум благодарности.

Ноар молчал. Он смотрел на огонь. Потом перевёл взгляд на свои перевязанные руки, на чистую ткань, на аккуратные узлы. Сделано было умело.

— Зачем? — спросил он наконец. — Зачем вы это сделали?

— А ты предпочёл бы, чтобы мы прошли мимо и бросили тебя подыхать? — Лари усмехнулся. — Это было бы невежливо.

Ноар не удовлетворился ответом. Маг-отступник, мишень для своих же, и эльф ночи, которую бояться даже в Тёмных землях, — они рисковали, помогая ему. У них не было причин. Ни одной. И всё же они вытащили его, перевязали, потратили мази. Двое суток везли на Сэре. Этот вопрос он будет задавать себе ещё не раз.

Лари повернул вертел. Заяц зашкворчал, капли жира упали в огонь.

— Я понимаю, что тебя всю жизнь учили нас ненавидеть. Ты явно не с Тёмных земель. Ты либо из Союза королевств, либо из Ирдаана. По твоему телу видно, что ты воин. Убитые хайки отслеживали тебя и того, про кого ты спрашивал. Вы сбежали из шахт. Как ты туда попал? — Лари сделал паузу и пристально посмотрел на Ноара. — Я бы сказал, что ты обычный воин. Но по твоему взгляду и шрамам видно, что нет. Ты явно не из простых.

— Обычный воин... — произнёс Ноар и усмехнулся. — Как ты легко обесценил людей, которые отдают и забирают жизни. Находясь на поле боя. В аду.

— Забрать жизнь с этого мира проще простого, иногда достаточно одного мгновения, а вот подарить этому миру жизнь — это совсем другое, — ответил Лари.

Снова зависла тишина.

Ноар лежал, глядя в небо. Там, среди звёзд, висели две сферы — оранжевая и коричневая. Сейчас они казались ближе, чем когда-либо. Или это просто слабость путала мысли.

Он пытался понять, как оказался здесь. Как вышло, что его жизнь спасли те, кого он должен был презирать и при первой же возможности убивать. Маг-отступник и эльф ночи. За одни лишь слова о том, что они ему помогли, его могли изгнать. И изгнание — это самое мягкое, что его ждало бы. Благодаря боевым заслугам. Принадлежности к особому гвардейскому полку. Покровительству самой короны.

Но даже это вряд ли бы спасло.

Он снова взглянул на перевязанную руку. Чистая ткань. Аккуратные узлы. Сделано было так, как это делают целители в военных лагерях. Но ни один военный целитель не стал бы тратить мази на эльфа ночи или мага-отступника. А эти двое потратили их на него — врага.

Ноар выдохнул. В его голове всплыли воспоминания.

Шумел рынок. Кто-то кричал, кто-то зазывал. Толпы людей текли вдоль рядов. Стройная, высокая молодая женщина вела маленького Ноара за руку. Её рыжие волосы развевались на ветру. Ноар на ходу размахивал детским деревянным конём. Рядом шла ещё одна пара — мать с ребёнком. Вторая женщина, в отличие от матери Ноара, была плотной и невысокого роста, а её малыш размахивал деревянным мечом.

— Мой-то, наверное, вырастет и будет воином, — улыбнулась она.

— А мой — надеюсь нет, — тихо ответила мать Ноара, глядя на сына. — Пусть лучше будет лекарем.

Они миновали прилавки и вышли на одну из городских площадей. По мостовой везли клетку. Вокруг неё столпились люди, что-то выкрикивая. Ноар удивлённо посмотрел туда. Его лицо было детским. Румяным. Без единого шрама.

В клетке сидел хайк. Грязная шерсть свалаялась в колтуны, местами выдранная — виднелась серая кожа. Одно ухо было разорвано, другое прижато к голове. Он не рычал, не скалился — просто сидел, вжавшись в прутья, и смотрел перед собой пустыми глазами. В него швыряли камни и овощи, купленные на соседнем рынке.

Вторая женщина взяла своего ребёнка на руки и понесла в сторону клетки, показывая на неё пальцем и громко, чтобы слышали все вокруг, наставляя:

— Смотри, сынок. Вот так бывает с теми, кто не похож на нас. Запомни это. Ты должен быть сильным, чтобы никогда не оказаться на его месте.

Мать Ноара резко повела сына в сторону, но он упёрся и спросил:

— Мама, почему его никто не любит? А его мама с папой? Они же должны его защищать.

Женщина опустилась перед ним на колени и повернула его к себе. Её взгляд был полон тепла и огорчения. Она поправила малышу рубашу и сказала:

— Ноа, жестокость и ненависть — это их выбор. Только их. Но не твой. Ты сам должен будешь сделать свой выбор, когда вырастешь. Но запомни: не всегда человек человечнее существа.

Она поцеловала Ноара в лоб, взяла на руки и понесла прочь.

Сейчас, глядя на Северину, он вспомнил эти слова. «Не всегда человек человечнее существа». Он смотрел на эльфа ночи и не знал, кто из них сейчас человечнее.

Резкий силуэт у костра выдернул его из прошлого. Северина вернулась — бесшумно, как умеют только эльфы ночи. Она принесла какие-то травы и молча села на прежнее место, уставившись в огонь. Даже Ноар со своими навыками вряд ли смог бы её услышать.

Лари хмыкнул, но ничего не сказал.

Напряжение и недоверие между ними медленно ослабевали, но это было похоже на огромную глыбу льда, которая веками будет таять под слабым весенним солнцем. Недоверие было обоснованным. Ноар находился в беспомощном состоянии, рядом с теми, кого должен был ненавидеть — и либо убить, либо с честью принять смерть от их клинка. Ноару это надоело. Он решил расставить все точки на "ты" и принять свою судьбу. — Меня зовут Ноар, — произнёс он твёрдо. — Я воин особого гвардейского полка королевства Ирдан.

Лари попятился назад и удивлённо, то ли с испугом, взглянул на Ноара. Эльфийка медленно перевела взгляд от костра. Её лицо оставалось бесстрастным, но в тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

Лари подошёл к Ноару, протянул руку.

— Приятно познакомиться.

Ноар, преодолевая боль в плече, медленно поднял правую руку и пожал ладонь мага. Хватка была слабее, чем обычно, но всё ещё твёрдой.

— Взаимно, — глухо ответил он.

Северина метнула на них быстрый взгляд и едва заметно хмыкнула.

Ноар снова перевёл взгляд на небо. За двое суток Гарви либо погиб, либо ушёл слишком далеко. Искать его уже не было смысла. Может, они ещё встретятся, если он выжил.

— Твоим ранам ещё долго заживать, а мы явно не собираемся на земли твоего королевства. Одному тебе здесь не выжить, но и с нами тебе нельзя, — сказала Северина.

Лари отвернулся к костру, снял зайца с вертела и объявил:

— Готов.

— Если хочешь лёгкой смерти во сне, просто попроси, — легко сказала Северина.

Ноар посмотрел на эльфийку. В её тёмных глазах не было ни насмешки, ни гнева. Она говорила так, будто действительно предлагала выбор.

— Я не ищу лёгкой смерти, — ответил он. — Ни во сне, ни в бою.

Северина едва заметно повела плечами.

— Как знаешь. Но запомни: если передумаешь — просто скажи.

Лари, до этого молча возившийся с зайцем, поднял голову и усмехнулся.

— По-моему, с тобой она более разговорчива, чем со мной за полгода знакомства. Ты польщён?

— Я насторожен, — ответил Ноар.

— Мы держим путь к городу Разов, что в Плачущих землях. Там недалеко будут границы твоего королевства. Хотя границы — слово сейчас спорное. Но всё же мы оставим тебя там, и ты сможешь вернуться к себе. А сейчас давай приступим к позднему ужину, после столь нелёгкого знакомства.

Лари засмеялся и протянул Северине кусок мяса. Потом ножом неловко отрезал ещё один и подал Ноару. Заварил чай и разлил его в две маленькие походные кружки. Одну протянул эльфийке, вторую — Ноару.

— Ну а я потом попью, — улыбнулся он.

Они втроем молча принялись за еду. Ноар давно не ел ничего подобного. Тепло от костра согревало тело снаружи, а горячая зайчатина с чаем — изнутри.

Когда все закончили, Лари потянулся.

— Ну, а теперь можно и поспать. Если к нам кто-то подойдёт, Северина сразу услышит и проснётся. И они с Сэром нас защитят.

Ноар устроился на земле, стараясь не тревожить раненое плечо и ногу. Боль всё ещё пульсировала, но уже не так сильно, как раньше. Мази Лари действительно помогали.

В голове крутились мысли: из камеры выжили только двое — он и, возможно, Гарви. А где-то там, далеко, его братский отряд всё ещё выполнял задание короны. Или уже погиб. Он не знал. И, возможно, никогда не узнает.

Он закрыл глаза. Где-то в глубине леса ухнула сова. Он уже почти провалился в сон, как вдруг краем сознания уловил: Северина не засыпает. Её взгляд, холодный и изучающий, скользил по нему даже в темноте. Напряжение между ними никуда не делось. Оно просто затаилось, свернувшись клубком до рассвета.

Он не стал открывать глаз. Принял это как данность и позволил темноте забрать его. Завтра будет новый день.

Глава 5

Глава 5.

Сэр шёл медленно. Ноар сидел в седле, вцепившись здоровой рукой в поводья, и смотрел прямо перед собой. Он не мог идти. Не мог стоять на ногах. Воин особого гвардейского полка Ирдана — и его везут, как раненого старика, уже третьи сутки.

Лари шагал впереди, что-то насвистывая. Северина двигалась где-то сбоку.

Ноар заметил, что двигаются они в основном после заката. Даже вечером Северина была не такой бесшумной и спокойной — она двигалась, полностью закутавшись в мантию, лица почти не видно. Но как только наступала ночь, она сбрасывала капюшон и вновь превращалась в идеального хищника. Её шаги становились бесшумными, а видела она лучше любой совы. Чем больше мир погружался во тьму, тем она становилась сильнее. Из-за спины торчала почерневшая серебристая рукоять меча. Северина молчала и лишь изредка поправляла чёрную прядь волос, которую раскидывало ветром.

Лари подошёл к лошади и, погладив её, спросил:

— Как ты, Сэр? — Он повернулся к Ноару. — Он, кстати, как и ты, Ноар, из королевства Ирдан. Около четырёх месяцев назад нам нужно было попасть к Живым Ивам. Они могли видеть человека, которого я ищу. А незадолго до этого недалеко от чащи леса происходило кровопролитное сражение. Ты, может, в нём и сам участвовал?

Лари ещё что-то говорил, но Ноар уже не слушал. Перед глазами всплыла картина.

Пятеро всадников держали шлемы в руках, стоя рядом со своими грифонами в том же высоком зале, где возвышалась статуя Аитии с её валькириями. Другой маг, раскинув руки, просил благословения у покровительницы для своих братьев. Когда он закончил, то воскликнул:

— За корону!

— За корону! — ответила пятёрка.

У подножия статуи, на широком каменном возвышении, рядами лежали тёмно-фиолетовые береты. Каждый — ровно, аккуратно, как учили. Береты живых. Гвардеец особого полка надевал его лишь раз — в день присяги. Потом оставлял здесь, у ног Аитии, до того дня, пока его не заберут отсюда, чтобы повесить на дерево в Вечном саду.

Ноар смотрел на свой берет. Он лежал среди десятков других — таких же тёмных, таких же молчаливых. И, как всегда, он не чувствовал ничего.

Всадники словно воспряли. Их и так крепкий дух окреп ещё больше и стал крепче самой прочной стали, самой твёрдой горной породы. Даже грифоны подняли головы и вытянули грудь вперёд. Все вокруг преисполнились и словно ожили. Кроме одного. Ноар вновь ничего не чувствовал.

Один из всадников стоял чуть впереди. Их командир. Он развернулся и уверенно сказал:

— Мы должны ворваться на поле боя и, чего бы нам это ни стоило, вытащить оттуда раненого принца Генриха.

Сине-красный свет от витражей ложился на суровое лицо командира. Оно словно было высечено из гранита — ни капли сомнения. Огромный чёткий шрам наискось перерезал лоб и правую бровь. Взгляд — суровый и уверенный.

Он прервал речь. Надел шлем.

— Как бы случай ни уводил нас от этой битвы, судьба всё же дала нам возможность вновь выполнить свой долг короне.

Остальные ничего не ответили. Молча надели шлема.

— Ноар, ты вообще слушаешь? Я тебе рассказываю о нашей встрече с Сэром! — воскликнул Лари.

— Что? А, да. Конечно, — ответил Ноар, не отрывая взгляда от дороги впереди.

— Ты опять в облаках, — беззлобно заметил Лари. — Так вот. Мы нашли Сэра запутанным в одной из Живых Ив. Она связала его своими мощными ветками. Измученный Сэр издавал жалобные тихие звуки. Наши с Севериной сердца содрогнулись.

— Говори за себя, — перебила его Северина.

Лари посмотрел на неё и снова погладил Сэра.

— Не обращай внимания, она ещё не научилась раскрывать свои чувства. — Он на мгновение задумался. — Так вот, на чём я остановился? Ах да. Наши с Севериной сердца содрогнулись. Бедный малыш висел на ветвях. Я прошептал заклинание, и плакучая ива распустила свои ветви.

Северина впервые за весь путь улыбнулась. Холодно, но без злобы.

— Может, ты расскажешь, как всё было на самом деле? — спросила она у Лари.

Лари осёкся и вдруг оживлённо указал вперёд:

— Вот мы уже и подходим!

Перед ними раскинулись озёра. Пейзаж ничем не выдавался особенным — обычная цепь водоёмов. Деревья, камыши, высокая трава. Но было одно «но». Вода в них была тёмной и неподвижной. Ни ряби, ни всплеска. Каждое озеро напоминало идеально натянутую тёмную скатерть. Посреди них проходила старая каменная дорога.

— Жуткое место. И опасное, — сказал Лари. — Но обойти его через горы — потерять много времени. — Ещё и сфера огня сегодня не стабильна, — подметил Лари.

Северина едва заметно напряглась.

— Тоже чувствуешь? — спросил её Лари.

Она ничего не ответила. Лишь молча смотрела в сторону деревьев.

Не почувствовать исходящее зло с этого спокойного места было сложно. Ноар тоже ощутил его и крепче сжал поводья здоровой рукой. Сэр напрягся. Ноар почувствовал, как сердцебиение лошади участилось, дыхание стало глубже, уши прижались назад.

Лари подошёл к Сэру и что-то прошептал ему на ухо. Заклинание подействовало мгновенно: лошадь опустила голову и словно уснула. Мышцы расслабились, дыхание выровнялось. Лари достал из седла короткий меч — затупленный, покрытый серым матовым налётом.

— Ты собираешься им одуванчики с травы сбивать? — спросил Ноар, увидев меч в таком состоянии.

— Мечи, кинжалы, клинки — не моя стихия, — ответил Лари.

Закинув лезвие на плечо, он продолжил:

— Здесь обитает огромное количество квак. Огромные жабы с колючими, как лезвия, зубами. Готовые полакомиться заплутавшими путниками.

Северина пристально смотрела на деревья, точнее — на ворону, сидевшую на одной из ветвей. Она пристально наблюдала. В её глазах был интерес. Словно она ждала, чем же всё закончится.

— Понравилась птичка? — улыбнулся Лари.

— Мне — нет. А мы ей, видимо, да. Она наблюдает за нами вторые сутки, — ответила Северина.

Северина засекла ворону двое суток назад. Ноар — на день позже. Но оба понимали: это не просто птица.

— Хмм, — произнёс Лари, покручивая закрученный кончик уса. — Возможно, за нами кто-то наблюдает.

— Серьёзно? А может, ей просто нравятся твои истории? — с ухмылкой сказал Ноар.

Северина усмехнулась и достала длинный блестящий меч. Лезвие было гладким, без единого изъяна — словно этот клинок никогда не видел боя и лишь ждал своего часа. Вдоль дола

тянулся изящный орнамент, а гарда была выплавлена в виде двух драконьих голов. Тонкая, женственная рука крепко сжала рукоять. Навершие меча было ромбовидным.

Северина вытянула меч в сторону и пошла вперёд.

— Ну что же, с вороной разберёмся потом. А пока у нас другие заботы. Идём, — сказал Лари.

Они шагнули на территорию озёр. Вокруг начал подниматься серый туман, окутывая их в свои объятия. Северина шла, держа меч на вытянутой руке. Лари вёл Сэра за поводья. Сэр, всё так же опустив голову, шёл, поддаваясь лёгкому натяжению поводьев. Он словно спал.

Ноар сидел верхом на лошади. Физическая боль притупилась, но на смену ей пришла другая — тупая, ноющая, разъедающая изнутри. Впервые его жизнь зависела от тех, кого он считал врагами. Мага-отступника и ночного эльфа. Это было хуже любой раны. Зачем они его спасли? Он задавал себе этот вопрос каждую ночь. И пока не находил ответа.

Туман начал сгущаться ещё сильнее. Лари остановился, отпустил поводья, поднял руку вверх и произнёс заклинание. С его ладони, словно мыльный пузырь, вверх поднялся небольшой огненный шар. Лари сжал руку в кулак, вытянул указательный палец и сделал им круговое движение. Огненный шар начал вращаться вокруг группы, слегка разгоняя туман.

— Сфера огня, — сказал Лари. — Я не особо с ней дружил во времена учёбы в академии, поэтому как есть. — Он улыбнулся, взял поводья обратно, и группа пошла дальше.

Тишину разорвал грубый, протяжный хор кваканья из глубины тумана. Не просто лягушачий — а низкий, утробный, от которого чесалось в ушах и хотелось зажать голову руками.

Северина посмотрела в сторону одного из водоёмов, что находился в паре метров от них, и остановилась. Тёмная вода оставалась всё той же — без малейшей ряби, без всплеска. Она что-то почувствовала, но не взяла меч двумя руками, чтобы не выдать себя.

Резко из воды к ней выпрыгнуло существо. Огромная, с метр ростом, толстая жаба болотного цвета. Тело было покрыто бугристыми бородавками, из которых сочилась мутная, вязкая жижа. По болотной коже стекала вперемешку с водой какая-то прозрачная слизь. Огромный широкий рот был раскрыт, а из него торчали сотни мелких, как иглы, зубов.

Северина молниеносно увернулась и в движении рассекла пузо выпрыгнувшей жабе. В полёте у кваки разошлось брюхо, словно вспоротый мешок, и наружу хлынули скользкие внутренности. Тяжёлая туша врезалась в Лари и опрокинула его на землю, накрыв с головой. Меч отлетел далеко в сторону. На мага обрушился поток тёмной слизи, перемешанной с ошмётками кишок. Он попытался встать, но руки соскользнули в липкой жиже, и он снова рухнул лицом в грязь, покрытый с ног до головы вонючей, пузырящейся дрянью.

Он успел лишь повернуть голову. Мокрый, толстый язык кваки захлестнул его шею, сдирая кожу, словно тёркой, и рывком сдёрнул с седла. Он рухнул в грязь, и дыхание перебило ударом о землю. Язык сжался, перекрывая воздух, и потащил его к воде.

Вонь ударила в нос прежде, чем он понял, что происходит. От языка несло гнилой рыбой, болотной тиной и чем-то сладковатым — так пахнет мясо, которое слишком долго лежало в тепле. Жидкая слизь, обжигающая, как крапива, потекла за шиворот, смешиваясь с холодным потом.

Ноар вцепился здоровой рукой в торчащий из земли камень. Мышцы заныли, плечо прострелило болью. Влага и грязь сделали своё дело — пальцы соскользнули. Камень вырвался, и его вновь понесло по земле. Прямо перед собой он увидел кваку — она раздувалась, урчала, и из её раскрытой пасти, усеянной сотнями мелких, как иглы, зубов. Из бугристых, сочащихся гноем бородавок на коже, блестящей от слизи, капала какая-то прозрачная жижа, прожигая в траве дымящиеся дыры.

Ударившись больной ногой об корень, голеностоп взорвался такой острой болью, что на мгновение потемнело в глазах. Но боль привела в чувство. Схватив валяющийся меч Лари —

тупой, бесполезный, — он закричал от ярости и рубанул по языку. Лезвие лишь скользнуло по упругой плоти. С таким же успехом можно было бить палкой по мокрому канату.

Сквозь туман он увидел Северину. Она двигалась, как вода — плавно, непрерывно, без начала и конца. Меч в её руке не просто разил — он жил, оставляя в воздухе светящийся след, и там, где проходило лезвие, туман расступался. Она уклонялась от щёлкающих челюстей и длинных языков, и её ответы были мгновенными: короткий выпад — и брюхо первой жабы раскрылось, вываливая на землю скользкие внутренности. Разворот — и вторая квака, лишившись лапы, с воем отступила, оставляя за собой след из тёмно-зелёной крови. На щеке Северины проступила тонкая тёмно-бордовая царапина — единственная отметина, которую твари сумели оставить на её коже.

Она двигалась безупречно. Плавно, изящно, без единого лишнего движения. Сразу видно — не один десяток, а то и сотни битв за спиной. Но Ноар не мог отделаться от мысли: почему на этом красивом лице нет ни одного шрама? Что она такое, если даже время и сталь не оставляют на ней следов?

Ноар перехватил меч обеими руками — грязными, мокрыми, скользкими — и, вложив в удар всю ярость и боль, рубанул остриём сверху вниз. Раздался мерзкий, сочный треск. Язык разорвался. Тёмно-зелёная, вонючая кровь брызнула ему на ноги, прожигая холодом даже через ткань. Обрубок языка так и остался висеть на шее, медленно сокращаясь. Он отшвырнул его в сторону.

Сквозь туман Ноар увидел Лари. Маг сидел на земле, весь в слизи и ошмётках, и безуспешно пытался подняться. А к нему, раздувая горло и щёлкая челюстями, уже приближалась ещё одна квака. Лари, заметив её, в панике зашарил по земле в поисках своего меча и вдруг заметил — его оружие у Ноара.

— Лари! Лови! — выкрикнул Ноар.

Маг повернулся на голос. Ноар метнул ему меч — тот самый, тупой, бесполезный. Меч, описав короткую дугу, летел прямо в руку Лари. Маг попытался вцепиться в рукоять, но мокрые, скользкие от слизи пальцы не удержали оружие. Меч выпал и, звякнув о камень, отлетел в сторону.

«Вот чёрт», — прохрипел Ноар. Он попытался встать, опираясь на меч, но как только раненая нога коснулась земли, острая боль пронзила всё тело, и он рухнул на колено. Второй язык уже обкручивался вокруг его лодыжки, но прежде чем он успел сжать хватку, рядом с его рукой в землю мягко вошёл кинжал. Безупречное лезвие, знакомая гравировка. Он поднял взгляд и встретился глазами с Севериной — та, не прерывая смертельного танца, метнула ему оружие. Ноар выдернул кинжал и одним резким движением перерезал язык, всё ещё сжимавший его лодыжку. Тварь взвыла и отступила в остатки тумана.

Ноар снова бросил взгляд на Лари. Маг уже не сидел на земле. Он стоял перед Сэром, загородив его собой, и его руки чертили в воздухе резкие знаки. С губ срывались слова — отрывистые, жёсткие, не похожие на его обычную болтовню. Вокруг него закрутились серые нити, сплетаясь в дрожащий купол.

Жаба прыгнула — и врезалась в невидимую преграду, отлетев с визгом.

А потом рядом с ним возникла Северина.

Она появилась бесшумно, словно вынырнула из тумана. Один короткий взмах — и меч рассёк брюхо твари от горла до задних лап. Квака издала булькающий хрип и рухнула, заливая землю тёмно-зелёной кровью. Северина развернулась, даже не взглянув на убитую тварь, и снова встала в боевую стойку. Но больше никто не нападал.

К Ноару уже спешил Лари. Он подхватил его под руку и закинул её себе на плечи. По пути маг наклонился и подобрал с земли свой меч — тот самый, тупой и бесполезный, который Ноар метнул ему сквозь туман.

Туман начал расступаться быстрее. Огненный шар, вращающийся вокруг троицы, разгорался ярче, увеличиваясь в размерах и отгесняя серую пелену всё дальше. Ноар поднял взгляд к небу. Там, высоко над озёрами, красная сфера пылала с новой силой, словно отвечая на безмолвный призыв.

Сквозь редеющий туман Ноар заметил ворону. Она сидела на прежнем месте и наблюдала за боем. Встретившись с ним взглядом, птица резко сорвалась с ветки, но не улетела — лишь пересела дальше, в самую гущу листвы, где её уже было не разглядеть. Продолжила наблюдать, но теперь скрытно.

— Слушай, ты пока там валялся, один из кваков чуть не сожрал Сэра. Повезло, что Северина подросла на помощь, — выпалил Лари, тяжело дыша. Он был покрыт тёмно-зелёной кровью и ошмётками внутренностей.

Ноар всё ещё смотрел в небо, где красная сфера пылала с новой силой.

— Я же говорил, что не дружил с ней во время обучения, — перебил его Лари, на ходу пытаясь вытереть лицо от слизи. — Нам просто повезло, что она стала ярче. Очень повезло.

Северина закончила свой танец. Вокруг неё на земле, покрытой подрагивающими внутренностями, лежали тела трёх квак. Она наклонилась, взяла горсть чистой травы и протёрла свой меч.

Слегка торопясь, группа двинулась дальше. Лари шёл впереди и продолжал что-то болтать, жалуясь на свой внешний вид и на запах, который теперь окружал их.

— Нет, вы только посмотрите на меня! Я весь в этой дряни! — возмущался он, безуспешно пытаясь оттереть рукав мантии. — Моя одежда провоняла так, что даже кваки за километр будут обходить нас стороной. Хотя, с другой стороны, может, это и к лучшему?

Северина молча шагала рядом, всё ещё держа меч в руке. Лари покосился на неё и вздохнул.

— К счастью для всех нас, я знаю одно место. Недалеко от Плачущих озёр есть трактир. Старый, захудалый, но зато там подают горячую еду, у них есть ванны, и, что самое главное, — мыло. Нам нужно отдохнуть хотя бы пару дней. Привести себя в порядок. И купить Ноару нормальную одежду, а то он до сих пор выглядит как беглый каторжник. Что, в общем-то, недалеко от истины.

Северина не ответила. Она лишь коротко взглянула на Ноара и снова перевела взгляд вперёд, в сторону далёкого леса. Лари воспринял это как согласие.

— Вот и славно! Значит, решено. Трактир, отдых, горячая вода, нормальная еда. А то мы так далеко не уйдём. Особенно ты, — он кивнул Ноару. — Твоей ноге нужен покой. Да и плечу тоже. В общем, не спорь.

Ноар впервые за долгое время почувствовал странное, почти забытое спокойствие. Такое бывало раньше, но рядом с боевыми братьями. Хотя физическая боль никуда не делась, он словно свыкся с ней — пройдя через столько боёв, ему было к такому не привыкать. В этом сражении он никак себя не проявил, лишь был обузой для остальных. Но они его не бросили. На мгновение его душу перестали терзать мысли о том, что он находится в окружении тех, кого должен ненавидеть. Он ощутил себя не одиноким. Раньше такое чувство ему дарили лишь те, с кем он с неба врвался в бой.

Глава 6

Дождь шёл не каплями, а сплошным полотном. Лишь блики сверкающей молнии местами пробивались через это полотно. Дороги под ногами видно не было. Лишь пара сапог и копыта Сэра лязгали по одной сплошной луже, которая, как река, тянулась прямо вдоль невысокой придорожной изгороди.

В конце размытой дороги показался трактир. Трёхэтажное здание из грубого камня, покрытого мхом. Рядом находилась деревянная пристройка, похожая на амбар для лошадей. Небольшой деревянный забор вокруг трактира местами обвалился. На деревянных воротах жалобно скрипела вывеска, раскачиваясь на одной петле. «Усталый путник» — гласила табличка. Возле ворот стояла покосившаяся деревянная будка. От места не веяло уютом и безопасностью. Но оно явно обеспечит первым необходимым.

Лари помог Ноару слезть с лошади. Ноар уже мог ходить, слегка прихрамывая и опираясь на длинную палку, которая разгружала голеностоп. Северина ещё глубже спряталась в тени капюшона.

Троица подошла к будке, и оттуда показалась седая заросшая голова старика. Он явно был пьян, и от него разило алкоголем.

— Приветствую, — промолвил Лари.

— Нет денег, проваливайте, — ответил старик и издал отрывку в лицо Лари.

Лари тяжело вздохнул.

— Нам нужна комната и место в амбаре для моей лошади.

Старик молчал, словно собирался с мыслями, потом хмуро уставился на измазанного слизию Лари и буркнул:

— Кваки, что ли?

— Они самые, — кивнул маг.

— Так номер остался только один. Место для лошади найдём и за отдельную плату в пару серебряных монет приведём её в порядок. — Старик замолчал, поморщился и прижал тряпку к носу. — Ну и вонь от вас исходит. Баня, прачечная и временная одежда — тоже за отдельную плату, но временную одежду потом обязательно вернуть!

— Хорошо, сколько с нас? — спросил Лари.

— Десять серебряных. За всё.

Цена была явно завышенной, но другого выбора не было. Лари молча полез в кожаный кошель. Ноар смотрел на пьяного старика, на его трясущиеся руки, на грязную тряпку у носа, и думал лишь об одном: скорее бы сесть и вытянуть больную ногу. Раньше он бы даже не обратил внимание на этого старика. Теперь же он ему почти завидовал. Старик был пьян, но он был на своём месте. А Ноар — нет.

Резкая вспышка молнии осветила двор — пустой, если не считать сломанной телеги без колеса, лежащей на боку. Из амбара доносилось ржание лошадей. Пошатываясь, оттуда вышел ещё один старик — тощий, пьяный, в коричневом дырявом плаще. Видимо, он смотрел за лошадьми.

— Сэр, ты наконец-то отдохнёшь после долгой дороги, — сказал Лари, глядя лошадь по голове. Он снял с седла походную сумку и свой короткий меч, передав его Ноару.

Старик-конюх подошёл к Сэру и попытался взять его за поводья, но Лари мягко отбил его руку.

— Я сам заведу. Мне ещё нужно пожелать ему спокойной ночи, — бросил он и повёл Сэра в амбар.

Северина и Ноар направились ко входу. Скрежет открывающейся двери резанул слух. Из трактира вышел вар. Торс его был гол, и дождь тут же принялся стекать по серой коже,

огибая массивный рог на лбу. В руках, держа за шкурку, он тащил человека. Путник пытался вырваться, но тщетно.

Вар схватил мужчину за волосы и задрал его голову вверх. Лицо у путника было самое заурядное — средних лет, небритое, измождённое. Лишь одна деталь выделялась: правый глаз закрывала чёрная повязка.

Вар коротко, без замаха, швырнул человека об землю. Раздался влажный хлюпающий звук — тело врезалось в грязь и лужи. Путник закашлялся, встал на четвереньки, попытался подняться, но Вар с силой ударил его ногой под дых. Мужчина опрокинулся на спину, ещё больше захлёбываясь кашлем.

Вар нагнулся и резко сорвал с его лица повязку. Путник вздрогнул и тут же попытался прикрыть пустую глазницу, но Вар перехватил его кисть и с хрустом вывернул её. Мужчина завопил — жалобно.

— Прости! Хватит! Я не специально пролил на тебя выпивку!

Северина почувствовала, как напрягся Ноар. Каждая мышца его тела словно зазвенела, готовая бросить его в бой. Плевать на больную ногу, на раненое плечо, на бесполезный тупой меч в руках.

Но его гнев остудило холодное прикосновение ладони. Дрожь пробежала по всему телу. Северина, мягко сжав его руку, прошептала:

— Нам нельзя привлекать лишнее внимание.

Вар тем временем наступил правой ногой на вывернутую руку путника, а левой — на вторую, фиксируя его на земле. Встав над лицом жертвы, он приспустил штаны и с ухмылкой начал справлять нужду. Едкая желтоватая струя ударила мужчине в лицо. Вар, смеясь, целился то в пустую глазницу, то в открытый в крике рот.

Подняв голову, он наконец обратил внимание на Северину и Ноара.

— Хм, да у меня член больше, чем твой меч, — произнёс Вар и захохотал.

— Не знаю, как член, но язык точно длиннее, — грубо ответил Ноар.

Вар злобно оскалился. Закончив своё дело, он встряхнул член, натянул штаны и, бросив напоследок презрительный взгляд, скрылся за дверью трактира. Путник остался лежать в грязи, тихо скуля под проливным дождём.

Ноар смотрел на скулящего человека и не чувствовал ни жалости, ни гнева. Только холод. Когда-то его учили, что существа — звери. Но теперь он не мог понять, кто хуже: этот пьяница, которого унижают в грязи, или он сам, стоящий рядом и ничего не делающий.

К Ноару и Северине подбежал Лари. Он бросил взгляд на лежащего — тот держался за вывернутую руку и раскачивался из стороны в сторону, то ли от боли, то ли от безумия.

— Что случилось? — спросил Лари.

— Пошли, — глухо сказал Ноар.

Они толкнули тяжёлую дверь и вошли в общий зал трактира. Внутри было немногим светлее, чем снаружи, но зато очень шумно. Со всех сторон раздавались разговоры, смех и крики. Резкий запах кислого пива, пота и дыма ударил в ноздри.

В углу у входа стояла грубая деревянная стойка, заваленная мечами, топорами и кинжалами. Бармен строго следил за правилом: всё оружие остаётся здесь. В зал можно было войти только с голыми руками. Оружие нужно было сдать или оставить в комнате — прежде чем притронуться к выпивке.

В большом зале стояло чуть больше десятка грубо сколоченных столов. Почти все они были заняты.

Сразу у двери, склонившись над какими-то побрякушками, расположились двое гоблинов и торговец. Они яростно спорили, явно не сходясь в цене.

Дальше, за длинным столом, сидели люди в потёртых доспехах, собранных, казалось, из всего, что можно было найти на поле боя. Разбойники или не особо успешные наёмники. Они резались в «Скрит» — карточную игру на деньги, громко стуча кружками по столу.

Ещё дальше, практически полностью укутавшись в плащи, сидели несколько человек. Они тихо переговаривались, не поднимая голов, и что-то ели, запивая пивом.

Рядом с ними, за отдельным столом, спорили Хайк и двое гномов. Их кружки то и дело с грохотом сталкивались в воздухе.

В самом конце зала, вальяжно развалившись, сидел тот самый вар. Он что-то громко рассказывал двум людям, в перерывах между глотками пива довольно оглядывая зал.

Другие столы тоже не пустовали, и над всем этим висел тяжёлый, спёртый воздух, пропитанный запахом дешёвого алкоголя.

В центре зала, словно остров, возвышалась массивная барная стойка из тёмного, залитого пивом дерева. За ней, протирая деревянную кружку не первой свежести тряпкой, стоял высокий, толстый и абсолютно лысый мужчина. Его кожаный фартук видал виды, а на лице застыло выражение человека, который давно перестал чему-либо удивляться. Рядом со стойкой, полностью укутавшись в плащ, сидел одинокий постоялец и молча цедил пиво.

Заметив вошедших, бармен прищурился и поманил их к себе.

— Я бармен и владелец этого заведения, — произнёс он без особого радушия, оценивая их потрёпанный вид. — По всем вопросам обращайтесь ко мне. Ну и запах от вас, конечно... — Он на секунду отвлёкся, чтобы подать новую кружку для кого-то из посетителей. — Вот ключи от вашей комнаты. Внутри найдёте три комплекта временной одежды. Баня — налево и вверх по лестнице. Для женщин отдельной бани нет, но можете встать у двери, пока она моется. И советую именно так и сделать. Публика здесь разношёрстная.

Протягивая ключи, бармен скользнул взглядом по капюшону Северины. В тени мелькнуло что-то неестественно бледное — кожа, которая не знала солнца. Он на мгновение задержал дыхание, но тут же отвёл глаза. В «Усталом путнике» не принято задавать лишние вопросы.

Он быстро глянул в сторону вара, который в конце зала уже опустошал очередную кружку под одобрительный гул своих собутыльников, и, наклонившись чуть ближе к Ноару, добавил почти шёпотом:

— Если у вас с ним вышли какие-то разногласия — советую забыть. Он здесь частый гость. Платит хорошо. А на остальное мне плевать.

Открылась дверь в комнату. В нос резко ударил запах аммиака от мочи, прелости и застарелого табачного дыма. Единственная масляная лампа на всю комнату горела тускло, едва разгоняя тени по углам. Она слегка освещала две кровати.

Двухместная стояла у стены напротив окна. Массивная, тёмного дерева, с продавленным матрасом, который помнил потные, вонючие тела сотен постояльцев. Простыни на ней были серыми от времени, а подушка — сплюснутой словно блин.

Одноместная ютилась в углу, ближе к двери. Узкая, с высокой железной спинкой, на которой висело чьё-то забытое полотенце — застиранное до дыр. Матрас на ней был чуть свежее, но тоже повидал на своём веку.

Северина, не проронив ни слова, скинула мокрый плащ и заняла одноместную. Она села на край и прикрыла глаза. Меч положила рядом — так, чтобы рукоять была в пределах мгновенного доступа. Лари и Ноар переглянулись. Вопрос с ночлегом решился сам собой.

Ноар с Лари сходили в баню первыми. Во время мытья Ноар заметил, что правая сторона тела Лари покрыта шрамами, а кожа от локтя до плеча словно один сплошной чёрный ожог. На спине было огромное количество рубцов — будто дождь из стекла вбивался в его плоть. Ноар не стал спрашивать. После помывки они молча ждали в коридоре, пока закончит Северина.

Лари стоял, прислонившись спиной к стене, и что-то насвистывал. Ноар сидел на корточках, вытянув больную ногу, и смотрел в темноту.

Так же в тёплой бани, Лари умело привёл в порядок внешность Ноара — оставив верхушку со средними волосами и выбрил бока. Подправил бороду, не сбривая её полностью. Это были меры предосторожности, чтобы Ноара никто не узнал. Лари не забыл и про свои элегантные усы и козлиную бородку.

Когда Северина вышла из бани, от неё пахло хвоей. Она всё так же прятала лицо в капюшоне, но теперь он был откинут настолько, что Ноар заметил влажные пряди волос, прилипшие к бледной щеке. Он невольно поискал глазами царапину. Её не было. Ни следа, ни шрама — только гладкая, бледная кожа, будто никакого боя и не было, а этой молодой бледной кожи никогда не касалась сталь.

Троица по пути в свою комнату заскочила в прачечную, где Лари прикупил Ноару новую одежду — простую, но чистую: тёмные штаны, свободную рубашу и мягкие кожаные сапоги. Свои старые вещи они оставили на стирку. От Ноара теперь пахло не кваками и кровью, а дешёвым мылом и человеком, которому впервые за долгое время удалось смыть с себя подземелье.

Зайдя в комнату, Лари поёжился от всё того же запаха прелости и аммиака, но комната теперь казалась почти уютной. Северина уже сидела на своей кровати, положив меч рядом. Лари хлопнул Ноара по плечу.

— Ну что, может, пропустим по кружечке пива? Или воины особого гвардейского полка короны не пьют?

— Ещё как пьём, — сказал и усмехнулся Ноар

Северина не пошевелилась. Лари воспринял это как согласие не ждать её и направился к двери. Ноар, бросив короткий взгляд на эльфийку и последовал за ним.

Они спустились в общий зал. Гул голосов всё ещё стоял под потолком, смешиваясь с запахом пива и дыма. Лари нашёл свободный стол. Они сели на грубые лавки, и Лари подозвал бармена. Через минуту перед ними стояли две деревянные кружки с пивом.

Лари заметил презрительный взгляд Ноара, которым тот оценивал каждое существо в этом заведении.

— Ты будто существ других впервые увидел. У вас же при короне Филиваны служат.

Ноар ничего не ответил. Он отвёл взгляд и уставился в свою кружку. А перед глазами всплыло воспоминание.

Абсолютный штиль стоял в небе. Тёмное, почти чёрное, оно было усыпано звёздами — словно кто-то рассыпал алмазы по тёмной скатерти, и они блестели в ночи. Среди звёзд висели четыре сферы. Две из них — красная и коричневая — горели ярко, ещё две — синяя и серая — тускло, но их всё равно можно было разглядеть. Ноар сидел на каменном парапете балкона, свесив ноги в пустоту. Высоко над землёй, в одной из башен королевского замка.

Рядом с ним, на том же парапете, устроился Филиван. Ростом он был чуть ниже Ноара, но держался прямо, с достоинством, как все их раса. Фигура — человеческая: две руки, две ноги, прямая осанка. Но тело покрывали мягкие серые перья — на груди светлее, на плечах и предплечьях темнее, почти чёрные. Одежды он не носил, если не считать широкого тканого пояса с несколькими подсумками для свитков и письменных принадлежностей. Голова была совиной: круглая, с огромными жёлтыми глазами, которые смотрели на мир с мудрым, чуть отстранённым спокойствием. Никаких доспехов, никакого оружия. Филиваны полагались не на броню, а на слух и зрение. О которых ходили легенды. И на интеллект, которого хватало, чтобы не доводить дело до драки.

Филиван молча смотрел на звёзды. Он умел молчать так, что тишина не давила, а успокаивала. Ноар ценил это.

— Сегодня звёздное небо. Как тебе, Варен? — спросил Ноар.

Филиван медленно повернул голову — почти на полный оборот, как это делают совы, — и посмотрел на Ноара своими огромными жёлтыми глазами.

— Сегодня они особенно яркие. Будто знают, что мы смотрим, — ответил он низким, гортанным голосом.

Ноар хмыкнул и продолжил смотреть на звёзды.

— Вы живёте недолго. Вы словно противоположность лесным эльфам. Ваша жизнь едва доходит до десятка лет. Но за такой короткий промежуток вы столько познаёте.

Варен отвернулся и тоже взглянул на звёздное небо.

— Книги, дорогой мой друг, — тихо ответил Филиван. — В них хранятся знания. Они написаны на крови и ошибках других. Умный учится на чужих ошибках. А глупец — на своих. И расплачивается шкурой.

— Значит, я глупец, — с ухмылкой ответил Ноар.

— Не весь опыт можно получить из книг, — Варен покосился на него. — Но глупец ли ты? Скорее, в твоём случае весь опыт из книг не возьмёшь. Тебе приходится учиться шкурой. И, судя по шрамам на ещё живом теле, тебе это удаётся.

Ноар усмехнулся. Варен однажды говорил, что каждая из сфер хранит свою тайну, но ни одну из этих тайн нельзя прочесть в книгах. Только прожить. Только умереть.

— Интересно, что потом? — спросил Ноар. — После жизни.

— Не знаю, — ответил Варен. — И не хочу знать.

— Может, там лучше, чем здесь.

— Как минимум оттуда нельзя вернуться. И этот фактор меня уже не радует.

— Может, там настолько хорошо, что обратно никто не хочет? — с ухмылкой сказал Ноар и повернулся к Варену.

Филиван тихо хмыкнул — звук, похожий на совиное уханье.

— Поверь, Ноар, какой-нибудь глупец да нашёлся бы.

Ноар моргнул. Воспоминание растаяло. Перед ним снова был шумный зал трактира, пиво и Лари, который ждал ответа.

— Так что? — поторопил маг.

Ноар промолчал. Он не хотел говорить о Варене. Не здесь. Не сейчас.

— А в Ирдане, что-то по-другому? — хмыкнул Лари. — Те же драки, то же дерьмо. Просто там это творят люди, а не существа.

— Зато все на равных, — сухо ответил Ноар и залпом выпил бокал.

Лари посмотрел на него, хотел что-то сказать, но передумал. Вместо этого он тоже закинул бокал и попытался выпить залпом. Не вышло. Пиво потекло по подбородку, он закашлялся и вытер рот рукавом.

— Повторим? — просипел он.

Ноар молча кивнул, не отрывая взгляда от зала. Его внимание привлёк одинокий постоялец у стойки — тот, что сидел, укутавшись в плащ, и цедил пиво. От него исходило что-то неестественное. Не запах, не звук — холод. Такой, какой бывает не от сквозняка, а от близкой опасности. Ноар почувствовал это сразу.

— Держи, — Лари поставил перед ним полный бокал.

Лари снова посмотрел на Ноара, но теперь в его взгляде читалось осуждение.

— Слушай, вы уничтожили и выгнали со своих земель кучу существ, — зло сказал он. — Вы забрали чужие земли себе! Чужую историю! Чужое наследие! — слишком громко выкрикнул Лари.

Стол, за которым сидели хайк и двое гномов, обратил на них внимание. Один из гномов, валясь с ног, попробовал подойти к их столику, но, сделав два шага, завалился на пол. Хайк и второй гном посмотрели на упавшего гнома и снова вернулись к своему спору.

Лари проводил гнома взглядом, опрокинул бокал и жадно влил пиво в рот. Попытка снова оказалась неудачной — он поперхнулся и закашлялся.

— Мы сделали земли безопасными! — повышая тон, ответил Ноар. — Благодаря воинам, которые пролили свою и чужую кровь в истинной войне!

Он опрокинул бокал и залпом осушил его до дна.

Лари молча взял два пустых бокала и направился к барной стойке. Ноар снова посмотрел на одинокого постояльца. Тот сидел всё так же неподвижно, но прежнего холода Ноар больше не ощущал. Впрочем, первое чувство не было ошибочным. Постоялец словно понял, что за ним наблюдают — его фигура стала ещё более закрытой, отстранённой.

Взгляд Ноара переместился дальше и наткнулся на вара. Тот сидел в конце зала, ухмылялся и что-то говорил своим собутыльникам, не сводя глаз с их стола.

Лари вернулся и с грохотом опустил два полных бокала на стол. Пиво в них вздрогнуло, как волны в шторм, и выплеснулось через край на столешницу.

— Сделали земли безопасными? — спросил Лари, шатаясь и усаживаясь на скамейку. — Безопасными для кого? Для вас?! — он подался корпусом вперёд, почти нависая над Ноаром.

— Ты знаешь, как люди жили на этих землях пару веков назад? — ответил Ноар. — я видел старые фрески и читал книги, слышал рассказы стариков. Измождённые матери, прижимающие к груди обглоданные детские косточки. Мальчишки, бегущие по сожжённой деревне и зовущие младших братьев по именам. А потом находили лишь их обглоданные рёбра в золе, потому что какая-то тварь устроила себе ужин, пока они прятались в погребке.

Раздался скрип входной двери. На пороге появился тот самый путник, которому вар обдал мочой лицо, залив рот и пустую глазницу. Он стоял весь в грязи и одной рукой шарил по карманам. Вторую, вывихнутую, держал на весу. Найдя несколько монет, направился к бармену.

— Я не могу достоверно знать, что было пару веков назад, и не могу оспорить твои слова, — мрачно ответил Лари. — Но я видел, как воины королевства Ирдан везут в клетках измученных существ на показательную казнь. Я видел молодого вара с отрубленными руками, который сидел и смотрел на толпу одним уцелевшим глазом. Второй был выжжен. Он просто ждал, когда всё закончится. Он так же, как и ты, доблестно сражался в бою и не заслужил такой кончины и позора! А люди вокруг швыряли в него камни и смеялись. Вот твоя безопасность, Ноар. Вот цена вашей «истинной войны».

Ноар оскалился. Ему тяжело было это оспорить. Он взял бокал пива и выпил залпом. Лари тоже взял бокал и начал пить залпом, хоть большая часть пива и стекала по его лицу прямо на штаны. Допив, он с гордостью со всей силы стукнул бокалом об стол. Сделал небольшую паузу, словно пытался что-то сдержать в себе, но не выдержал и издал громкую отрыжку.

Бармен, наливавший пиво путнику, обернулся на громкий протяжный звук. Его лицо осталось невозмутимым. Путник, ждавший свой заказ, нетерпеливо постучал по стойке. Бармен повернулся спиной, сделал вид, будто что-то берёт, и схаркнул в стакан зелёную мокроту. Повернувшись обратно, он улыбнулся, протянул бокал и сказал:

— Держи, дружище, вот твоё пиво

Путник нагло забрал бокал и обвёл взглядом зал в поисках свободного столика или компании, к которой можно подсесть. Осмотрев всё помещение, он остановился на столике Лари и Ноара. Подошёл и без спроса сел за их стол, начав пить своё пиво. От него разило мочой и потом.

Ноар, и без того уже взвинченный, почувствовал, как внутри закипает злоба.

— Лучше проваливай отсюда, — произнес он, не стерпев такой наглости.

Путник посмотрел на Ноара одним глазом. Вместо второго зияла пропасть — глубокая, словно колодец. Что-то буркнув себе под нос, он встал и пересел за барную стойку.

Лари, еле стоя на ногах, подошёл к бармену. Опёрся локтем на барную стойку, подпёр подбородок рукой и, попросив повторить, тут же задремал.

Ноар заметил, что одинокий постоялец встал из-за стойки и направился в сторону вара. Его движения были шаткие, но не пьяные — скорее, как у мертвеца. Каждый шаг давался неуверенно, словно он не чувствовал ногами пола. Вар заметил приближающуюся фигуру. Постоялец подошёл к нему, что-то прошептал на ухо и двинулся к выходу — туда, где сидел Ноар.

Ноар перевёл взгляд на вара. Тот бессмысленно смотрел в пол, словно под гипнозом.

Постоялец поравнялся с Ноаром и повернул голову. Мутный свет лампы упал на нижнюю часть его лица, выхватывая из тени капюшона жуткие детали. Кожа была бледная, разлагающаяся, потрескавшаяся, словно лёд на весенней луже. Нижней губы не было. Гнилые зубы торчали вкривь и вкось — не ровным строем, а беспорядочным частоколом. Мертвец ехидно улыбнулся.

От этой улыбки повеяло холодом — не телесным, а тем, что пронзает душу.

Ноар, забыв про ещё не зажившую ногу, рванулся вперёд, чтобы сорвать с него капюшон, но боковым зрением уловил резкое движение. Вдоль барной стойки на него нёсся вар — согнув спину и выставив рог вперёд. Ноар в последнее мгновение успел отскочить и, упав на пол, увернуться.

Вар со всей силы врезался в стену за столом Ноара. Раздался треск — но не кости, а дерева. Толстая деревянная перегородка, служившая стеной, треснула и проломилась. Рог вара застрял в щепе. Сам вар, потеряв сознание, обмяк и рухнул на пол.

В баре на мгновение настала тишина. Все замерли. Но продлилась она лишь пару секунд — зал снова загодел, возвращаясь к своим разговорам, словно ничего не произошло.

Ноар, тяжело дыша, обернулся к выходу. Мертвеца уже не было.

Раздавшийся грохот пробудил Лари. Он поднялся из-за барной стойки и, покачиваясь из стороны в сторону, подошёл к Ноару, совершенно не обращая внимания на произошедшее.

— Та-а-ак вот! На чём мы остановились? Ах да, о Северине. Чем ты лучше неё? Её предки, а может, и она сама, хотели поработить все наши земли, а вы сделали то же самое, только в меньшем масштабе. Так что отличает тебя от неё? Её сущность от твоей? Её расу от твоей? — Он выдержал короткую паузу и сам же ответил: — Да ничего! Ты, может, даже и хуже.

Слова Лари впились Ноару прямо в душу. Маг не видел разницы между ним и теми, кого Ноар всю жизнь считал врагами. И самое страшное было в том, что Ноар не мог ему возразить.

Ноар сжал кружку так, что дерево жалобно скрипнуло. Он не мог ударить Лари. Не потому, что был слабее. А потому, что маг был прав. И от этой правоты тошнило сильнее, чем от кислого пива.

Одноглазый путник толкнул пустой бокал к бармену и с самодовольным видом произнёс:

— Наполни-ка его ещё раз. Для многоуважаемого гостя Харви, — он постучал пальцем по стойке, намекая на себя.

— А есть ли у многоуважаемого гостя Харви ещё серебро? — уточнил бармен, не торопясь брать бокал.

— Отдам, не переживай. Ты же меня знаешь, — ответил Харви.

Лари повернулся в сторону барной стойки и, словно дракон, извергающий пламя, выпустил из себя поток жёлто-кислотной блевоты прямо на многоуважаемого Харви. Тот вздрогнул, молча, но с явным раздражением скинул с плеча остатки блевоты и, не проронив ни слова, продолжил пить своё пиво.

Лари спокойно повернулся обратно, будто ничего не произошло. Его лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги. Он покачнулся, едва не потеряв равновесие, и упёрся рукой в стол.

— Ноар... — голос прозвучал глухо, без привычной весёлости.

Он попытался сделать шаг, но ноги подкосились, и он рухнул бы на пол, если бы Ноар не подхватил его под руку.

— Помоги дойти до номера... — тихо произнёс Лари.

Ноар подхватил Лари и повёл к лестнице. В голове всё ещё звучал голос Варена: «Умный учится на чужих ошибках, глупец — на своих». Интересно, что бы сказал старый филиван, увидев его сейчас — в трактире, полном существ, рядом с магом-отступником и эльфийкой ночи. Наверное, ухнул бы своим совиным смехом и сказал: «А ты не перестаёшь меня удивлять.».

Он уложил Лари на кровать, стащил с него сапоги и накрыл плащом. Маг уже спал. Северина не спала. Она сидела на своей кровати, укутавшись в плащ, и смотрела в темноту.

Ноар сел на край своей койки и уставился в стену. Варен. Он тяжело болел, когда Ноар видел его в последний раз. Жив ли он сейчас? Или уже нет? Этот вопрос мучил его, но ответа не было. И, возможно, уже никогда не будет.

Ноар перевёл взгляд на спящего Лари. Тот был изгоем. Как и Северина. И, может быть, впервые за долгое время Ноар подумал, что не одинок. И это, наоборот, пугало. Гвардеец, отступивший от вековых устоев, сам стал одним из тех, кого должен был ненавидеть.

Глава 7

Трактир остался где-то позади. На улице стоял вечер. Проливной дождь закончился, но небо было серое, хмурое, обещая вскоре новую непогоду. Сильный холодный ветер пронизывал до костей. В небе чётко виднелись две сферы: голубая и серая.

Они шли через хвойный лес. Редкие высокие сосны стояли, словно колонны, и земля вокруг была густо усыпана сухими коричневыми иглами. Под ногами мягко пружинило. Здесь было светлее, чем в густой чаще, но ветер задувал сильнее, пробирая до самых костей.

Лари уже вторые сутки страдал от похмелья. Он плёлся позади, кутаясь в мантию, и периодически попивал воду с фляги. Впервые за всё путешествие он был молчалив. Ноар уже мог самостоятельно идти, но нога окрепла еще не окончательно. Ноар уступил место на лошади Северине, но та отказалась. Зато Лари с удовольствием взлез на Сэра и довольно гладил лошадь.

Пока Ноар с Лари пьянствовали в баре, Северина привела меч Лари в порядок. Не идеал, но лучшее, что можно было с ним сделать.

После позавчерашнего разговора с Лари в трактире Ноар никак не мог перестать думать о Северине. Она перевязывала его раны. Спасла его на Плачущих озёрах. Привела меч Лари в порядок, пока они пьянствовали в баре. А царапина на её щеке зажила, не оставив ни следа.

Ноар не мог понять, зачем она это делает. Не из благодарности — она ничем не была ему обязана. Не из страха — она ничего не боялась. Может, из любопытства? Или за этим стояло что-то ещё, о чём он не догадывался?

— Северина, — окликнул её Ноар.

Она удивлённо повернулась. Но ещё удивлённее поднял голову ехавший на лошади Лари, чувствовавший себя явно не очень.

— Как ты встретила Лари? — коротко спросил Ноар.

Северина промолчала.

— Она нашла меня на Запретных землях, — ответил за неё Лари. — Чтобы сбежать, мне пришлось воспользоваться одним из порталов, который хранился в стенах академии. Если честно, с порталами у меня так себе. Тем более этот был очень мощный... — Он тяжело вздохнул. — Меня и Эмали переместило слишком далеко друг от друга. — Лари достал флягу и сделал пару глотков воды.

— Кто такая Эмали? — спросил Ноар.

— Эмали — именно тот человек, про которого я спрашивал у Живых Ив. И я не успокоюсь, пока не найду её.

— Откуда на твоём теле столько шрамов? — поинтересовался Ноар у Лари.

— Я всю дорогу бесконечно болтал, а ты молчаливо таращился либо в небо, уйдя в себя, либо на Северину, — возмущённо сказал Лари. — А когда меня мутит, словно воду, и я через силу сдерживаю рвотные позывы, ты решил пообщаться?

Разговор троицы прервал вой. Он был похож на волчий — но злее, глубже, пробирал до костей. Сэр остановился, начав чаще дышать. Поднял хвост, растопырил ноздри и беспокойно затоптался на месте.

— Оборотни, — промолвила Северина. Достав свой меч.

Ноар молча огляделся и достал с лошади меч. Тот выглядел лучше и был заточен. Ноар осмотрел его и едва заметно улыбнулся, увидев в стали своё серое отражение.

— Только этого нам не хватало, — пробормотал Лари. Он погладил Сэра и, видимо, снова хотел погрузить его в сон, но сил на это у него явно не было.

Звук в стороне привлёк внимание троицы.

— Хруст веток, сбитые с земли иголки — это не оборотни, — сказал Ноар.

— Двое людей, — уточнила Северина.

Из-за деревьев показался высокий, крепкий воин. Длинные седые волосы были заплетены в косичку, как и седая борода. Он двигался слегка прихрамывая, держа в каждой руке по боевому топору. Рядом с ним шла женщина. Рыжие волосы были собраны в косу, которая болталась за спиной. В руках она держала арбалет.

Увидев троицу, они ускорили шаг. Но, подойдя ближе, их взгляд упал на Северину. Оба застыли. Рыжеволосая женщина резко вскинула арбалет и направила его на эльфийку.

Ноар смотрел на заряженный арбалет в дрожащих руках рыжеволосой женщины. Перед глазами всплыли воспоминания.

Солнце палило со всей силы, прерывая малейшие попытки на него взглянуть. Жара стояла как в аду. Небо было ясное, абсолютный штиль. Лишь красная и коричневая сферы ярко горели в вышине. Лучи солнца блестели на силуэтах воинов. На этот раз доспехи с синим полем, на котором изображена белая голова грифона, должны были сразиться с разбойниками.

Те грабили местные края. Перемещались группой из двадцати человек, и их долго не могли выследить. Нападали, грабили, насиловали и скрывались в густых лесах. Поэтому сам король, которому напрямую подчинялся особый полк королевской гвардии, отдал приказ найти их и обезглавить каждого, а их головы привезти и повесить в столице королевства. На выполнение задачи короны было отправлено две группы.

Все отлично знали, что Ноар — хороший следопыт, который не отпустит след своей жертвы, как истинный хищник, и будет преследовать цель до её последнего вздоха. Ноар шёл впереди и вёл остальных четверых. Он всматривался в каждую поломанную веточку, в каждую примятую травинку. Через короткое время он вывел свою группу к временному лагерю разбойников. В лагере стояла полная тишина. Кто-то стирал вещи, кто-то сидел у костра. Разбойники не выставили даже дозорных — после череды лёгких побед они уверовали в свою неуловимость, чувствовали полную безнаказанность и потеряли бдительность.

— Отличная работа, — шепнул старший, хлопнув Ноара по плечу. Берг. Тот самый, кто потом, на поле боя, даже не обернётся, когда Ноар рухнет с неба. Но сейчас он улыбался. Редкая, короткая улыбка человека, который ценил только дело.

— Спасибо, Берг, — ответил Ноар.

Пятёрка обнажила оружие. Берг громко свистнул — и всадники кинулись в бой. Это был сигнал для второй группы, которая ждала за лесом на грифонах. Если бы они поднялись в воздух раньше, разбойники заметили бы их и успели подготовиться.

Они врубались в лагерь, как нож в живую плоть.

Разбойники не успели даже схватиться за оружие. Кто-то ещё лежал у костра, кто-то вскакивал, цепляясь за топоры. Звон стали, крики, хрипы. Берг снёс первого, не сбавляя шага. Сэм и Кас рассыпались в стороны.

А потом бой перешёл на короткие, злые схватки.

Пот бежал по телу и стекал через зазоры железных доспехов. Ноар стоял на правом колене и смотрел в землю. Он пытался отдышаться после очередной схватки. Около него лежали два трупа. Над ними кружили с десятков грифонов, прилетевших на свист командира первой группы. Многие из них были без всадников. Вокруг изредка раздавались удары мечей.

Один из разбойников попробовал убежать. Грифон накрыл его своей тенью, схватил за руку и потянул в небесную высь. Разбойник от неожиданности и испуга выронил меч и свободной рукой пытался отмахнуться, громко крича. Подлетел второй грифон и схватил его за другую руку. Разбойник закричал, но крик прервался влажным треском. Грифоны рванули в стороны, и тело не выдержало. Руки отделились от туловища с влажным звуком — кожа, мышцы, сухожилия порвались в один миг.

Обернуться Ноара заставил глухой, тяжёлый удар за спиной — так падает на землю безжизненное тело. Он обернулся и увидел истерзанное тело без рук. То самое, что грифоны разо-

рвали в небе мгновение назад. Оно рухнуло в грязь, подняв фонтан кровавых брызг. А за ним, в двадцати шагах, стоял разбойник со взведённым арбалетом. Он уже целился в Ноара. Щелчок. Стрела вылетела. Ноар не успел среагировать — перед ним возникла фигура товарища. Берг закрыл его собой. Стрела вонзилась в доспехи, пробив металл и плоть.

Сразу же на арбалетчика налетел Храбрец. Он впился когтями в голову разбойника и резким движением лап свернул ему шею. Раздался сухой, резкий хруст ломающихся позвонков.

Берг сломал стрелу, торчащую из плеча, и повернулся к Ноару. Улыбнулся. Ноар знал эту улыбку — Берг улыбался так только тогда, когда всё шло по плану и никто из его людей не погиб на задании.

— Перехвалил, видимо, — сказал он.

Холодный ветер ударил в лицо. Жара исчезла, солнце исчезло, крики битвы стихли. Ноар снова был в лесу. Перед ним стояла рыжеволосая женщина, и её палец лежал на спусковом крючке, а арбалет смотрел на Северину.

Ноар смотрел на арбалет и понимал: ещё секунда — и стрела вылетит. В голове пронеслась череда мыслей. Все его раздумья о Северине, её поступки, её молчание — всё это больше не имело значения. Он принял решение. Оно не требовало слов. И он сделал шаг вправо, закрыв собой эльфийку.

Лари широко раскрыл глаза от удивления и уставился на него. Но когда он перевёл взгляд на Северину, стоявшую за спиной Ноара, его глаза раскрылись ещё шире. На её лице читалось удивление вперемишку с испугом. Лари за всё время практически не видел у неё эмоций — лишь редкие, едва заметные усмешки. А тут — и испуг, и удивление.

— Эла, опусти арбалет, — промолвил седоволосый воин.

— Робби, ты что, спятил? — Эла бросила на него быстрый взгляд и сжала арбалет крепче. — Ты посмотри на неё!

Северина до сих пор стояла ошеломлённая. Зачем она тогда согласилась спасти Ноара? Лари уговаривал, да. Но решение принимала она. И она до сих пор не знала, почему согласилась. Может, теперь, глядя на то, как этот человек закрыл её собой, она начинала понимать.

Робби сам рукой резко опустил арбалет женщины и повесил топоры на пояс. Он не сводил глаз с Северины, отслеживая каждое её движение, как охотник отслеживает зверя.

— В том и дело, я вижу, что перед нами эльф ночи, — произнёс он. — Выстрел из арбалета тебя не спасёт. А вариант погибнуть в бою, так и не получив ответа на вопрос, что делают два человека с эльфийкой ночи, меня не устроит.

Он перевёл взгляд на Ноара.

— Ты воин. Я это вижу. И ты закрыл её собой. Это либо глупость, либо что-то большее. Я хочу понять, что именно.

Ноар встретил его взгляд.

— Она спасла мне жизнь. Этого достаточно.

Робби помолчал. Потом коротко кивнул — не в знак согласия, а в знак того, что принял информацию к сведению.

— Допустим. Но я буду следить за ней. И если она сделает хоть одно движение, которое мне не понравится, — я убью её. Или попытаюсь.

Северина ничего не ответила. Она просто смотрела на него своими тёмными глазами.

Снова раздался вой оборотня.

- корневик уже рядом – сказал Робби оглядываясь

Корневик — мерзкая тварь. Он не убивает свою жертву сразу, а по возможности обхватывает её корнями и держит, пока та не обессилеет. Доводит до изнеможения. А потом вонзает корень в грудь и сеет семя. Прямо в сердце. — Лари говорил тихо, но каждое слово падало тяжело, как камень.

— Семя прорастает медленно. Тонкие нити расходятся по телу, оплетают рёбра, проникают в мышцы, в сухожилия, в кости. Они заменяют кровь, заменяют мысли, заменяют волю. Жертва ещё жива — её сердце бьётся, её глаза видят, её уши слышат. Но она уже не принадлежит себе. Она становится частью Корневика. — Робби говорил спокойно, но в его голосе слышалась застарелая ненависть.

— Когда семя прорастает полностью, Корневик забирает тело. Может сделать из него чучело. Может разобрать на части и соединить с другими. Лапа волка на теле человека. Глаза эльфа в глазницах гнома. Крылья птицы, пришитые корнями к спине мёртвого солдата. Он управляет ими всеми через корневую сеть. И через них он слышит, как хрустят чужие кости. Видит, как трясутся ноги от страха. Чувствует каждый вздох ужаса. Для него это не бой. Это сбор урожая. — Эла произнесла это, не сводя глаз с Северины.

— Я бы лучше умерла от Корневика, чем доверилась ночной эльфийке, — добавила она. — Но наш товарищ пропал в этом лесу. И если есть хоть одна-единственная надежда его спасти, то я доверюсь даже демону.

Северина хмыкнула и проговорила:

— Ну, желаю удачи.

Она развернулась и собралась идти дальше. Но рука Ноара остановила её.

— Подожди. Корневик — мерзкая тварь, и если мы избавим свет от одного из них, от этого станет легче всем. Людям, магам и даже ночным эльфам, — сказал Ноар.

Северина посмотрела на его руку, державшую её за плечо, и спросила:

— Ты не хочешь добраться домой? Если да, то попросил бы меня убить тебя ещё тогда, когда ты лежал беспомощным. Корневик тоже чувствует эмоции. Поэтому, если ты решишь остаться, советую перерезать ей горло. — Она кивнула в сторону Элы. — Её страх и ненависть — это как маяк для корабля. Она привлечёт Корневика быстрее, чем любой вой.

Ноар убрал руку с плеча Северины. Тяжело вздохнул.

— Риверы веками уничтожают тварей, которые угрожают всем, не только людям. Они выполняют заказы на всём материке Норстона, кроме Запретных земель. Помочь им — дело чести.

— Они выполняют заказы за серебро. Это их хлеб. Делают то, что им нравится и за что платят. Убивают за серебро, а ты — за корону. Не знаю, что хуже, — холодно ответила Северина.

Робби и Эла удивлённо посмотрели на Ноара.

— Что за чёрт? Воин королевства Ирдан и эльфийка ночи? Я точно это вижу и слышу? — спросил Робби, и в его голосе прозвучало неподдельное изумление.

Ноар тяжело выдохнул, ничего не ответив. Лари снова широко раскрыл глаза. То ли он удивился тому, что Северина так легко рассказала, откуда Ноар, зная, что за такую компанию ему грозит казнь. То ли тому, что она вообще была так многословна.

Северина пошла дальше.

— Лари, ты со мной? Или спасение Эмали для тебя уже не на первом месте?

Лари опешил. На мгновение его лицо застыло, словно от пощёчины. Но уже через секунду он пришёл в себя, взял Сэра за поводья и подошёл к Ноару.

— Я с тобой, — сказал он, глядя вслед Северине. — Но и с тобой тоже. Чёрт возьми, почему всё всегда так сложно?

Он тяжело вздохнул и потрепал Сэра по гриве.

— Стой, Северина, — сказал Лари.

Она не обернулась и шла дальше.

— Я не смогу найти Эмали без тебя и Ноара! Вы нужны мне вдвоём! — крикнул он ей вслед и осёкся. Слишком громко. Слишком много. Он схватился за голову. — Чёрт, чёрт, чёрт... — забормотал он.

Северина остановилась. Медленно обернулась.

— Что ты сказал? — спросила она. Её голос был тих, но холод.

Лари поднял голову, встретился с ней взглядом и промолчал.

Ноар смотрел на них обоих. Он понял — что-то важное только что прозвучало. Что-то, о чём он не знал. И, кажется, Северина — тоже.

Лари посмотрел на Северину. В его взгляде не было прежнего веселья — только усталость и что-то ещё, похожее на решимость.

— Я скажу, когда смогу. Не раньше.

Детский смех раздался из ниоткуда. Звонкий, переливчатый — так смеются малыши, когда играют в прятки. Но этот смех был лишён радости. Он царапал уши, пробирался под кожу, и в нём слышалось что-то голодное.

— Он рядом, — сказал Робби.

— Выстраиваемся кругом! — скомандовал Ноар.

Северина с мечом в руках прижалась спиной к спине Ноара. От неё, как всегда, веяло холодом. А пахло хвоей, как тогда, в бане, и этот запах странно успокаивал посреди хаоса.

Робби занял место справа от Ноара, вскинул свои боевые топоры и начал глазами искать Корневика. Его дыхание было ровным, движения — скупыми, отточенными за десятилетия охоты. Он не боялся — он ждал. Эла встала слева, подняла арбалет, но её взгляд то и дело возвращался к эльфийке. Палец лежал на спусковом крючке, и она была готова выстрелить в любого — хоть в тварь, хоть в Северину.

Лари подтянул Сэра поближе, привязал его к дереву и встал в круг к остальным. Он не доставал оружия — его руки были свободны, готовые к заклинанию. Губы едва заметно шевелились. Робби мельком взглянул на него и нахмурился: ни меча, ни топора, ни даже кинжала. «Маг, что ли?» — мелькнула мысль, но времени на расспросы не было.

Ещё пару минут назад они не были знакомы между собой. А теперь стояли плечом к плечу. Вот на что способен общий враг.

Из-за дерева показалась левая половина детского лица. Мальчик. Он словно подсматривал за ними и тихо хохотал. Кожа его была бледная. Из рта через щеку тянулся корень — он впивался в бледную плоть и уходил прямо в глазное яблоко, скрываясь в кошачьем зрачке. Глаза у мальчика были кошачьи — с вертикальным зрачком. Один смотрел на пятёрку, второй дёргался, оглядывая лес. Ребёнок ехидно смеялся — и резко спрятался обратно за ствол.

Вся пятёрка насторожилась. Сэр коротко, громко взвизгнул.

А потом земля перед ногами Элы вздулась бугром. Дёрн треснул, и из-под него, разбрасывая комья грязи и сгнившие иглы, вырвалась тварь. Та самая. Голова мальчика — та, что только что выглядывала из-за дерева, — она была пришта к корням к телу огромного крота. Лицо всё то же: бледное, с корнем, уходящим из рта в глаз. Но теперь оно не смеялось. Оно скалилось.

Эла увидела тварь в полёте. Тело крота, сшитое корнями, словно грубыми нитками. Белые опарыши, вылетающие из гниющих ран. Кошачьи глаза мальчика — один смотрел прямо на неё, второй дёргался, оглядывая небо. Мелкие, острые зубы были оскалены. За телом болтался лисий хвост. Всё это промелькнуло в одно мгновение, прежде чем она нажала на спусковой крючок.

Выстрел арбалета оттолкнул её чуть назад. Стрела вылетела и попала твари в шею — туда, где корни сшивали голову мальчика с кротовым телом. Звук раздался пустой — стрела вонзилась не в живую плоть, а в разлагающееся мясо. Сначала — хлюпающий хлопок, будто лопнул гнилой плод. Потом — глухой стук от попадания в дерево. По инерции тело твари развернуло в воздухе, и она, не долетев до Элы, завалилась на спину. Лапы задёргались, опарыши посыпались на землю.

Робби кинулся на тварь, замахнувшись топором, но она резко перевернулась на живот и начала зарываться под землю. Он успел схватить её за лисий хвост. Пальцы сомкнулись на гнилой плоти — мягкой, скользкой, расползающейся под хваткой. Хвост был покрыт слизью и источал трупную вонь, которая ударила в ноздри, едва Робби сжал кулак. Он стиснул зубы и со всей силы потянул тварь из земли, держа второй топор наготове, чтобы срубить голову. Из ямы раздался детский рёв — надрывный, полный ярости. Но Робби это не отвлекало. Он знал: это уже не ребёнок.

С другой стороны раздался грохот. Земля задрожала под ногами — кто-то ломился через лес, не разбирая пути. Треск ломающихся стволов, глухие удары, хруст веток. Мелкие сосны разлетались в щепки, вырванные с корнем. А потом из темноты, раздвигая грудью подлесок, вывалилась огромная гнилая туша медведя.

— Чёрт, — выдохнул Лари.

На пятёрку неслась огромная гнилая туша медведя. Вместо медвежьей головы на толстой шее, сшитой корнями, скалилась голова оборотня. Из пасти торчали клыки — длинные, жёлтые, в слюне и сукровице. На голове оборотня, глубоко вонзившись в череп, рос изогнутый олений рог. Тварь неслась на них, ломая всё на своём пути, и громко ревела — низко, утробно, с влажным хрипом. Из разорванного бока свисали внутренности, но она не замедлялась. Корни, прошивавшие тело, держали её, как марионетку на невидимых нитях.

Тварь приближалась всё ближе. Когда до неё оставалось около двадцати метров, Лари начал произносить заклинание, двигая руками в сложном ритме. В небе всё так же отчётливо виднелись две сферы — серая и коричневая. Он бросил взгляд к коричневой — силе земли — и она словно отозвалась.

Из земли перед тварью вырвались корни — толстые, бурые, они оплели медвежью тушу, впиваясь в гнилую плоть. Тварь заметно замедлилась, но всё так же мощными рывками рвала корни, прокладывая себе путь. Лари стоял с вытянутыми вперёд руками, его кисти тряслись от напряжения. Лицо мага исказилось в оскале — он держал заклинание из последних сил.

К тому моменту Эла уже подскочила на помощь Робби. Она схватила тварь за ногу, и вместе они выдернули её из земли. Тварь не успела зарыться обратно. Робби перехватил её за ногу и поднял перед собой, попытавшись срубить голову боевым топором. Но в самый последний миг, перед соприкосновением с лезвием, тварь изогнулась и вцепилась зубами ему в руку. Сотня мелких, острых, как бритвы, зубов впилась в кожу. Голова мальчика одним резким движением вырвала кусок мяса из предплечья Робби и тут же вцепилась снова, выдрав ещё один. Тварь сплюнула на землю окровавленную плоть с тонкими синими венами. Робби взревел от боли и разжал пальцы. Тварь упала на спину.

Эла выхватила из кожаных ножен клинок и бросилась на тварь. Лезвие вошло в кошачий глаз мальчика. Тварь завизжала — пронзительно, нечеловечески — и обеими лапами вцепилась в руку Элы. Острые когти рвали кожу, оставляя глубокие борозды. Но Эла, заорав от ярости и боли, навалилась сверху и вогнала клинок ещё глубже — по самую рукоять.

Раздался глухой треск. Гниющий череп мальчика не выдержал. Затылок проломился, и из-под головы хлынула вязкая жидкость вперемешку с опарышами. На земле растеклась гнойная лужа с кровью.

Но тварь не затихла. Она продолжала дёргаться, скребя лапами по земле. Голова мальчика, пригвождённая клинком к земле, дрожала в конвульсиях, но не могла сдвинуться — лезвие держало её намертво. Из развороченной глазницы сочился гной, смешиваясь с тёмной кровью. Корни, прошивавшие тело, всё ещё шевелились, пытаясь вытолкнуть клинок из раны и освободиться.

Робби, преодолевая боль в разорванной руке, шагнул вперёд и замахнулся топором.

— Сердце! — крикнула Элла. — Руби сердце! Пока семья живо, тварь не умрёт!

За спиной у Робби, где Лари держал медвежью тушу, земля вздыбилась снова.

Ноар и Северина кинулись на тварь которую держал Лари. Лицо мага оскалилось ещё больше, руки лихорадочно задрожали, а он заорал. Из земли ещё активнее начали набрасываться на тварь корни. Тварь встала на две лапы и начала тоже активнее разрывать корни, которыми Лари пытался её удержать.

Северина приблизилась к твари быстрее Ноара и нанесла рубящий удар по одной из медвежьих лап. Лезвие пробило гнилую плоть почти на пол лапы. Раздался звук — это рвалась мёртвая кожа и мышцы. Потом — сухой треск ломаемой кости. Но затем — глухой, тупой стук: лезвие не смогло пробить корень, проросший внутри лапы.

Сразу же последовала атака Ноара. Он оттолкнулся от земли, подпрыгнул и вознёсся над тварью, держа меч двумя руками остриём вниз. Тварь попыталась отвести голову от удара, но не успела до конца. Ноар пронзил вытянутую морду оборотня. Меч сначала прошил верхнюю челюсть, а затем нижнюю, захлопнув пасть и оборвав рёв. Приземлившись, Ноар почувствовал лёгкую боль в голеностопе, но не подал виду. Он потянул меч на себя, вытягивая твари шею. Челюсть сухо затрещала.

Северина подхватила его движение. Её меч описал короткую дугу. Удар прорубил самый крупный корень на шее твари. Дальше лезвие рассекло остатки сухожилий, и голова оборотня с оленьим рогом отделилась от туши. Рухнув на землю с глухим, тяжёлым стуком, подняв облако гнилой трухи. Олений рог, вонзившись в грязь, застыл, словно кривой надгробный камень.

Корни, которыми Лари опутал тварь, начали слабеть и их хватка не была прежней. Гнилая туша, освобождаясь, двинулась вперёд — уже без головы, ничего не видя, но всё ещё живая. Огромные лапы вслепую молотили воздух, круша всё вокруг.

Ноар и Северина начали наносить рубящие удары по всему телу, уклоняясь от слепых взмахов медвежьих лап. Каждый удар разрубал мышцы и корни, которые придавали твари движение. Она становилась медленнее, неповоротливее, теряя последние остатки той силы, что вдохнул в неё Корневик. Они двигались в тандеме. Каждый удар Ноара дополнял удар Северины. Они словно танцевали — танец смерти. Без слов, без команд — просто два хищника, нашедшие общий ритм.

Лари услышал какой-то звук под собой и бросил взгляд под ноги. Из земли вытянулась рука — сплетение корней и гнилой плоти, — схватила его за ногу и резко дёрнула вниз. Лари провалился по пояс в земляную нору, но успел ухватиться двумя руками за торчащий корень.

Робби в этот момент оттолкнул Элу от твари с головой ребёнка, наступил двумя ногами на лапы чучела и навис над ним, держа по боевому топору в каждой руке. Он заорал — яростно, без слов — и начал вбивать лезвия в тело крота. Удар за ударом. То левой рукой, то правой. Он рубил не останавливаясь, прорубая путь к сердцу сквозь гнилую плоть, кости и деревянные корни. Ошмётки мяса, опарыши, кровь и куски дерева летели в стороны.

Последний удар достиг сердца. Топор вошёл глубоко, с влажным хрустом. Сердце дрогнуло в последний раз и остановилось. Тварь замерла. Корни, прошивавшие тело, задрожали и ослабли — они ещё шевелились, но уже не могли двигать мёртвую плоть.

Робби тяжело дышал, всё ещё сжимая топоры. Его руки были покрыты гнилой жижей и опарышами. Но он не отводил взгляда от мёртвой твари, пока последний корень не замер в её теле.

А рядом всё ещё шёл бой.

Северина и Ноар продолжали ударами изрубливать слепую медвежью тушу. Огромные лапы всё ещё молотили воздух — без головы тварь не видела, куда бьёт. Северина уловила ритм этих слепых взмахов и скользнула вперёд, поднырнув под лапу. Она перехватила меч обратным хватом и вонзила его в грудь медведя — туда, где под слоем гнилой плоти и корней ещё билось сердце. Лезвие вошло глубоко, с мокрым хрустом. Тварь вздрогнула всем телом, издала глухой, булькающий хрип и начала заваливаться на бок. Земля дрогнула, когда огромная гниющая

туша рухнула. Корни, прошивавшие тело, задрожали и ослабли, ещё шевелясь, но уже не в силах двигать мёртвую плоть.

— Помогите! — громко крикнул Лари.

Его пальцы соскользнули с корня, и он рухнул вниз, в темноту. Несколько секунд Корневик тащил его по туннелю — тело билось о земляные стены, корни цеплялись за одежду. А потом Лари вылетел из прохода и с громким плеском упал в гниль.

Запах ударил в нос — густой, тошнотворный, перебивший дыхание. Гнилая плоть, разлагающиеся внутренности, прокисшая кровь. Лари закашлялся, пытаясь вдохнуть, и тут же пожалел об этом. Вонь была такой плотной, что, казалось, её можно было жевать. Скользящая слизь вперемешку с гноем, грязью и останками плоти и костей различных существ обдала его с ног до головы.

Он начал подниматься, протирая лицо от вязкой жижи. Открыв глаза, Лари увидел, что стоит по колено в этой мерзости. А перед ним возвышается Корневик.

Существо ростом под три метра создало себя само. Корни вперемешку с вырванными мышцами и сухожилиями, содранными с других существ, составляли его тело — неестественное, собранное из чужих частей. Две головы. Первая находилась там, где ей и положено — на плечах. На ней горели шесть различных глаз, вырванных у разных жертв: кошачьи, человеческие, волчьи. Все они смотрели в разные стороны, но при этом — прямо на Лари. Вторая голова росла на длинной шее из спины. Глаз на ней было меньше — всего два, но больших, жёлтых, с вертикальным зрачком. Зубы в обеих пастьях торчали вперемешку — медвежьи клыки, человеческие резцы, волчьи клыки — и были раскиданы по рту в диком беспорядке.

Три длинных руки. Две по бокам, как у человека, и третья — самая длинная — росла прямо из спины, извиваясь над головой, словно готовая нанести удар.

Лари взглянул на туннель, из которого только что выпал. Там, наверху, был свет. Серый, тусклый — но живой. Он просачивался сквозь земляной проход и падал в гнездо, разгоняя темноту ровно настолько, чтобы можно было разглядеть очертания твари, блеск гнилой жижи и собственные дрожащие руки. Лари услышал шаги — быстрые, тяжёлые. Кто-то бежал к краю провала.

— Хоть кто-нибудь... помогите... — прошептал он, сжимая кулаки.

Корневик медленно повернул первую голову. Шесть различных глаз уставились на Лари. Вторая голова на длинной шее зашипела, выгнувшись над спиной. Третья рука дёрнулась и начала медленно опускаться, готовясь к удару. Он не торопился. Он чувствовал ужас своей жертвы, впитывал его, как гнилая земля впитывает кровь. И наслаждался этим.

Эла и Робби заметили, как Корневик утащил Лари в туннель, и бросились к яме. Робби добежал первым и, не раздумывая, прыгнул в темноту. Эла уже собиралась последовать за ним, но её остановил голос.

— Эла!

Она обернулась. Из кустов, цепляясь за землю окровавленными пальцами, полз мужчина. Их третий. Гроди. Лицо его было бледным, искажённым болью, но глаза — живые, полные муки. Он ещё был собой.

Эла рванулась к нему, упала на колени рядом. И тут же отдёрнула руки. Из ран Гроди — из плеча, из бока, из разорванного бедра — медленно выползали тонкие, тёмные корни. Они шевелились, извивались, как черви, прорастая сквозь плоть. Гроди застонал, и корни в его ранах дёрнулись в ответ.

— О нет... Гроди... — Эла прижала ладони ко рту. Её глаза расширились от ужаса.

— Оно внутри, — прохрипел Гроди. — Оно растёт. Я чувствую, как оно шевелится. — Он поднял на неё взгляд, полный отчаяния. — Эла... я ещё здесь. Но ненадолго.

Корни в его плече дрогнули и поползли дальше. Одни оплетали шею, сжимая горло, другие пронзались под кожу и мышцы, пробираясь всё глубже. Гроди захрипел.

— Нет... любимый... — прошептала Эла. Слезы текли по её грязному лицу. Она схватила его за руку, но корни уже были и там — они шевелились под кожей, как живые. Гроди смотрел на неё. В его глазах ещё теплилась жизнь, но тело уже не принадлежало ему.

Ноар и Северина тоже услышали крик Лари и кинулись к туннелю. На бегу они заметили Элу, склонившуюся над умирающим Гроди.

Северина увидела, как разрывается от боли сердце Элы. Та стояла на коленях в грязи, сжимая руку того, кого любила, и смотрела, как корни прорастают сквозь его тело. Гроди умирал — его сердце разрывалось от выходящих внутри корней, — но хоть боль Элы и была не физической, она не уступала его мукам.

Северина на мгновение замедлилась. Она знала эту боль. В её тёмных глазах отразилась смерть отца, братьев, матери.

Ноар бросил короткий взгляд на Элу, потом на туннель, в который уже запрыгивал Робби.

— Я за Лари, — сказал он. — Ты — к ней.

Северина кивнула. Ноар прыгнул в туннель. А она направилась к Эле.

В туннеле Ноар заметил Робби. Тот зацепился одеждой за корни и висел, пытаясь освободиться и поспеть Лари на помощь. Ноар помог ему выбраться, и они вместе рухнули дальше, в гнилую жижу гнезда.

Корневик поднял руку и замер. Лари в ужасе смотрел на тварь. Его дыхание стало частым и глубоким. В животе что-то дрогнуло и ухнуло вниз, будто внутренности разом стали тяжелее и потянули к земле. Ноги начали произвольно трястись. Лари даже не замечал ужасной вони вокруг него.

Корневик оттянулся чуть назад, заревел и ударил. Удар пришёлся в голову и верхнюю часть тела. Раздался треск, и нос Лари хрустнул, ломаясь под силой удара. Кровь хлынула из ноздрей, заливая лицо. Лари влетел в стену гнезда, скатился по ней вниз. Он ничего не понимал. Удар его сильно оглушил. Корневик поднял руку ещё раз, но его внимание привлекли два силуэта, свалившиеся сверху.

Ноар с Робби свалились в эту жижу. Сразу начав оценивать корневика.

- огромный сука – сказал Робби.

Корневик в этот раз не медлил. Он резко побежал на двух тонких ногах прямо по жиже и накинудся на Ноара, попытавшись схватить его своими руками. Но сзади на Корневика напал Робби. Услышав хлюпающие звуки за спиной, Корневик развернул вторую голову и попытался схватить Робби третьей рукой. Робби отбивался топорами, уходя от хватки. Ноар увернулся от передних рук твари и нанёс рубящий удар. Меч перебил один из корней, но Корневик будто этого даже не почувствовал.

«Тут явно нужен меч Северины», — подумал Ноар.

Лари пытался сфокусироваться и понять, что происходит, но перед глазами всё плыло. Одной рукой он опёрся на жидкую стену гнезда, а второй держался за голову. В ушах звенело. Сквозь мутную пелену он видел два силуэта — Ноара и Робби, — которые метались вокруг огромной твари, уклоняясь от ударов.

Лари попробовал подняться, но ноги не слушались. Тогда он просто прижался спиной к стене и начал шептать заклинание. Его руки двигались так, будто он лепил большой снежок — пальцы сжимали воздух, формируя невидимый шар. Слова давались с трудом, губы дрожали, а по ним стекали два ручейка крови из сломанного носа, но он продолжал — тихо, упрямо, не сводя глаз с Корневика.

А наверху, возле провала, Эла склонилась над телом Гроди. Её рыжая коса свесилась вперёд, почти касаясь его лица.

Северина подбежала к Эле. Та стояла на коленях над телом Гроди, сжимая его руку. Его взгляд всё ещё оставался человеческим — в нём теплилась жизнь, но она угасала с каждым ударом сердца.

— Прости меня... — прошептал Гроди.

— Нет... это ты меня прости... — сквозь слёзы ответила Эла.

Северина посмотрела на Гроди. Из-под его разорванной одежды, на животе и груди, пробивались корни — они оплетали шею, прорастали сквозь кожу, шевелились, как живые. Она перевела взгляд на Элу.

— Его уже не спасти, — холодно сказала она. — Хочешь, это сделаю я?

— Нет, — ответила Эла. — Я сама.

Северина достала свой клинок и протянула его Эле. Та перестала плакать, взяла оружие в руки и взглянула в глаза Гроди. Они теряли жизнь — взгляд становился холоднее и прозрачнее, словно стекло на морозе.

— Я люблю тебя... — словно предсмертный хрип, выдохнул Гроди.

Эла поднесла клинок к его груди, расстегнула рубашку. Под кожей всё ещё двигались корни — извивались, прорастали всё глубже. Она вытерла слёзы, провела сталью вдоль рёбер и резко вонзила клинок. Лезвие вошло глубоко. Гроди застонал — не от боли, а от облегчения. Эла протолкнула клинок дальше, прямо в сердце, и разрыдалась.

Корни в теле Гроди дрогнули и замерли. Он выдохнул в последний раз и затих. Эла опустила голову ему на грудь и замерла, всё ещё сжимая рукоять клинка. Северина стояла рядом — молча, неподвижно. Что-то дрогнуло в её тёмных глазах.

На несколько мгновений всё стихло. Бой внизу будто отодвинулся, утонул в толще земли. Слышно было только, как ветер шелестит травой над краем провала, как где-то далеко, в лесу, тоскливо кричит птица. Даже корни в теле Гроди перестали шевелиться.

Эла не плакала. Она сидела над мёртвым, прижимая его холодеющую руку к своей щеке. Её рыжие волосы, перепачканные землёй и чужой кровью, казались в этом сером свете почти чёрными.

А потом снизу, из гнезда, снова донёсся рёв. Глухой удар — и стена подземелья дрогнула.

В гнезде тем временем бой продолжался. Лари, прижавшись спиной к стене, всё ещё шептал заклинание. Его руки дрожали, пальцы сжимали невидимый шар. А потом он громко выкрикнул последние слова. В его ладонях словно заиграла стихия — серый шар, похожий на ту сферу, что висела в небе, появился между рук. Он пульсировал, пытаясь вырваться, разрывая кожу на руках мага. Кровь закапала на землю, смешиваясь с гнилой жижей под ногами. Робби, тяжело дыша, всё ещё сжимал топоры. Ноар продолжал уклоняться от ударов Корневика. А сверху, по земляному склону, спускалась Эла и Северина — Гроди остался наверху. Лари закричал от боли и швырнул шар в Корневика.

Шар молниеносно влетел в одну из рук твари и разорвал её на две части. Обрубок руки упал в гниль, взметнув фонтан слизи. Корневик заревел — низко, утробно, яростно. Робби на мгновение замер, уставившись на Лари. «Да. Всё-таки маг», — подумал он. Впрочем, времени на удивление не было. Ноар не упустил момент: он приблизился и что есть мочи вонзил меч в тонкую ногу твари. Лезвие пробило корни и гнилую плоть, войдя глубоко в конечность. Корневик пошатнулся, но устоял. Робби, стряхнув оцепенение, тоже не стал терять время и метнул топор в ту голову Корневика, что смотрела на него — вторую, на длинной шее. Топор вошёл горизонтально, поразив сразу два жёлтых глаза. Из глазниц потекла жёлтая жидкость — густая, вязкая, как гной. Корневик снова заревел и резко развернулся на Робби.

Но его взгляд вновь привлекли два силуэта — Северина и Эла съехали по земляному склону в гнездо. Эла вскинула арбалет и выстрелила Корневику в первую голову — ту, что с шестью глазами. Стрела попала в цель, зацепив ещё пару глаз. Корневик завопил и попытался прыгнуть на неё, но меч в ноге не дал оттолкнуться, и он рухнул на живот.

Северина подскочила к нему. Её меч скользнул в темноте, как луч света, и вошёл в спину твари — туда, где сходились корни, заменявшие позвоночник. Лезвие пробило сплетение мышц и сухожилий, прошло сквозь тело насквозь и с глухим стуком вонзилось в землю,

пригвоздив Корневика к гнезду. Тварь взревела, задёргалась — а затем резким движением встала. Раздался хруст и звук рвущегося мяса. Гнилая плоть и кости не выдержали такого резкого движения, а проросшие корни не послужили опорой. Корневик поднялся, оставив в земле меч Северины и куски собственного тела — клочья гнилых мышц, обрывки корней, ошметки сухожилий. Из раны на спине хлынула тёмная, вязкая жижа, но тварь устояла. Она развернулась к Северине и заревела.

Робби кинулся на тварь, но она откинула его своей рукой и бросилась на Северину, нанося удар когтями. Ноар прыгнул вперёд, закрыл её собой, и они вместе упали в гнилую жижу. В этот момент их глаза встретились. Голубые, но сверху радужка левого глаза была тёмно-коричневой, как будто природе не хватило голубой краски. И глаза Северины — глубокого тёмного оттенка, почти бездонные.

Раздался тонкий, звонкий звук — когти Корневика рассекли воздух. Ноар оскалился от боли. Удар пришёлся по спине, оставив глубокий кровавый след. Ноар прижал Северину к себе, всё ещё закрывая её своим телом. Она почувствовала, как его кровь течёт по её плечу — горячая, живая. Спина горела, мышцы сводило, но он не разжимал рук.

— За Гроди! — выкрикнула Эла и кинулась на тварь с клинком Северины.

Корневик прыгнул ей навстречу и вцепился зубами в голову. Сотни различных зубов — медвежьи клыки, человеческие резцы, волчьи клыки — вонзились в её череп. Тварь начала сжимать челюсти сильнее. Эла забилась в конвульсиях, нанося удары клинком, но они приходились в пустоту. Робби с топором накинута на Корневика сзади, рубя по корням и плоти, но его удары не причиняли твари особого вреда.

Хруст. Глухой, тяжёлый хруст раздался на всё гнездо. Голова Элы не выдержала и треснула, как перезрелый арбуз. Кровь хлынула на землю ещё сильнее, заливая гнилую жижу алым. Тварь не успела выпустить её голову из пасти — челюсти всё ещё сжимались, даже когда тело Элы обмякло и перестало дёргаться. Её рыжая коса, ещё мгновение назад болтавшаяся за спиной, теперь окрасилась кровью и потемнела.

— Не-е-ет! — крикнул Робби.

Он ещё не знал, что Гроди мёртв. Верил, что тот жив, и не представлял, как потом расскажет ему о смерти Элы. Как посмотрит в глаза и скажет, что не уберёт её. А перед глазами уже всплывали обрывки воспоминаний: вот Гроди и Эла сидят у костра, она положила голову ему на плечо, а он что-то тихо рассказывает, перебирая её рыжие волосы. Вот они вдвоём заваливаются в трактир после удачной охоты — грязные, уставшие, но счастливые. Гроди заказывает две кружки пива, Эла смеётся, запрокидывая голову, и её коса болтается за спиной. Они всегда были вместе — в бою, в дороге, в жизни. А теперь этого не будет.

Робби со слезами на глазах со всей силы нанёс очередной удар по ноге Корневика, и тварь наконец почувствовала боль. Она разжала пасть, выпустила безжизненное тело Элы и повернулась к Робби. Тот схватил меч Северины, выдернул его из грязи и метнул Ноару, который находился за спиной твари.

Ноар поймал меч. Лезвие было холодным, чистым — даже грязь не прилипла к стали. Сквозь многочисленные рубцы и сплетения корней на спине Корневика он словно услышал, как бьётся сердце твари. Глухое, размеренное, чужое.

Он подскочил и вонзил меч. Лезвие прошло сквозь гнилую плоть, пробило сплетение корней и вошло в самое сердце. Раздался сочный треск. Сердце дрогнуло, задёргалось в последней судороге и остановилось. Тварь замерла. А затем рухнула на землю.

Корни твари некоторое время ещё двигались, но потом резко высохли и начали рассыпаться в труху. Рядом с телом Корневика лежало тело Элы. Голова её была смята. Кости, кожа, волосы, мозги — всё перемешалось в одно целое. Её лицо было не узнать. Робби стоял на коленях, склонившись над ней.

Лари сидел у стены и смотрел на свои ладони. Они лихорадочно тряслись и были покрыты многочисленными порезами — словно он собирал стекло голыми руками. Он попытался встать, но ноги не держали. Ноар подхватил его под руку и помог подняться. Маг ничего не сказал. Только коротко кивнул. Северина выдернула свой меч из тела твари и молча осмотрела его. Меч Лари так и остался в ноге Корневика — тупой, погнутый, он был уже бесполезен. Ноар даже не пытался его забрать.

— Пора отсюда выбираться, — сказал Ноар.

Они выбрались из гнезда тем же путём, каким провалились. Подъём дался тяжело. Никто не говорил. Только дыхание и шорох осыпающейся земли.

Рассвет. Лучи солнца осветили хвойный лес. Лёгкий туман стелился среди деревьев. Северина плотнее укуталась в капюшон. Лари держал Сэра за поводья и смотрел в землю. Ноар подал Робби факел.

Перед ними, в гуще собранных сухих веток, лежали два тела. Одно — Элы: её остатки головы были обёрнуты тканью, виднелась лишь рыжая коса, но она уже потемнела от крови. Второе — Гроди: с его тела всё ещё торчали корни. Тела держались за руки, словно идя вместе в последний путь. Робби тяжело вздохнул. По щекам потекли слёзы, стекая на седую бороду.

— За охоту! — сказал Робби и поджёг ветки.

— И за любовь, — тихо добавил Лари.

Ноар смотрел в огонь. Он ничего не говорил. Он просто смотрел.

Северина стояла в стороне, у кромки леса. Она не подходила к костру — её место было в тени. Но она вспоминала слова Лари, брошенные там, наверху, перед боем: «Вы нужны мне вдвоём». Тогда они прозвучали как отчаянный крик. Теперь она прокручивала их в голове снова и снова. Что он имел в виду? И почему именно они — эльф ночи и воин Ирдана? Она не знала. Но впервые за долгое время ей захотелось узнать.

Глава 8

Солнце спряталось за горизонт. Наступили сумерки. Холодный ветер стих, но местами налетал порывами, завывая с новой силой.

На берегу бегущей реки группа молча разбила лагерь. Им всем нужно было отдохнуть после тяжёлой битвы с корневиком.

Северина молча сшивала раны на спине Ноара, обрабатывая их лечебной мазью. Тонкая блестящая изогнутая иголка пронзала кожу, тянула за собой нить и вновь пронзала. Из отверстий сочилась кровь - Северина вытирала её тряпкой. Она делала это абсолютно спокойно. Хотя её движения и были немного неуклюжими, в них таилось тепло. Видимо, из-за регенерации эльфов до этого ей нечасто приходилось зашивать чужие раны.

Ноар сидел неподвижно, уперев руки в колени. Иголка входила в кожу — раз, другой, третий. Он не дёргался. Боль была терпимой. Непривычным было другое: её пальцы. Холодные, осторожные, они касались его спины, и каждое прикосновение отдавалось где-то глубже, чем должно было. Он смотрел прямо перед собой, в темноту, и думал о том, что ещё недавно эта женщина была его врагом. А теперь сидит позади и зашивает его раны. А он закрыл её собой. Странно. И непонятно, что с этим делать. Он не стал ничего говорить. Просто закрыл глаза и слушал, как потрескивает костёр, как шумит река, как она дышит у него за спиной.

Лари сидел, оперевшись спиной о Сэра. Робби бинтовал ему руки — ладони и пальцы были изрезаны так, словно он голыми руками собирал осколки стекла. Лари местами скалился от боли, но молчал. Он смотрел на Северину, которая только что закончила зашивать рану Ноара, и на Ноара, который сидел спиной к нему и молчал. Лари знал: перед битвой с Корневиком он сболтнул лишнего. «Вы нужны мне вдвоём» — эти слова теперь висели в воздухе, и никто о них не забыл. Рано или поздно придётся ответить. И, кажется, это «поздно» наступило.

После боя с корневиком они зашли к тайнику Робби — неприметной яме под корнями старой сосны, прикрытой плоским камнем. Внутри лежал берестяной короб, а в нём — вяленая оленина, завёрнутая в промасленную ткань, сухари, кусок твёрдого сыра в восковой оболочке и глиняный горшочек с солью. Риверы знали толк в припасах: всё было упаковано так, что ни влага, ни звери не могли добраться.

Робби закончил перевязывать Лари и, чтобы разбавить тишину, заговорил:

— Тут недалеко есть владения моего приятеля. Его брат — тоже хороший ривер. Мы с Элой и Гроди как раз его и искали. Дуралей отважный — видимо, ушёл выполнять заказ один. Несмотря на то что он привилегированных кровей, стал ривером. Там можно будет укрыться на некоторое время.

Никто ничего не ответил. Тишина снова сгустилась. И тогда Робби задал вопрос, который мучил его с того самого момента, как они встретились:

— Как так вышло, что с вами в дороге ночная эльфийка? И не просто в дороге — она сражалась с нами заодно.

Ноар почувствовал, как внутри закипает ярость. Не та, что вспыхивает в бою и гаснет с последним ударом меча. Другая. Та, что копилась с того самого момента, как он услышал слова Лари: «Вы нужны мне вдвоём». Он пытался подавить её. Пытался убедить себя, что маг просто сорвался, что усталость и бой выбили из него эти слова. Но сейчас, у костра, глядя в пустые глаза Лари, Ноар понял: это была не случайность. Это был расчёт. Он отвернулся от всего, чему его учили. От предупреждений, от приказов, от собственных убеждений. Доверился магу-отступнику и ночному эльфу. А теперь выяснялось, что он был просто инструментом. И от этого понимания внутри всё сжалось в тугую, холодную ком.

Северина закончила с раной. Провела пальцами по шву, проверяя, ровно ли легла нить, и молча поднялась. Ноар остался сидеть с прямой спиной, глядя в темноту. Она отошла к костру

и села чуть поодальше от остальных — на границе света и тени, где всегда было её место. Меч положила рядом, под руку. Она ничего не говорила. Только смотрела на Лари.

— Да, Лари. Как так вышло? Мне тоже интересно, — спросил Ноар.

Робби переводил взгляд с одного на другого. Он явно не понимал, что происходит. Лари молчал, глядя на свои забинтованные руки и на землю под ними. А потом поднял голову. В его глазах не было привычного веселья. Только усталость.

Ноар поднялся и подошёл к Лари.

— Я не слышу ответа.

Он сжимал кулаки, всё тело было напряжено. Вены вздулись на руках и шее, проступая под кожей, как синие реки.

Лари всё так же молчал. Ноар не выдержал, подскочил и схватил его за одежду у груди, приподняв к себе.

— Я ненавижу, когда меня обманывают, — проговорил Ноар. — Я бы с удовольствием проломил череп одному знакомому магу. Но ты так просто не отделаешься. Я выбью из тебя всю правду.

Швы на спине Ноара затрещали. Он взглянул в глаза Лари. Взгляд был пустой, но уже полон решимости. Он узнал его.

На Ноара нахлынули воспоминания.

Облака были плотными, как вата. Десятки грифонов рассекали их грудью, оставляя за собой рваные полосы. Ветер свистел в ушах, холодил лицо. Храбрец шёл ровно, мощно — Ноар чувствовал каждое движение его мышц. А потом облака расступились, и впереди показался замок. Он стоял на огромном куске скалы, вырванном из земли и поднятом в небо. Серые стены, высокие башни с узкими окнами-бойницами. Ни одного флага, ни одного огня. Только камень и тишина. Академия Нордколии. Место, где учился Лари.

Ноар почувствовал это место до того, как увидел. Напряжение висело в воздухе, густое, как туман. Храбрец под ним напрягся, издал низкий, тревожный клёкот.

Встречали двое магов. Старый лесной эльф в серой мантии — его длинные седые волосы были собраны за спиной, а глубокие тёмные глаза смотрели с холодным спокойствием. Рядом стоял маг-человек — Грон, в чёрной мантии, с каштановыми волосами и длинной бородой, заправленной за пояс. Эльф молчал. Говорил Грон.

— Добро пожаловать в Нордколию, дорогие гости. Для тех, кто видит меня впервые: меня зовут Грон, а слева от меня — Вильдар. В этих стенах вы можете найти ответы на многие вопросы. Но и задаться новыми.

Их повели внутрь. Гвардейцы Ирдана шагали следом — доспехи глухо лязгали в такт шага. Потолки уходили вверх на десятки метров, теряясь в полумраке. Они миновали зал с фонтаном — вода в нём текла вверх, а не вниз. Прошли через галерею, где стояли статуи магов — одни были людьми, другие нет. Кто-то из гвардейцев задержал взгляд на фигуре с кошачьей головой, но промолчал. Здесь, в Нордколии, другие расы не прятались. Они учились. Жили. Это было непривычно. Почти непристойно для тех, кто вырос в Ирдане.

Ноар смотрел прямо перед собой. Он чувствовал холод, исходящий от стен. Из-за закрытых дверей раздавался то радостный смех, то жуткие вопли.

Впереди гвардейцев шли двое. Первый — командир особого полка Громальд: высокий, крепкий, с лицом, изрезанным шрамами, не выражавшим ни единой эмоции. Рядом с ним шагал принц Гарри. Он не командовал гвардией, но шёл впереди по праву крови. Чуть выше среднего роста, длинные чёрные волосы, короткая борода, походка беспечная. Он улыбался, разглядывая картины.

Грон повернулся и обратился к ним:

— Ну, принц Гарри у нас уже бывал, как и командир особого полка сэр Громальд.

Они остановились перед развилкой коридоров.

— Объяснишь пока правила нашим бойцам, а я пойду по своим делам, — сказал принц Громальду.

Громальд обвёл взглядом строй воинов. Резко настала тишина.

— Первое: всё, что происходит в Нордколии, остаётся в Нордколии. Второе: здесь много других существ, с ними строго запрещено контактировать. Артефакт ещё не готов. Сегодня — пир, завтра — отдых, послезавтра выдвигаемся. Покой справа. Оставьте доспехи и оружие. Здесь они ни к чему.

Группа Ноара зашла в мрачную, но просторную комнату. У двери расположился Берг. Рядом с ним сидел Кас — высокий, с острым, как у хищной птицы, лицом.

— Та-а-ак, бывал я тут разок... — с улыбкой протянул Кас.

— Ноар, какой-то ты встревоженный, — негромко заметил Сэм, укладывая доспехи под койку. Он попробовал почесать своё левое ухо, которого у него практически не было — часть уха он потерял в одном из боёв. Хотя они все и считали друг друга братьями, Сэм с Ноаром общались теснее всех. Они вместе начинали в пехотном корпусе и вместе перешли в особый полк. Сэм был племянником самого Громальда, но никогда этим не кичился.

— А каким можно быть? — ответил Ноар. — Мы на летающем куске земли, вокруг магии и существа, а мы идём пировать.

— А ещё про это место ничего нельзя рассказывать, — добавил Гордон, не поднимая головы от своего меча. Он всегда говорил мало, но по делу.

— Вам лучше не знать, почему никто ничего не рассказывает, — серьёзно сказал Кас. — Вон Берг до сих пор только по праздникам улыбается.

Позже, в пиршественном зале, за длинным столом, уставленным едой и вином, гвардейцы расслабились. Вдоль стен тянулись высокие окна — и за ними, невозможным образом, расстилалось море. Бесконечная синяя гладь, уходящая за горизонт. Где-то вдалеке кричали чайки. Это было необъяснимо — они находились на летающем куске земли, высоко в небе, но за окнами плескались волны. Магия Нордколии не поддавалась логике.

А потом один из гвардейцев — молодой, с алым от выпивки лицом — поднялся из-за стола и, пошатываясь, выкрикнул:

— Всадник на грифоне, меч его в руке!..

Зал взревел. Десятки голосов подхватили песню, и она разнеслась под сводами, отражаясь от каменных стен и витражных окон, за которыми всё так же плескалось невозможное море:

Всадник на грифоне, меч в его руке, Он не знает пощады, он лишь знает приказ! Всадник на земле, меч в его руке, Он не знает пощады, он лишь знает приказ! Мы не рыцари с почётных турниров, Мы воины с поля боя, Мы особый полк гвардии короны!

Ноар пел вместе со всеми. А потом зал взревел вторым куплетом:

Мы — смерть с небес! Мы — молния в броне! Если враг видит тень грифона — Его времени пришёл конец.

Ноар сидел, глядя в свой кубок. Он помнил голоса тех, кто пел её вместе с ним — и кто уже никогда не запоёт. Он поднял кубок и молча выпил — за живых. И за мёртвых.

После пира была сауна — огромное помещение из чёрного гранита, пар, фонтаны с холодной водой и женщины, выходящие из тумана. Одна из них толкнула Ноара на лавку и уселась сверху, целуя в губы. Её губы были горячими, но руки — холодными. Слишком холодными. Ноар заметил это, но закрыл глаза. Сейчас ему было плевать.

На следующее утро их построили во дворе. Громальд забрал артефакт — небольшой, запечатанный в чёрный бархат. Во дворе уже ждали грифоны. Храбрец стоял в первом ряду и нетерпеливо переступал с лапы на лапу.

По пути к грифонам на Ноара налетел молодой маг. Он выбежал из бокового коридора, споткнулся и врезался в гвардейца плечом. Упал. Поднялся, потирая ушибленное место, и торопливо пробормотал:

— Простите... я не хотел...

Ноар даже не остановился. Он просто пошёл дальше. Маг остался позади — сутулый, взъерошенный, с виноватым лицом.

Теперь, у костра, глядя в пустые глаза Лари, Ноар вдруг вспомнил этот взгляд. Тот самый. Затравленный. Виноватый. Словно маг уже тогда знал, что однажды ему придётся ответить за всё.

Ноар моргнул. Пир исчез. Академия исчезла. Перед ним снова был ночной лес, костёр и Лари — с теми же пустыми глазами, которые он видел много лет назад. Только теперь маг не извинялся. Он ждал.

Северина внимательно следила за ними, положив руку на рукоять меча. Робби это заметил и тоже опустил ладони на топоры — на случай, если напряжение перерастёт в бой. Он знал, чью сторону примет, и уже просчитывал в голове, как будет действовать.

— Только истинные воины, которые желали друг другу смерти, а потом примирились, могут пройти под Водопадом Истины — сказал Лари.

— Что за Водопад? — спросил Робби, но ему никто не ответил.

— Ты запомнил меня ещё с Нордколии? — спросил Ноар.

— Да. Мы встретились за день до моего побега. Я ещё тогда почувствовал что-то особенное. Знал, что мы увидимся снова. — Лари помолчал. — А потом вы нашли меня после боя с Хайками.

— Я сразу узнал тебя. А Северина — нет. Она ничего не знала. Просто согласилась помочь. — Лари тяжело выдохнул.

— Может, мне кто-нибудь объяснит, что это за Водопад? — снова влез Робби.

Северина поднялась и убрала меч за спину.

— Место последней битвы Легиона Смерти. Там Союз Королевств и королевство Ирдан сразились с Легионом. Они одержали победу, и ночные эльфы потеряли былое величие. А на месте битвы из скалы забила река — тонкая, как лезвие, и тяжёлая, как ртуть. Она падала с высоты в сотню шагов, но не разбивалась о землю, а уходила в камень, словно пронзая его насквозь.

Ноар помолчал, глядя в огонь.

— Говорят, что в час битвы четыре сферы загорелись так ярко, что ночь стала днём. И каждый павший — человек, эльф, гном — плакал перед смертью. Не от ран. От истины, которая открывалась им в последний миг. Их слёзы пробили скалу и слились в реку, что падает до сих пор. Но это лишь легенда. Та битва была слишком давно, чтобы знать правду. — сказал Ноар.

— А ту часть истории, где ночных эльфов изгоняли с Тёмного Леса на территории Союза, ты, видимо, пропустил, когда изучал летописи? — холодно ответила Северина, глядя на Ноара.

Он опешил. Не успел ответить — она продолжила:

— Ночные эльфы делятся на множество древних кланов. Мой клан не входил в Легион Смерти. Мы смирились с тем, как поступили Союз и Ирдан, и не поддержали Легион. За это нас практически полностью истребили. — Она сделала короткую паузу. — Я никогда не желала смерти Союзу и королевству Ирдан.

Её голос стал тише, и она повернулась к Лари:

— Твой план провалился, Лари. Водопад нас не пропустит.

Глаза Лари наполнились безысходностью. Он не знал таких подробностей. Он осознал, что найти Эмали с помощью Водопада не получится. Всё, на что он рассчитывал, рухнуло в один миг.

Робби, всё ещё пытаясь понять происходящее, спросил: — А чем бы вам помог этот Водопад?

Ответа не последовало. В воздухе повисла тяжёлая, густая тишина. Ноар выдохнул и запрокинул голову, глядя на звёздное небо, в котором висела бледная луна. Он вспомнил, как Берг рассказывал эту легенду у походного костра много лет назад. Тогда она казалась просто сказкой.

— По легенде Водопад отвечает на любой твой вопрос, — тихо произнёс он. — На любой. Даже на тот, который ты боишься задать.

Северина стояла у кромки леса. Она смотрела на Лари и видела, как рушится его надежда. И где-то глубоко внутри, под слоем льда и отчуждения, что-то дрогнуло. Она знала это чувство. Когда цель, ради которой ты жил, рассыпается в прах.

Лари сидел, низко опустив голову. Он молчал. Ему нечего было ответить. Тишина у костра стала густой, вязкой. И каждый чувствовал, что это ещё не конец. Это только начало.

— Северина, — обратился к ней Ноар.

Она подняла на него взгляд.

— Почему ты спасла Лари? Почему ты до сих пор с ним?

Северина помолчала. А потом заговорила — тихо, но без дрожи в голосе:

— Я изгнанница. Легион Смерти возрождается. Меня ищут на Запретных землях. Оставаться там я не могла.

— Легион Смерти, — повторил Лари. Его голос дрогнул. — Ты не говорила.

— Ты не спрашивал.

Ноар поднял голову. Легион Смерти. Он слышал о них только в старых сводках. Если они возрождаются — это угроза для всех.

Робби снова сжал топоры.

— И они ищут тебя? — спросил он. — Что будет, когда найдут?

Северина посмотрела на него. В её тёмных глазах не было страха. Только холод.

— Для них это принцип. Никто из моего клана не должен жить.

Робби выдержал её взгляд и медленно кивнул. Он понял. Она была не просто изгнанницей. Она была приговорённой.

Ноар смотрел в огонь. Легион Смерти возрождается. Если это правда, его долг — вернуться в Ирдан. Предупредить. Поднять тревогу. Но кто ему поверит? Элитный гвардеец, пример для всех воинов королевства — спасённый магом-отступником и эльфийкой ночи. Сражавшийся с ними плечом к плечу. Прикрывавший их, как своих братьев по оружию. Его слова стоили бы меньше, чем пепел в этом костре.

— Годами я просто проживала дни, — продолжила Северина, переводя взгляд на огонь. — Десятилетиями. Без цели. Без смысла. А когда нашла Лари, решила помочь. Придать своей долгой жизни хоть какую-то цель.

— Может, ты не спасала Лари, а спасала себя? Жизнь без какой-либо цели — это существование, — грубо сказал Ноар.

— Лучше я буду просто существовать, чем служить короне или ей подобным, — ответила Северина, глядя Ноару прямо в глаза.

В её взгляде мелькнула тень — не слабость, а тоска. Впервые её холодные глаза выдали то, что она так долго прятала. Она только что озвучила это сама. Эльфы ночи жили дольше людей. Их век был короче, чем у других эльфов, но всё равно длился около двух столетий. И большую часть своей жизни она провела одна. И это был осознанный выбор.

«Изгнанница». Это слово застряло в голове Ноара. Он перевёл взгляд на Лари. Маг-отступник, сбежавший из академии, преданный своими же. Потом посмотрел на Северину. Эльфийка ночи, чей клан истребили за отказ поддержать Легион. А потом — на себя. Он сражался плечом к плечу со своими братьями по оружию, они прикрывали друг друга от стрел, подставляли тела под удары мечей. Они были единым целым. Но когда все они стояли у статуи

Аитии, он чувствовал то же, что и они. Он тоже был изгнанником. Просто его изгнание было невидимым.

Робби убрал руки с топоров. Медленно подошёл к Северине.

— Я старый охотник. Я видел, как врут люди. Как врут твари. Как врут те, кто хочет казаться другом. — Он кивнул на Северину. — Она не врёт. Я не знаю, что у неё внутри, но в глазах — пустота. Такая же, как у тебя.

Он помолчал и добавил:

— Двое с такой пустотой в глазах не станут врать друг другу.

— Ну хоть кто-то, — произнёс Ноар.

Робби продолжил:

— Я уже говорил про владения моего приятеля. Он укроет вас на время, а дальше каждый пойдёт своей дорогой. Только Северине лучше не показывать, кто она. Вы помогли убить тварь, которая забрала моих друзей. Я помогу вам.

Он замолчал, пошевелил палкой угли в костре. Потом тихо добавил:

— Харви. Мы его искали. Отличный ривер. Без одного глаза, но это ему не мешало. Всё время в работе. Я ему сколько раз говорил: сходи в трактир, выпей, расслабься. Не слушал. — Робби вздохнул. — Надеюсь, он ещё жив.

Ноар бросил взгляд на Робби и вспомнил Харви из трактира «Усталый путник». Тот самый одноглазый бедняга, которому Вар мочился в лицо. Совпадение маловероятно, подумал Ноар. Старого охотника всё-таки можно было провести. Он посмотрел на Северину, но ничего не сказал.

Никто не ответил. Тишина сгустилась, стала плотной, как туман над рекой. Робби подбросил ещё веток в костёр, но пламя не разгоралось — только тлело, как их доверие.

И в этой тишине раздалось резкое, гортанное карканье. Ворона. Она сидела на ветке старой сосны, на границе света и тени. Северина подняла голову — она заметила её первой. Их взгляды встретились: тёмные глаза эльфа и чёрные бусины птицы. Ворона каркнула ещё раз — и сорвалась с ветки, растворившись в ночном небе.

Северина ничего не сказала. Только проводила её взглядом.

Ноар закрыл глаза. И где-то на грани яви и сна услышал знакомый мотив. Тот самый, что пели гвардейцы в пиршественном зале Нордколии. *Всадник на грифоне, меч его в руке...* Он слышал голоса своих братьев. И среди них — низкий, гордый клёкот Храбреца. Теперь всё это осталось только в памяти.

Северина сидела на своём месте, укутавшись в плащ. Лари лёг на спину и смотрел в небо. Где-то там, за звёздами, была Эмали. Теперь дальше, чем когда-либо.

Ноар засыпал, и в его ушах ещё долго звучали отголоски той песни. Завтра они пойдут к хребту. А пока — тишина, костёр и четыре тени, затерянные в ночном лесу.

Глава 9

День выдался пасмурным, но сухим. Ветер гулял между соснами, но уже не резал до костей — просто охлаждал лица и напоминал, что осень близко.

Впереди темнел хребет — скалистый, неровный, словно спина зверя.

Сэр шёл размеренно. В седле сидела Северина. Она была бледнее обычного — дневной свет отнимал у неё силы, и Ноар видел это. Она не жаловалась, не просила остановиться, но держалась за луку седла чуть крепче, чем обычно.

Сам Ноар шёл пешком. Нога почти прошла — голеностоп ещё ныл при резких движениях, но уже не так. Он твердо чувствовал землю под ногами. Это было почти как свобода.

Лари брёл рядом, кутаясь в плащ. После вчерашнего он был молчалив — то ли всё ещё переваривал крушение своего плана, то ли просто не хотел говорить. Северина молчала. Ноар молчал. Тишину нарушал только Робби.

— Мне дед рассказывал, — заговорил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Он сам воевал. Говорил, что Легион Смерти — это не просто воины. Они, мол, с тьмой на «ты». С демоном своим, Омаром. — Он хмыкнул. — Я тогда думал, что старик преувеличивает. А теперь вот... — Он покосился на Северину. — Теперь не знаю, что и думать.

Северина не ответила. Она смотрела вперёд, на хребет, и её лицо оставалось бесстрастным.

— Легион Смерти — не сказка, — тихо произнесла она. — Просто это было давно. Никто и не думал, что он снова возродится. Как и никто не думал, что не все ночные эльфы состояли в нём.

— Или не хотели думать, — глухо добавил Лари, не поднимая головы. — Так проще. Записать всех в чудовища и умыть руки. Я это уже проходил.

— А меня учили считать магов-отступников лжецами и предателями, — произнёс Ноар, глядя на Лари с презрением. — Я послушался. И что из этого вышло?

Лари не ответил. Он шёл, опустив голову, и только крепче сжал поводья Сэра. Тишина, повисшая после слов Ноара, была тяжелее любого ответа.

Ноар впервые чувствовал себя таким разбитым. Его душу терзали сомнения и обида — в первую очередь на самого себя. Он доверился магу-отступнику, и тот использовал его как инструмент. А Северина? Она ничего не обещала. Ничего не говорила. Она просто делала. Бросила ему кинжал в бою с кваками, когда он лежал в грязи и мерзкий длинный язык кваки его тянул к себе. Зашивала раны у костра. Сражалась рядом с Корневиком. Можно ли верить тому, кто не даёт обещаний? Можно ли доверять тому, кто молчит?

Он не знал ответа. И от этого было ещё хуже.

Перед глазами всплыло воспоминание.

На дворе стояла осень. Холодный дождь прибавал золотистую листву к земле, и воздух был пропитан запахом сырого камня. Посреди двора, словно старый страж, возвышался огромный дуб. Его ствол был настолько широк, что и трое взрослых мужчин не смогли бы обхватить его. Мощные ветви, ещё не полностью сбросившие листву, покрывали половину двора, и под ними было сухо — дождь почти не пробивался сквозь этот живой навес. Кое-где среди ветвей темнели старые качели — две верёвки и доска, почерневшая от времени.

У дуба стоял каменный колодец. Грубый, сложенный из серого камня, с ведром на цепи. Рядом — старая тележка с разошедшимися бортами, на которой возили сено.

Ноар сидел под дубом, привалившись спиной к его стволу. Рядом, на перевёрнутой бадье, сидел отец. Дождь шумел в ветвях над головой, но им было сухо. И тихо. Только вода капала с листьев, как слёзы, сбегавшие по румяным щекам маленького Ноара. Они не спеша накатывали

вались на щёки и потом резко уходили вниз, стекая дальше и падая на деревянную лошадку в его руках.

Отец долго молчал. Он смотрел на сына, и в его глазах была та же боль, что и у мальчика. А потом заговорил:

— Ноар, что случилось?

Ноар, не поднимая взгляда на отца, ответил:

— Я делал, как ты учил, — ответил Ноар, не поднимая взгляда на отца. — Ты говорил: слушай лес, слушай тишину, и ты узнаешь то, чего не знают другие. Я слушал. И услышал про... — он не договорил, и слёзы потекли быстрее.

Отец сжал губы от безысходности. И взглянул на небо. Он не мог соврать Ноару, что его не отправляют на войну. Он не мог соврать и пообещать, что обязательно вернётся. Он не мог. Он учил его говорить правду. Особенно тем, кого любит или ценит.

Он тяжело вздохнул, и его большая, грубая ладонь легла на голову сына.

— Тогда ты всё знаешь, — тихо сказал он. — Я уйду завтра. И я не знаю, вернусь ли.

Ноар поднял заплаканные глаза. Отец смотрел на него без страха, но с бесконечной тоской.

— Запомни, сын. Когда-нибудь ты тоже окажешься перед выбором: соврать, чтобы утешить, или сказать правду, чтобы не предавать себя. И какой бы путь ты ни выбрал, помни: доверие — это не слабость. Слабость — это предательство. Того, кто тебе верит. И себя самого.

Он обнял сына, и дождь зашумел сильнее.

Ноар моргнул. Дуб исчез, колодец исчез, тёплая ладонь отца исчезла. Остался только холодный ветер, качающий сосны, и хребет, темнеющий впереди.

Он прожил жизнь, полную боли и разочарований. Он видел, как ложь, сладкая и утешительная, спасала других. Он знал, что правда жестока, сурова и часто приносит лишь новые страдания. Но он так и не научился врать тем, кого любит и ценит. Даже когда это было бы милосерднее. Даже когда правда разбивала сердце. Отец учил его не этому.

Он посмотрел на Лари, который плёлся впереди, на Северину, которая всё так же сидела в седле, укутавшись в плащ, и на Робби, который тихо рассказывал историю о своём деде. Он не знал, можно ли им доверять. Но он знал, что не предаст их и не сойдёт, пока их пути не разойдутся. Потому что отец учил его не этому.

Приблизившись к хребту, они увидели бегущий к ним силуэт. Женщина. Она спотыкалась, падала, поднималась и снова бежала — прямо на них.

В красном платье, в слезах, к ним навстречу неслась молодая женщина. Лицо её, с тонкими, аристократическими чертами, было белым как мел. Глаза — огромные, с расширенными зрачками. Она смотрела на них и не видела. Только бежала, спотыкаясь о камни, и губы её шептали одно и то же слово — беззвучно, но отчётливо.

— Скалуны.

Она рухнула на колени перед группой и, быстро подползши на четвереньках к Робби, вцепилась в его штанину.

— Помогите! Умоляю, помогите! У них мой младший сын!

Северина перевела взгляд на Ноара. Он стоял молча. Лари тоже посмотрел на него. Все понимали: скалуны — мерзкие твари, с которыми просто так не разделаешься, тем более что из оружия у них были только пара топоров Робби да меч с кинжалом Северины.

Робби быстро оценил женщину взглядом, задержавшись на дорогом платье. Он взял её за руки и поднял с колен. Женщина затихла, глядя на него с надеждой.

— Успокойтесь, дорогая, — произнёс он. — Как бы горько это ни звучало, вашего сына уже вряд ли спасти. Но за определённую сумму я вернусь сюда со своей группой и обязательно за него отомщу.

Женщина на мгновение застыла. А потом её лицо исказилось, и она издала душераздирающий вопль — полный боли, ужаса и отчаяния.

Робби обернулся к остальным.

— Скалуны — хитрые твари. Обитают в горах, ютятся в пещерах, группами по десять-пятнадцать особей. Морда и уши — как у собак, но кожа без шерсти. Серая, тонкая — через неё видны мышцы и сухожилия. Зубами они способны перегрызть самые толстые кости. Руки и ноги, как и хвост, природа словно позаимствовала у ящериц. Ростом чуть больше полутора метров, что позволяет им отлично передвигаться по горам и забираться в такие щели, куда человек не пролезет. Из оружия предпочитают топоры и кинжалы.

Он замолчал и выразительно взглянул на свои топоры.

Женщина на коленях подползла к ногам Ноара, схватила его за штаны и запричитала:

— Он ещё был жив! Они его не убили! Они унесли его живым! Я смогла выбраться из кареты и убежала. Они напали на нас, пока мы ехали. Убили всю стражу...

— А ты просто сбежала? А говорят, мать дорожит дитём больше собственной жизни, — тихо и холодно произнесла Северина.

— Ноар молча взглянул на женщину, потом на остальных.

— Ну нет, Ноар, не смотри так, — сказал Робби.

Ноар протянул руку.

— Если ты хочешь меня отблагодарить за бой с Корневиком, просто дай мне один из своих топоров.

Робби слегка опешил.

— Скалуны нападают группами. Устраивают засады в горах, грабят, убивают. Останки съедают, а награбленное продают наёмникам или другим разбойникам. Дети у них — деликатес, уж очень они обожают молодое человеческое мясо. Они утянули его в свою пещеру, а ты предлагаешь туда завалиться с двумя топорами? — Робби повернулся и взглянул на эльфийку. — И с будто умирающей Севериной?

— Я никого не зову с собой. Вы ничем мне не обязаны, — ответил Ноар.

Северина медленно слезла с лошади и подошла к Ноару.

— Надеюсь, в пещере будет потемнее, — выдохнула она.

Робби передал один из топоров Ноару и взглянул на Лари. Тот погладил Сэра и протянул поводья женщине.

— Побудьте с ним, пока мы попробуем спасти вашего сына.

Женщина перестала плакать, быстро подскочила и взяла поводья.

Робби оглядел всех и сказал:

— Скалуны боятся магов. Огонь их пугает, у них настоящий страх перед теми, кто повелевает стихией. Есть у нас козырь, — и он взглянул на Лари.

Они быстро приблизились к месту засады. Перевернутая карета лежала на боку, вся истерзанная и разграбленная — скалуны обшарили её тщательно, забрав всё, что можно продать. Вокруг валялись выпотрошенные сумки, сломанное оружие и два трупа солдат в цветах королевства Грай.

Первый солдат лежал животом в луже собственной крови — его доспех был разорван в клочья, а плоть под ним изорвана десятками мелких зубов. Второй сидел, привалившись спиной к колесу. Его остекленевшие глаза смотрели в небо, а рот был открыт в беззвучном крике. На горле виднелась рваная рана — скалуны перерезали его, как свинью на бойне.

Рядом лежала убитая лошадь. Её широко раскрытые глаза застыли, устремлённые в небо, где ярко горела серая сфера, а чуть бледнее — голубая. Грива лошади слиплась от крови, бок был распорот, и внутренности вывалились на камни. Пара мух уже кружила над трупом, и этот ровный, деловитый гул был единственным звуком, нарушавшим тишину.

Ноар присел у следа на земле — отпечатки маленьких, но глубоких когтистых лап вели влево, вверх по хребту. Он начал читать следы. Первый — вот он тащит мальчика. Вот след чуть глубже — значит, второй. Третий, четвёртый... дальше отпечатки терялись. Скалуны двигались по камням, и чем дальше, тем меньше следов оставалось на голой скале. Ноар мог только гадать, сколько их всего. Пять? Восемь? Больше?

Он двигался от камня к камню, осматривая отпечатки когтей, попутно отмечая каждую примятую травинку, каждый сдвинутый камешек оставивший след на земле. Делал всё быстро и чётко, но знал: спешить нельзя. Отец учил его разделять тонкую грань между спешкой и скоростью.

— Сколько их? — тихо спросил Робби.

— Не знаю, — ответил Ноар. — Следы уходят на скалы. Явно больше пяти.

Робби выругался сквозь зубы. Лари нервно поправил мантию. Северина промолчала — только проверила, легко ли выходит меч из ножен.

Ноар двинулся дальше — вверх по хребту, к расщелине, куда уводили отпечатки когтистых лап. Остальные последовали за ним.

У самого входа в пещеру он остановился. Здесь были другие следы. Крупные, глубокие — человеческая ступня. Но через несколько шагов отпечаток менялся: пальцы удлинялись, подушечки расширялись, и вот это уже был след кошачьей лапы. Тяжёлой. Мощной.

Сверху, из темноты пещеры, раздался крик и звук боя — лязг металла, рычание, визг скалунов.

— Друид, — сказал Ноар и кинулся в пещеру.

Северина выхватила меч из-за спины и двинулась за ним. Робби лишь стиснул зубы и прыгнул следом. Лари взглянул на свои перебинтованные руки и начал разматывать бинты прямо у входа в пещеру.

Пещера встретила их смрадом. В нос ударил запах гнилого мяса, палёной шерсти и сырого камня. Вдоль стен горели факелы, но их свет был тусклым — он выхватывал из темноты лишь очертания. Пол устилали кости: человеческие, лошадиные, звериные — все вперемешку. У дальней стены валялись груды награбленного: тюки с тканью, серебряные кубки, оружие. Скалуны не просто убивали — они жили здесь, обустроивали логово.

Огромный силуэт возвышался в глубине пещеры. Человеческое тело — мощное, мускулистое, покрытое короткой чёрной шерстью, которая блестела в свете факелов. Но голова была головой пантеры: вытянутая, с острыми ушами и горящими жёлтыми глазами. В одной руке друид держал скалуна за горло — тварь визжала и сучила лапами, пытаясь дотянуться когтями до его морды. Друид сжал пальцы, и визг оборвался вместе с хрустом позвонков. Тело скалуна обмякло и рухнуло на каменный пол.

Второй скалун уже заходил сбоку, заноса топор для удара. Робби не раздумывал — он метнул топор. Лезвие вошло твари в бок, разрубив тонкую серую кожу и застряв между рёбер. Скалун взвизгнул, выронил оружие и завалился на спину, суча лапами и заливая камни тёмной кровью.

Друид оглянулся. Жёлтые глаза пантеры скользнули по тройке — Ноар, Северина, Робби — и он коротко, одобряюще кивнул. А потом развернулся к остальным скалунам, которые уже приготовились к бою. Сзади слышались торопливые шаги. Подбежал Лари. Он поднял свои израненные руки, с которых свисали размотанные бинты, и был готов к бою.

Робби подошёл к телу, в котором торчал его топор, упёрся ногой в бок скалуна и выдернул оружие. Вытер лезвие о тряпье, валявшееся на полу.

Скалуны зарычали и бросились. Двое напали на Ноара. Северина, заметив это, скинула плащ и стала ближе, прикрывая ему бок. Один из скалунов прыгнул на Ноара с коротким мечом, выставив его перед собой. Ноар встретил тварь в воздухе ударом топора в грудь. Лезвие вошло глубоко, с хрустом пробив грудную клетку. Ноар повернул корпус, используя инерцию,

и тело скалуна, всё ещё насаженное на топор, пошло назад — руки и ноги твари взметнулись вперёд. Этим телом он сбил второго скалуна, и тот рухнул на камни, не успев подняться. Меч Северины блеснул во тьме. Раздался сухой, резкий, высокий щелчок — звук перерубленных позвонков, — мгновенно перешедший в глухой удар, а затем в мокрый шлепок. Голова скалуна покатилась по каменному полу и замерла у ног друида. Он даже не взглянул на неё. Он уже дрался с другими.

На Робби кинулось сразу три скалуна. Он начал отшагивать назад, как вдруг перед его глазами что-то мелькнуло.словно молния. Один из скалунов схватился руками за горло и завопил. Из его шеи торчала рукоять кинжала с гардой, выплавленной в виде двух драконьих голов. Робби в мгновение бросил взгляд на Северину и кивнул.

С криком он кинулся на двух оставшихся. Один из скалунов отпрыгнул назад, второй упал на четвереньки и быстро прошмыгнул за спину Робби, вскочил и приготовился нанести удар. Робби не успел среагировать — но над ним уже появился огненный шар. Он был слабым, едва тлеющим — Лари явно выкладывался из последних сил, — но скалуны этого не знали. Они оглянулись на мага и в ужасе кинулись в глубь пещеры. Им хватило одного лишь вида пламени, чтобы понять: они имеют дело с магом.

С рвущимся звуком друид вонзил когти в грудь последнего скалуна. Плоть поддалась, словно старая ткань, — пальцы погрузились глубже, раздирая мышцы и сухожилия. Крупные куски серой кожи разошлись в стороны, обнажив тёмно-красные мышцы и белые осколки рёбер. Скалун завопил, задёргался, пытаясь вырваться, но друид наступил тяжёлой ногой ему на спину, прижав к камням. Схватив тварь за шерсть на голове, он переставил ногу на шейный позвонок и резко дёрнул голову на себя. Раздался глухой треск — и скалун, перестав вопить, обмяк.

Друид отшвырнул тело в сторону и поднял жёлтые глаза на оставшихся. Твари, только что готовые драться, теперь пятились к дальней стене пещеры. Их осталось трое. Но страх в их собачьих глазах говорил яснее слов: они поняли, что сегодня удача не на их стороне.

Мальчик очнулся, будто почуяв холод смерти. Ноар увидел его глаза. Голубые, заплаканные, они смотрели на него с мольбой о спасении.

Скалун поймал их взгляд и кинулся к мальчику. Держа нож в своей руке.

Ноар кинулся на скалуна, но не успел. Скалун добрался быстрее и нанес удар ножом.

Лезвие вонзилось в голову. Оно пробило висок и вытолкнуло глаз из глазницы. Хлынула кровь, а голубой глаз повис на толстом, плотном канатике из нервных волокон. И из него скапывала последняя чистая слеза.

Ноар с рёвом обрушил топор на голову скалуна. Лезвие вошло точно между двух собачьих ушей — с глухим треском расколол череп надвое. Кровь и осколки кости брызнули в стороны. Топор ушёл глубоко. Существо рухнуло, даже не дёрнувшись.

Друид и Робби кинулись на оставшихся двух. Один из скалунов ударил друида небольшим топором, но лезвие, пробив серую кожу, увязло в упругих мышцах, так и не добравшись до кости. Друид схватил тварь за голову, поднял над землёй и, вкладывая в бросок всю свою массу, впечатал спиной в торчащий камень. Сухой треск сломанного позвоночника разнёсся по пещере. Тело скалуна обмякло и сползло на пол.

Второй враг застыл, увидев это. Робби вонзил топор ему в плечо. Не отпуская рукояти, он развернул тварь топором, одновременно ударив ногой в спину, выдернул топор и нанёс второй удар — в спину. Потом третий, четвёртый, пятый — пока не превратил спину скалуна в кровавое месиво.

Друид повернулся к Северине. Зверь зарычал. Голова начала менять форму — кости хрустели, мышцы перекачивались под шкурой. Превращение давалось ему с огромной болью, это было видно по тому, как напряглось всё его тело. Шерсть опадала клочьями, осыпаясь на

землю, кошачьи лапы укорачивались, принимая человеческие очертания. Он стал меньше, но всё равно возвышался на голову над остальными.

Теперь перед ними стояло его истинное воплощение. Длинные тёмно-синие волосы легли на плечи, обрамляя грубые черты человеческого лица. Кожа была фиолетовой, местами пересечённая синими полосами — они тянулись вдоль скул, по шее, уходили под одежду, словно шрамы, оставленные не оружием, а самой магией.

— Эльф ночи, — промолвил друид, не отрывая взгляда от Северины.

— Друид, — холодно ответила Северина.

Робби встал между ними:

— Всё нормально. Не горячись.

Лари опустил руки, глубоко вздохнул и подошёл к Робби, разделяя друида и эльфийку.

Ноар опустился на колено и закрыл мальчику уцелевший глаз. Потом поднялся и посмотрел на друида.

— Спасибо за помощь, — сказал он.

— Скалуны — мерзкие твари. Недавно заселились в этих горах, на моей территории. Это скорее вам спасибо за помощь, — ответил друид.

Робби тяжело вздохнул:

— И мальчишку не спасли, и серебра уже не заработать.

Лари тяжело опустился на один из камней.

Ноар взглянул на Робби:

— Ты можешь забрать серебро, которое хранится у них в логове.

Робби сразу приободрился, заулыбался и сказал:

— Другое дело. Нечего рисковать ради незнакомцев своими товарищами и своим телом за бесплатно, — и принялся рыться в пещере.

Резкий вороний крик раздался от входа. Ворона словно ждала окончания боя — и когда всё стихло, закричала и вылетела из пещеры, растворившись в сером небе.

Друид проводил её взглядом:

— Некромант, — произнёс друид, провожая ворону взглядом. — Я чувствую тёмную магию.

Лари поднял голову. Его лицо, только что бледное и усталое, стало напряжённым.

— Некромант? — переспросил он. — Ты уверен?

— Я чувствую животных. От этой птицы веет тёмной магией. Это некромант, — твёрдо ответил Квариус.

Лари переглянулся с Севериной. Она ничего не сказала, но её рука снова легла на рукоять меча.

— Зачем мы некроманту? — спросил Робби, копошась в вещах скалунов.

Друид взглянул на эльфийку:

— Это с вами ночная эльфийка, а не со мной. Вам должно быть виднее.

Робби перестал копать и повернулся к друиду:

— Ты даже не спросишь, почему она с нами?

— Нет. Не моё дело, — сурово ответил друид.

Робби отвернулся и снова принялся рыться в вещах скалунов — сундуках, тюках, пакетах. Чего там только не было: грубо сшитые кошель с серебром, пара золотых колец с ещё запёкшейся на них кровью, сломанные мечи, которые скалуны, видимо, собирались продать, связки сушёных трав, грязные тряпки и потрёпанные сапоги с чужой ноги. В углу валялась груда одежды — женские платья, мужские камзолы, детские рубашки.

Лари смотрел на каменный пол пещеры и, не поднимая глаз, заговорил:

— Маг-отступник и эльфийка ночи. Неудивительно, что за нами следит некромант.

Ноар подошёл к друиду и протянул руку:

— Ноар. Всё же спасибо за помощь.

Друид пожал руку — крепкое рукопожатие словно зарядило воздух.

— Квариус, — представился он.

Робби поднял над собой небольшой мешочек и потряс его. Зазвенели монеты.

— О! — выкрикнул он. — А меня Робби зовут. Я ривер.

— Лари, — тихо ответил маг, продолжая сидеть на камне.

Друид взглянул на эльфийку. Северина молча протёрла меч и кинжал, уложила их за спину.

— Северина, — сказал Робби, подходя довольный к остальным.

Друид подошёл к телу мальчика и взял его на руки.

— Я отдам его лесу. Там его душа обретёт покой.

— Пусть мать решит — сказал Ноар.

Робби посмотрел на мальчика, задержав взгляд на его висячем глазе.

— Мне кажется, лучше лесу. Безусловно, лучше лесу.

— Нет, — грубо ответил Ноар. — Пусть мать сама решит, что делать с телом.

Перед глазами Ноара на мгновение всплыла другая картина. Строй солдат возвращался с войны по широкой городской улице. Прохожие кричали, махали платками, кидали цветы. Маленький Ноар выбежал на мостовую и начал искать глазами отца. Мимо шагали воины — перебинтованные, едва держащиеся на ногах. Уставшие, повидавшие ужас, но с радостью в глазах. В них отражалась победа. И жизнь. Ноар бегал взглядом по лицам, и его собственные глаза залились радостью — он ждал, что вот-вот увидит родное лицо.

Но его поиски остановило прикосновение материнской руки к плечу. Ноар обернулся. Лицо матери было покрыто горем. Заплаканные глаза, опухшие щёки. Она опустила перед ним на колени и сказала:

— Сына, не ищи папу. Его забрала война.

Война не дала ему даже попрощаться. Мать зарыдала и прижала Ноара к себе. Радость в его глазах погасла. Они залились непониманием, а потом с детских щёк потекли слёзы.

Ноар моргнул. Воспоминание растаяло. Перед ним снова был каменный пол пещеры, тело мальчика и друид, ожидающий его решения.

Квариус одобрительно кивнул.

Робби недовольно посмотрел на потолок.

— Снова рёв наблюдать. Что ты делаешь, Ноар? Терзаешь мою душу женским плачем, — забормотал он, направляясь к выходу.

Тишину разорвал женский крик. Мать склонилась над телом ребёнка. Она рыдала и выла — пронзительный, душераздирающий вопль, от которого мороз пробирал до костей. Она проклинала себя за то, что сбежала, за то, что оставила сына этим тварям. Её пальцы вцепились в окровавленную рубашку мальчика, и она раскачивалась из стороны в сторону, не в силах отпустить.

Никто не пытался её утешить. Слов, которые могли бы помочь, не существовало. Они просто стояли и слушали, как мать прощается с сыном. А потом, не сговариваясь, двинулись дальше — вниз по хребту, к владениям приятеля Робби. Впереди был долгий путь.

Глава 10

Моросил мелкий дождь. Наступали сумерки. Лёгкий ветер колыхал плащи. В небе отчётливо виднелись две сферы — серая и голубая. Вдали показалось поместье. В центре стоял большой дом, вокруг — ещё с десятков построек. Поместье опоясывал ров, исходивший из протекавшей рядом реки. Чуть дальше, за поместьем, мерцали огни военного лагеря.

— Вот обитель старого пня, — сказал Робби и улыбнулся.

Ноар смотрел на военный лагерь. Поместье находилось у границы с Ирданом — ничего удивительного, что здесь разбили лагерь. Но тревожило Ноара не это. Не десятки бойцов вражеского королевства. С этого места им с Севериной и Лари было не по пути. Несмотря на обман Лари, несмотря на то, кем была Северина, он к ним не просто привык. Он поймал себя на том, что замедлил шаг, словно не хочет идти дальше.

Когда они подошли ближе, у ворот их встретили двое стражников королевства Грай — уставшие, похмельные. Один облокотился на забор и, кажется стоя дремал. Второй, увидев приближающихся путников, повернулся и крикнул:

— Стоять!

Второй стражник от резкого окрика вздрогнул.

— Стоим, — спокойно ответил Робби.

— Куда направляетесь?

— К Рузвелю, — гордо произнёс Робби.

Стражник прошёлся взглядом по группе. Северина к тому времени уже спешила — она сошла с Сэра, едва впереди показались ворота, — и теперь стояла позади остальных, низко надвинув капюшон.

— Хм... а он вас ждёт?

Робби почесал седую бороду и сказал:

— А ты спроси.

— Ладно, проходите, — буркнул стражник, провожая их взглядом.

Группа неторопливо перешла мост через ров. За рвом, в тени поместья, ютилась небольшая деревня. Пахло дымом, мокрым сеном и навозом. Женщина набирала воду из колодца, мужик тянул телегу, гружённую сеном. Справа от поместья темнел трактир — из распахнутой двери неслись пьяные выкрики и обрывки солдатской песни. Двое мальчишек с деревянными мечами носились между домами, пока один не шлёпнулся в лужу. Второй замер, увидев незнакомцев, не похожих на солдат Грая.

Практически перед самым входом в поместье стояли двое хайков в доспехах Грая. Они о чём-то беседовали с молодым блондином, волосы которого были как солнце. Ноар уже спокойнее реагировал на существ. До того, как его спасли Лари и Северина, он чаще встречал их на поле боя, чем в быту.

Блондин услышал шлёпанье ног и копыт по мокрой земле и повернулся. Увидев Робби, он заулыбался во весь рот и, широко раскинув руки, побежал к нему с криками:

— Седой Робби!

Он налетел на старика, крепко обняв. Робби обнял его в ответ и похлопал по плечу.

— А ты подрост, Сьюз, с нашей последней встречи, — заметил Робби.

— Да, тебя давненько не было, седого Робби, — ответил Сьюз.

— Ты был совсем подростком, когда я заезжал в последний раз, а теперь почти мужчина. — Робби сделал паузу и вдруг добавил с каменным лицом: — Теперь я могу со спокойной душой выбить тебе зубы за «седого Робби».

Сьюз на мгновение опешил. А потом они оба расхохотались.

Ноар молча наблюдал за происходящим. Со стороны могло показаться, что ему нет до этого дела. Но внутри шла борьба. Он боялся признаться себе, что не готов её отпустить. Сама эта мысль казалась невозможной. Голова отбрасывала её прочь, во тьму, а сердце, словно назло, вытаскивало обратно на свет.

Северина заметила, что с Лари что-то не так. С тех пор как он узнал, что Водопад Истины не поможет отыскать Эмали, он ходил поникший и большую часть времени смотрел в землю. Но сейчас в его взгляде что-то изменилось. Словно он что-то задумал.

Громкий чих Робби заставил всех обратить на него внимание.

— Совсем простыл в этих дорогах. Сюз, возьми Сэра и заведи в конюшню. А мы пройдем к твоему отцу.

Группа вошла в поместье. Длинный коридор был увешан картинами в тяжёлых рамах. На одних — сцены охоты: собаки рвали кабана, всадники загоняли оленя. На других — портреты суровых мужчин в доспехах и женщин в тёмных платьях. У дальней стены висела картина поменьше: двое мальчишек с деревянными мечами стояли бок о бок. Один — светловолосый, с гордой осанкой. Второй — темнее лицом, на голову ниже, но с таким же упрямым взглядом. В конце коридора виднелась массивная дубовая дверь.

— Ноар, тебе ведь главное — вернуться к своим? — спросил Робби.

— К чему вопрос? — ответил Ноар.

— Если что, ты — ривер. Лари — летописец. А Северина — твоя спутница. — Робби говорил серьёзно. — Рузвель — хороший человек, но лишние вопросы нам ни к чему.

Ноар промолчал.

Дубовая дверь отворилась. За ней открылся большой серый зал. Посреди зала стоял деревянный трон, на котором сидел мужчина, подперев голову рукой. Длинные светлые волосы спадали на плечи, такая же светлая густая борода закрывала грудь. Длинный тонкий нос напоминал птичий клюв. Тонкие губы пересекал шрам — он уходил вбок, придавая лицу вечную кривую усмешку. Глаза — тёмные, цепкие.

Рузвель сидел скучающе, а во второй руке держал две цепи. Они тянулись к железным ошейникам, обхватившим шеи двух обнажённых девушек. Те сидели на полу, словно собаки. В их глазах застыли горечь, страх и покорность.

Брюнетка была худая, с короткими волосами — их явно обрезают недавно, неровно, клочками. На рёбрах проступали синяки, а на запястьях — следы от верёвок. Она смотрела в пол, почти не моргая.

Блондинка казалась моложе. Волосы, когда-то длинные и ухоженные, теперь спутались и свисали грязными прядями. На щеке темнел свежий кровоподтёк, а под левой ключицей виднелся ожог — круглый, размером с монету. Она дрожала, но не от холода. От страха.

— Робби! — выкрикнул Рузвель и дёрнул цепи.

Девушки качнулись, едва не упав, но тут же спохватились: выставили перед собой согнутые руки, вывалили языки и принялись изображать радостный лай.

— Плохая театральная игра, — поморщился Рузвель. Он поднялся с трона, приспустил штаны и поманил девушек пальцем. Те подползли, послушно открыв рты. Рузвель мочился то одной, то другой. — Вот. Для сил. Чтобы лучше лаяли, шавки ирдановские.

Он засмеялся и застегнул штаны. Ноар отвёл взгляд на потолок и стиснул зубы.

— Рад тебя видеть, — сказал Робби, игнорируя происходящее.

— И я тебя. Как тебе мои новые псинки? Наш бордель отлично пополнился, пока мы отхватили кусок территории Ирдана. Правда,дохнут быстро — солдаты совсем не ласковы. — Рузвель хохотнул. — Ничего, ещё наберём.

Ноар стоял неподвижно. Только мышцы на скулах заходили желваками. Ирдан сдаёт земли? Союз Королевств до сих пор держит нейтралитет? Вопросы жгли изнутри. Он хотел

одного — вернуться домой и поднять меч за своё королевство. Мысли о Северине сдуло, как сухую листву.

А потом холодные пальцы коснулись его запястья.

Она стояла рядом — молча, не глядя на него. Одно прикосновение. Но его хватило, чтобы ярость отступила. Чтобы мысли о ней вернулись.

Он выдохнул.

Лари всё так же смотрел в землю перед собой, словно игнорируя происходящее. Словно его здесь не было.

Робби подошёл ближе, и они с Рузвелем обнялись.

— Робби, ты с гостями? — спросил Рузвель.

— А ты что, не видишь? — с ухмылкой ответил Робби.

Рузвель перевёл взгляд на Ноара. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Рузвель отвёл взгляд первым.

— Ты явно ривер. Взгляд убийцы. Можешь взять на ночь любую из моих псинок. — Он кивнул на девушек.

Ноар тяжело выдохнул.

— Пожалуй, в другой раз.

Рузвель повернулся к Северине. Её губы и бледная кожа виднелись из-под капюшона. Он наклонился ниже, заглядывая под ткань.

— А ты красива. Бледновата только. Если ничем не болееешь, я с удовольствием откормлю тебя в своих покоях.

И засмеялся.

Рузвель перевёл взгляд на Лари.

— А это кто?

— Летописец, — ответил Робби.

— Заметно, — усмехнулся Рузвель. — Ты случайно не знаешь где мой братец Харви? Где этот доходяга?

— Мы его искали. Во время поисков потеряли Элу и Гроди. Ты их помнишь.

— Да, помню. Эла неплохая рыжая сучка, так я и не затянул эту лисицу в свои покои. — с легкой усмешкой сказал Рузвель.

Робби пробрал гнев, но скрыл гнев за легкой улыбкой.

Рузвель подозвал прислугу и распорядился выделить две комнаты для гостей, а вечером накрыть стол.

До покоев шли молча. Поместье словно отталкивало от себя, давая понять, что им здесь не рады.

Когда подошли к покоям, Робби спросил:

— Как размещаться будем? Я с Ноаром, Северина с Лари?

Северина подняла лицо, и в её глазах мелькнула горечь расставания.

— Я побуду с Ноаром, — сказала она. — Чтобы он не натворил дел.

Настал поздний вечер. Они сидели в комнате вдвоём. Северина смотрела на Ноара пристально, не отводя глаз, — так же, как он когда-то смотрел на неё у костра. Ноар, напротив, избегал её взгляда. Он хотел забыть её, как страшный сон, но не мог. А она будто запоминала каждую мелочь. Разорванное левое ухо — след боя с хайками. Шрам, перерезавший губу с правой стороны. Голубые глаза и тёмно-коричневый сектор на левом. Она впитывала в себя всё. Каждую черточку. Каждую тень.

В соседней комнате. Лари молча смотрел в пол. Робби всё болтал, оправдывая Рузвеля.

— Он просто своеобразный. Ноар рубит врага во время боя, а Рузвель — после. Это тень каждой войны, — говорил Робби.

Настало время ужина. Северина осталась в комнате. Лари, Ноар и Робби вошли в столовую. Огромный стол ломился от еды, меж блюд теснились графины с вином. Пропустить ужин Ноар не мог — это вызвало бы слишком много подозрений. Во главе стола сидел Рузвель. Справа от него расположился Сьюз — та же светлая шевелюра, что и у отца, те же тонкие черты лица, но мягче, без шрама через губу. Чуть дальше, по правую руку, сидел один из командиров армии Грая — мужчина лет сорока, с коротким ёжиком седеющих волос и сломанным носом, который явно был перебит не раз. Он внимательно разглядывал каждого вошедшего. На другом конце стола, напротив Рузвеля, сидел Робби. Справа от него — Ноар, слева — Лари.

- Так, а как зовут твоего друга ривера? — спросил Рузвель взглянув на Робби.

- Роан, - ответил Ноар.

- Роан? — чуть ли не поперхнувшись переспросил Рузвель.

Ноар представлялся таким именем только в одном месте. С которого выбраться мог только один человек.

— Ты случайно не знаешь Гарви? Мой кузнец. Его по дороге выкрали разбойники и продали в шахты. Он чудом спасся и вернулся сюда — благодаря какому-то Роану. Лицо в шрамах, взгляд убийцы... вылитый ты. Это случайно не ты? — спросил Рузвель.

— Мало ли на этой земле Роанов? — ответил Ноар. — Да даже если и я — главное, что кузнец вернулся.

Рузвель задумался.

— Согласен. Но всё же я покажу тебя Гарви с утра, как только он вернётся. Сейчас его нет в поместье.

Ноар мысленно выдохнул. Гарви выжил. Эта мысль радовала. Но радость тут же омрачилась другим: Гарви — кузнец в поместье врага.

— Робби, а чего летописец такой грустный? — спросил Сьюз.

Рузвель покосился на сына с лёгкой усмешкой — не злой, скорее, оценивающей: мол, учится задавать правильные вопросы.

— Он всегда такой. Если бы ты столько писал, тоже был бы невесёлый, — ответил Робби и засмеялся.

— Да ты только взгляни на его перебинтованные руки, — подхватил Рузвель и захохотал ещё громче. Доел кусок курицы и швырнул его на пол — туда, где в углу столовой сидели две девушки на цепи. Они даже не посмели взглянуть на стол, а лишь молча кинулись к куску.

Рузвель повернулся к сыну.

— А чего у тебя тарелка почти пустая? Сыночек, положи себе курочки. Пока твои любимые кусочки не растащили. Приготовлено как ты любишь. В твоём любимом соусе.

Сьюз едва заметно кивнул, но к блюду не потянулся. Только ниже опустил взгляд.

Командир, сидевший справа от Рузвеля, поднял стакан и сказал:

— Выпьем за победу Грая!

Все подняли стаканы в ответ. Кроме Ноара.

— Дорх, по-моему, твой тост кое-кто не поддерживает, — с ухмылкой сказал Рузвель.

Все покосились на Ноара.

— Я не пью за чужие войны, — грубо ответил он.

Никто ничего не сказал. Остальные молча выпили.

— Мы одержим победу и без тоста изрубленного шрамами ривера, — заметил Дорх. — Как в бою у Плакучих Ив.

— Дорх у нас такой, — Рузвель кивнул на командира с лёгкой усмешкой. — Хорош в бою, спору нет. Но иногда забывает, чья это земля и кто здесь решает, кого хвалить, а кого вешать. Самоуправство Дорха до добра не доводит. Рано или поздно я за него казню. Но пока ты мне нужен.

Дорх криво усмехнулся и промолчал. Видно было, что он слышал это не в первый раз.

— Драконы, снова война, беспокойные времена настали. Но мы такие любим, — сказал Рузвель и засмеялся.

Робби улыбочиво покачал головой:

— Какой бы ты ни был, Рузвель, я всегда тебя уважал за правду и отсутствие страха перед такими временами.

Рузвель сложил руки на животе и взглянул на потолок:

— Да-а-а... Война показывает, кто есть кто. Я её за это и люблю.

— А где твоя бледная спутница? — вдруг спросил Рузвель, отрываясь от кубка. — Та, что прячет лицо под капюшоном. Побрезговала нашим столом?

— Нездоровится, — коротко ответил Ноар.

Рузвель хмыкнул:

— Жаль. Я бы на неё ещё раз взглянул.

Ужин длился долго. Все уже изрядно выпили, когда дверь в столовую отворилась и на пороге появился Харви.

Он был всё в той же грязной одежде, что и в трактире. Чёрная повязка закрывала правый глаз. Вывихнутую руку он по-прежнему держал на весу — видимо, так и не вправил. От него разило кислым пивом, мочой и потом. Он замер в дверях, щурясь единственным глазом на свет факелов, и нетвёрдым шагом двинулся вдоль стола.

Рузвель подскочил к брату и со всей силы ударил его ладонью по лицу.

— Позор рода вернулся! Лучше бы я в детстве выколол тебе не глаз, а сердце! — выкрикнул он и засмеялся.

Харви от удара завалился на спину и остался лежать неподвижно.

Робби опешил.

— Рузвель, будь полегче. Твой брат с охоты, скорее всего. Может себе позволить отдохнуть. — Он поднялся и шагнул к Харви.

Подойдя, Робби подхватил Харви под руки и кое-как отряхнул.

— Робби, я тебя уважаю, но если ты посадишь эту мочёную тварь за наш стол — я не знаю, что сделаю! — грубо бросил Рузвель.

— Тише, тише, не горячись. Я провожу его до комнаты. Завтра с утра поговорим, уже поздно. — Робби увёл Харви под руку.

Он явно забыл, что Ноар и Лари остались за столом.

Рузвель дёрнул цепи, и к нему подползли на четвереньках молодые девушки. Он взглянул на них и обратился к Ноару:

— Роан, возьми одну из них на ночь. — Он говорил довольно, предвкушая.

Ноар должен был отказаться. Но... Он сжал зубы. И произнёс вслух то, что от него не ожидали.

— Давай двух. Одну мне, вторую летописцу. Пусть хоть поулыбается ночью, — спокойно ответил Ноар.

Лари впервые за долгое время поднял глаза и удивлённо взглянул на Ноара.

Рузвель тоже удивился. Подозрения, копившиеся весь вечер отпали.

— Я хотел дать одну, но ладно. Вы друзья Робби и помогали искать моего брата-неудачника. Забирайте обеих. А я найду чем развлечься перед сном.

Он отпустил цепи и скомандовал девушкам бежать к Ноару. Те бросились к нему на четвереньках. Каждый шаг давался с болью — стёртые локти и колени кровоточили. В их глазах заиграла надежда. Надежда не на спасение, а на то, что сегодня будет не так адски больно и унижительно, как обычно.

Все покинули столовую. Дорх проводил Ноара взглядом. Его рука лежала на столе, пальцы медленно постукивали по дереву. Он не вмешался, но было ясно одно: в этом зале не все поверили в спектакль.

Ноар шёл с цепями в руках, не спеша, чтобы девушки могли хоть немного передохнуть. Под плащом он спрятал кусок мяса и хлеб. У дверей комнаты их встретил Робби.

— Прости, Ноар, что так вышло, — устало сказал он.

— Оставь девушек у себя. Утром я их заберу, — ответил Ноар.

Лари взглянул на Ноара.

— Ноар... я сожалею. О том, что обманул тебя.

Ноар взглянул ему в глаза. В них не было ни привычного наигранного веселья, ни трусости — только усталая, вымученная искренность. Так смотрят люди, которые долго несли груз и наконец решились его сбросить.

Ноар не стал ни прощать, ни обвинять. Просто кивнул.

— Что было, то было. Всё-таки ты спас меня. — Он помолчал. — Ты решил, как будешь искать Эмали дальше?

— Да. Мы отправимся в город Разов, он по пути. Там бывает один маг-отступник. Он должен помочь. — Лари снова опустил глаза, потом поднял. — А ты? Вернёшься в Ирдан?

Ноар тяжело выдохнул.

— Да.

— Тогда попрошу тебя: заведи Сэра. Найди ему укромное место. — С глаз Лари скатилась одинокая слеза. — Я к нему очень привык за всё это время.

— Договорились. Ты спас мне жизнь — пусть и со своей выгодой. А я спасу Сэра, — ответил Ноар и едва заметно улыбнулся.

Робби зевнул.

— Это всё, конечно, отлично. Я вам тоже благодарен. Но куда ты тянешь двух рабынь?

— Завтра они уедут со мной. Не переживай. Сэр как раз кстати.

Лари покосился на дверь комнаты Ноара — туда, где ждала Северина. Ноар перехватил его взгляд.

— Она слышала весь наш разговор, — тихо сказал Лари. — Мне кажется, ей будет непросто с тобой расстаться. Она даже ко мне не была так тепла.

Ноар пожал плечами.

— Забирайте девушек к себе. Завтра они больше не будут рабынями. — Он посмотрел на Робби.

Ноар вошёл в комнату. Внутри было тихо. Лунный свет лился сквозь распахнутое окно, заливая пол холодной голубизной.

Он скользнул взглядом по комнате. Кровать пуста. Плащ исчез. Меч тоже. Лишь скомканная простыня на краю постели говорила о том, что она сидела здесь совсем недавно.

Ноар выглянул в окно. Внизу, на мокрой земле, темнели отпечатки — узкие, лёгкие, почти невесомые. Женские сапоги. Совсем свежие.

Он улыбнулся.

— Наследила. Значит, играем в прятки.

Он спрыгнул вниз, приземлившись мягко, почти беззвучно, и тут же ушёл в тень. У конюшни горел факел, двое стражников о чём-то лениво переговаривались, но их голоса звучали пьяно и далеко. Ноар двинулся в обход, прижимаясь к стене поместья.

Следы вели прочь от ворот — через заросли крапивы к старой иве, склонившейся над ровом. Там, где ветви касались воды, земля была примята. На коре остались тонкие царапины от ногтей — она хваталась за ствол, перебираясь на ту сторону. Ноар перешёл ров там же: схватился за ветку, одним рывком перемахнул через воду и приземлился на том берегу.

Дальше следы уводили к реке. Трава была примята едва заметно, но для него этого хватало. Шаг. Ещё шаг. Вот здесь она остановилась — каблук ушёл глубже. Смотрела на воду. Думала.

Ноар выпрямился. Следы обрывались у кромки воды. Он поднял голову. Лунный свет серебрил реку, а у заводи, он увидел её.

Северина стояла спиной к нему, глядя на воду. Капюшон был откинут. Лунный свет лежал на её чёрных волосах, и от этого они казались ещё темнее — словно впитали в себя всю ночь.

Она не обернулась. Плащ соскользнул с плеч и лёг на траву. Туда же, на плащ, она уложила меч: медленно, без спешки, словно откладывала не оружие, а всё, что связывало её с прошлым.

Затем развязала пояс. Он упал к её ногам. Она стянула сапоги, взялась за край рубахи и, одним плавным движением подняв руки, сняла её через голову. Лунный свет облил бледную спину, проступили острые лопатки, линия позвоночника — тонкая, как струна. Брюки скользнули вниз, и она осталась обнажённой.

Не оборачиваясь, не прячась, она шагнула в воду. Холодная река приняла её без всплеска, лишь круги разошлись от бёдер к берегам. Она заходила всё глубже — вода коснулась талии, груди, плеч. И только тогда, по шею в лунной ряби, она замерла и медленно повернула голову.

Ноар застыл.

— Ты снова будешь на меня таращиться или зайдёшь в воду? — спросила Северина. Голос звучал тихо, но в нём не было холода — скорее, усталое тепло.

Он пошёл к воде, на ходу сбрасывая одежду.

Плащ упал первым, за ним — пояс, рубаха. Лунный свет осветил его тело: старые шрамы, свежие швы на спине. Заживающая плоть стянула кожу, и при каждом движении было видно, как мышцы перекачиваются под этим следом.

Он вошёл в воду. Холод охватил ноги, потом бёдра, потом грудь. Он шёл не остановился, пока не оказался рядом с ней.

Северина взяла его лицо в свои ладони. Пальцы были холодными, как всегда, но прикосновение — мягче.

Они взглянули друг другу в глаза.

Его — голубые, с тёмно-коричневым сектором на левом, словно природе не хватило голубой краски. В лунном свете они казались почти прозрачными, как вода у берега.

Её — глубокого тёмного оттенка, не чёрные, а бездонные. В них можно было провалиться, как в омут, и не найти дна.

Она смотрела на него так, как не смотрела ещё никогда. Не холодно, не изучающе, не с той опасной кошачьей хищностью. А так, будто видела впервые. Или в последний раз.

— Северина...

Она не дала договорить. Притянула его к себе и поцеловала — жадно, резко, будто ждала этого слишком долго.

— Без лишних слов, — выдохнула она.

Холодная вода обтекала их, но они не чувствовали холода. Где-то за рвом, за тёмной полосой леса, осталось поместье, пьяные крики стражников, лязг оружия в военном лагере. Здесь не было ни Ирдана, ни Грая, ни войны. Только лунная рябь на воде. Только её ладони на его плечах. Только его руки, скользнувшие по её спине — туда, где позвоночник выгибался, как натянутая тетива.

Два мира, две правды, две крови — всё, что разделяло их, осталось на берегу. В эти минуты они не были врагами. Не были союзниками. Они были просто собой. И в целом мире не существовало ничего, кроме них двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.